

ПРИЛОЖЕНИЕ

M. IVNĪANI IVSTINI
EPITOMA HISTORiarVM
PHILIPPICARVM
POMPEI TROGI

ЮСТИН
ЭПИТОМА СОЧИНЕНИЯ
ПОМПЕЯ ТРОГА

ПРОДОЛЖЕНИЕ

КНИГА VIII

Гл. 1. (1) Греческие государства, из которых каждое стремилось властвовать [над другими], в конце концов все лишились власти (*impegium*). (2) Без удержу стремились они погубить друг друга и, только уже оказавшись под гнетом, поняли, что потери каждого в отдельности означали гибель для всех. (3) Ибо македонский царь Филипп подстергал их, как будто на дозорной башне, строил козни против их свободы, разжигая соперничество между государствами и приходя на помощь слабейшим; так он в конце концов поработил и побежденных и победителей [и подчинил их] своей царской власти. (4) Причиной и источником этого несчастья оказались фивяне¹: когда они одержали верх [над другими], они потеряли разум от своей удачи и на общем собрании [представителей] греческих государств² они обрушились с обвинениями на побежденных лакедемонян и фокидян, как будто те недостаточно искупили свои провинности, перенеся столько убийств и грабежей. (5) Лакедемонянам было вменено в вину, что они заняли фиванскую крепость³ во время перемирия, а фокидянам — что они опустошили Беотию, (6) фивяне якобы желали после бедствий войны снова придать силу законам. (7) Так как решение суда было вынесено согласно воле победителей, то обвиняемые были присуждены к столь большому штрафу, что уплатить его они оказались не в состоянии⁴. (8) Поэтому фокидяне, лишившись и земли, и детей, и жен и придя в полное отчаяние, выбрали себе в вожди некоего Филомела и захватили храм Аполлона в Дельфах, точно разгневались на самого этого бога. (9) После чего, имея в изобилии золото и деньги, они начали войну против фивян с помощью наемных войск. (10) Хотя все проклинали фокидян, как святотатцев, однако гораздо большую ненависть, чем фокидяне, навлекли на себя фивяне, которые довели фокидян до этого. (11) Поэтому фокидянам прислали вспомогательные отряды и афиняне и лакедемоняне⁵. (12) При первом столкновении Филомел захватил лагерь фивян. (13) В следующем сражении Филомел пал⁶, сражаясь во главе своего отряда в самой гуще боя, и своей нечестивой кровью смыл грех святотатства. (14) На его место вождем был избран Ономарх.

Гл. 2. (1) Для борьбы с ним [Ономархом] фивяне и фессалийцы не захотели выбрать себе вождя из числа своих сограждан, опасаясь, что, если он окажется победителем, его власть будет для них нестерпима; (2) [поэтому] они выбрали Филиппа Македонского и добровольно подчинились чужестранному господству (*externae domi-*

¹ Речь идет о причинах Священной войны 355—346 гг. до н. э.; ср. *D i o d.*, XVI, 23, 29; *P a u s.*, X, 2, 1.

² Имеется в виду синедрион амфиктионии.

³ Занятие Кадмеи в 382 г. до н. э.

⁴ По решению синедриона фокидяне за неуплату штрафа должны были отдать в собственность храма Аполлона свою землю; см. *D i o d.*, XVI, 23.

⁵ См. *D i o d.*, XVI, 27, 29.

⁶ Ср. версию Юстина о смерти Филомела (осенью 355 г. до н. э.) — см. *D i o d.*, XVI, 31, 4.

nationi), побоявшись господства своих [сограждан]¹. (3) Филипп, будто бы являясь мстителем не за фивян, а карая святотатство (sacrilegii), приказал всем своим воинам надеть лавровые венки и вступил в сражение² как бы под предводительством самого бога. (4) Фокидяне, увидав венки из лавра, посвященного богу, трепеща от сознания своего преступления, бросали оружие и обратились в бегство, кровью своей и смертью заплатив за оскорбление святыни. (5) Трудно поверить, какую славу стяжал себе благодаря этому Филипп среди всех народов. (6) Вот, говорили, кто наказал за святотатство, кто отомстил за оскорбление святынь; он один совершил то, что должен был сделать весь мир, — покарал святотатцев. (7) Рядом с богами достоин стать он, выступивший в защиту их величия. (8) Однако, когда афиняне услышали об исходе войны, они немедленно, чтобы Филипп не вступил в Грецию, заняли Фермопильское ущелье³, как некогда, когда наступали персы; но совсем не та была уже их доблесть, и защищали они не то, что тогда; (9) ведь тогда они выступили на защиту свободы Греции, а теперь в защиту открытого святотатства; тогда они хотели охранить храмы от разграбления врагами, а теперь решили защищать тех, кто ограбил храм, от [грозившего им] мщения. (10) Они явились покровителями преступления, тогда как [для них] было позором, что мстителями за него оказались [не они сами, а] другие. (11) Афиняне, видно, забыли, как в трудные времена они пользовались советами этого божества, сколько войн закончили победоносно под его водительством, сколько городов основали по его указаниям, какой мощи (imperium) достигли на суше и на море, [забыли], что никогда не предпринимали ничего ни в общественных, ни в частных делах без содействия божественной его силы. (12) И эти умы, изощренные всеми науками, облагороженные наилучшими законами и учреждениями, допустили такое страшное преступление, что впоследствии они не имели уже никакого права в чем бы то ни было упрекать варваров.

Гл. 3. (1) Но и Филипп не проявил себя более благопристойным по отношению к своим союзникам⁴. (2) Он точно боялся, как бы не оказаться превзойденным врагами в делах святотатства. Те самые государства, у которых он еще недавно был вождем, которые воевали под его началом, которые поздравляли и его и себя с общей победой, (3) он захватил и разграбил, как [лютый] враг; жен и детей всех граждан Филипп продал в рабство, (4) не пощадил ни храмов бессмертных богов, ни других священных зданий, ни богов-пенатов общественных и частных, под кров которых он так недавно входил как гость. (5) Поистине казалось, что он не столько был мстителем за святотатство, сколько добивался свободы для себя совершать святотатство. (6) Потом, как будто совершив великие подвиги, он переправился в Каппадокию⁵. Ведя здесь войну с тем же вероломством, взяв хитростью в плен и пе-

¹ Ср. I s o c r., V, 20.

² Повидимому, речь идет о сражении фокидян в южной Фессалии в 353 г. до н. э. с соединенными силами фессалийцев и македонян во главе с Филиппом. Ср. D i o d., XVI, 35. Подробность о лавровых венках имеется только у Юстина.

³ См. D i o d., XVI, 37, 3; 38, 2. Ссылаясь на события 480 г. до н. э., Юстин упускает, что на этот раз она оказалась удачной: Филиппу пришлось отступить. Демосфен не раз обращал внимание своих сограждан на этот подвиг, как на образец своевременного, а поэтому удачного действия в защиту свободы эллинов (см. D e m o s t h., XVIII, 32; XIX, 84, 319; ср. IV, 41).

⁴ С оценкой характера Филиппа у Юстина ср. P a u s., VIII, 7, 5 и T h e o p o t r. (P o l y b., VIII, 14). Как известно, Феопомп — автор истории царствования Филиппа II (Philippica).

⁵ Испорченное место. В Каппадокию Филипп с войском никогда не переправлялся. Из многочисленных конъектур наиболее удачна, повидимому, та, которую предложили Gronovius и Lipsius: «Chalcidicam», тем более, что в прологе к 8-й книге говорится: «... bellum, quod Philippus cum Chalcidicis urbibus gessit».

ребив ближайших царей, он всю эту область подчинил власти Македонии. (7) Затем, чтобы уничтожить толки о своем вероломстве, которым, как тогда считали, он превосходил всех, он разослал по царствам и богатейшим городам (*civitates*) своих посланцев, (8) которые должны были распространять слухи, что царь Филипп за большие деньги сдает подряды на строительство городских стен, святилищ и храмов, и через глашатаев вызывать [к нему] предпринимателей. (9) Когда же те приезжали в Македонию, их задерживали там путем различных проволок, а они, боясь царя, потихоньку уезжали обратно. (10) После этого Филипп напал на Олинф. Дело в том, что олинфяне из сострадания дали у себя убежище двум братьям Филиппа, рожденным от его мачехи, после того как еще один их брат¹ был царем убит. Филипп хотел убить и этих двух, так как они могли притязать на царскую власть. (11) И вот по этой-то причине он разрушил древний и знаменитый город, а братьев предал давно предрешенной казни и наслаждался как богатой добычей, так и желанным для него братоубийством (*patricidii*). (12) Затем, как будто все, что бы ему ни вздумалось, ему было дозволено, он захватил золотые рудники в Фессалии, а серебряные во Фракии², (13) а чтобы ничего не оставить не нарушенным, ни один закон ни божеский, ни человеческий, он занялся еще и морским разбоем³. (14) В это время случилось так, что два брата, фракийские цари, выбрали Филиппа судьей во взаимных их спорах, но не потому, что считали его справедливым, а потому, что каждый боялся, как бы Филипп не пришел на помощь одному из них. (15) Но Филипп, как было у него в обычае, неожиданно для обоих братьев прибыл на третейский суд, как на войну, во главе войска, и у обоих братьев отнял их царства, поступив не как судья, а как коварный, преступный разбойник.

Гл. 4. (1) Пока это происходило, к Филиппу явились афинские послы просить мира. (2) Выслушав их, Филипп и сам направил в Афины послов договориться об условиях мира. Здесь и был заключен мир⁴, выгодный для обеих сторон. (3) Из других греческих государств также прибыли посольства, движимые не любовью к миру, а страхом перед войной. (4) Фессалийцы же и беотяне, все более разъярясь, стали просить царя, чтобы он открыто выступил в качестве вождя[всей] Греции в поход против фокидян. (5) Они пылали такой ненавистью к фокидянам, что забыв о своих поражениях, предпочитали сами погибнуть, лишь бы погубить их, предпочитали терпеть уже испытанную ими жестокость Филиппа, только бы не пощадить своих врагов. (6) Напротив, послы фокидян при поддержке афинян и лакедемонян просили, чтобы царь не начинал против них войну, за отсрочку которой они уже трижды уплачивали ему⁵. (7) Поистине позорное и сожаления достойное зрелище! Греция, еще и в то время первая среди всех стран мира и по силам своим и по достоинству, неизменная победительница царей и народов и еще тогда владычица многих городов, лежала простертой ниц перед чужим престолом и униженно просила то начать, то прекратить войну. (8) Те, кто был оплотом всех стран мира, теперь все свои надежды возлагали на мощь чужестранца, раздорами своими и внутренними войнами доведенные до того, что пресмыкались перед тем, кто недавно еще был ничтожнейшим из их подопечных; (9) и особенно усердствовали фивяне и лакедемоняне, которые раньше соперничали между собой из-за власти над Грецией, а теперь наперебой добивались милостей властелина⁶. (10) Филипп между тем, в величии своей славы, как будто относится с презрением

¹ О братьях Филиппа см. выше, VII, 4, 5. Война Филиппа с Олинфом относится к 349—348 гг. до н. э. См. *D i o d.*, XVI, 53; *D e m o s t h.*, Олинфские речи и Филиппики.

² Филипп завладел Пандейскими рудниками во Фракии раньше, во время захвата им Амфиополя и Потидеи (356 г. до н. э.). См. *D i o d.*, XVI, 8.

³ Ср. *D e m o s t h.*, IV, 34.

⁴ Филократов мир 346 г. до н. э. См. *D e m o s t h.*, Or., XVIII. XIX; *A e s c h i n.*, Or., II, III.

⁵ Ср. *D e m o s t h.*, IX, 11.

⁶ *Gratias imperantis* — конъектура *Alting'a*; в рукописях: *Graeciae imperantis*.

к этим знаменитым городам и тем временем взвешивает, кому отдать предпочтение. (11) Он тайно выслушивает просьбы обоих посольств; одним обещает избавление от войны и обязывает их клятвой никому не выдавать этого ответа; другим, напротив, говорит, что придет им на помощь. И тем и другим запрещает готовиться к войне и чего бы то ни было опасаться. (12) Успокоив всех такими разноречивыми ответами, он занимает Фермопильское ущелье¹.

Гл. 5. (1) Тогда, поняв, что они стали жертвой коварного обмана, фокидяне первыми, трепеща от страха, взялись за оружие. (2) Но уже не было ни возможности приготовиться к войне, ни времени, чтобы стянуть вспомогательные отряды; а Филипп грозил поголовным избиением, если они не сдадутся. (3) Вынужденные необходимостью, они сдались, выговорив себе личную безопасность. (4) Но договор этот оказался столь же надежным, как данное ранее обещание, что войны не будет. (5) Повсеместно начались убийства и грабежи; у родителей отнимали детей, у мужей жен, из храмов похищали изображения богов². (6) Одно только утешение оставалось этим несчастным — что Филипп обманул и своих союзников, обойдя их добычей, так что фокидяне не видели ничего из своего достояния в руках [греческих] своих недругов. (7) Возвратившись в свое царство, Филипп, наподобие того, как пастухи перегоняют свои стада то на летние, то на зимние пастбища, начал переселять по своему произволу народы и [целые] города³, смотря по тому, какую местность он считал нужным более густо заселить, а какую более редко. (8) Жалости достоин был вид всего этого, как будто все погибало. (9) Не было, правда, страха перед врагом, не было воинов, рыщущих по городу, не было бряцания оружия, не было разграбления имущества и похищения жителей, (10) но повсюду царила молчаливая печаль и скорбь людей, боящихся, как бы даже слезы их не были сочтены за сопротивление. (11) Но скрытая скорбь еще тяжелее, и страдание тем глубже, чем менее проявляется. (12) Переселяемые бросали [последние] взгляды то на могилы своих предков, то на древние свои пенаты, то на дома свои, где сами они родились и где рождали детей, (13) сокрушаясь то о себе, что дожили до этого дня, то о детях своих, что они не родились уже после него.

Гл. 6. (1) Одни народы Филипп поселил у самой границы, чтобы они давали отпор врагам, других поселил в самых отдаленных пределах своего царства, а некоторых военнопленных расселил по городам для пополнения их населения. (2) Так из многочисленных племен и народов он создал единое царство и единый народ. (3) Устроив и приведя в порядок дела в Македонии, Филипп завоевал при помощи коварства и хитрости области дарданов и других соседей; (4) но даже и родственников он не пощадил: так, он решил лишить престола эпирского царя Аррибу, связанного теснейшими узами родства⁴ с женой Филиппа Олимпиадой, (5) а Александра, пасынка Аррибы, брата жены своей Олимпиады, красивого и чистого нравами юношу, Филипп вызвал в Македонию якобы по просьбе сестры. (6) Всеми способами, то обещая юноше царскую корону, то притворяясь влюбленным, Филипп склонил юношу к преступной связи с ним. Филипп рассчитывал, что впоследствии Александр будет ему вполне покорным либо из чувства стыда, либо из чувства благодарности за [обещанное] благодеяние, царскую власть. (7) Поэтому, когда Александру исполнилось двадцать лет, Филипп, несмотря на его юный возраст, передал ему отнятое у Аррибы царство, совершив, таким образом, преступление по отношению и к тому и к другому. (8) Ибо в отношении того, у которого отнял царство, он нарушил право родства, а того, которому он отдал царство, развратил, прежде чем сделать его царем.

¹ 346 г. до н. э.; см. *D e m o s t h.*, XIX, 57 сл.; *D i o d.*, XVI, 59.

² Ср. *D i o d.*, XVI, 60; *D e m o s t h.*, XIX, 64 сл.

³ Современные историки относят это сообщение Юстина к населению захваченных Филиппом греческих городов в Халкидике. См. *G. G l o t z*, ук. соч., стр. 236 и прим. 40.

⁴ Ср. *D i o d.*, XVI, 72. 1. Арриба был дядей Олимпиады и вместе с тем мужем ее сестры. См. выше, VII, 6, 11 сл.; *P a u s.*, I, 11, 1; *P l u t.* *Pyrrh.*, 1.

КНИГА IX

Гл. 1. (1) Когда Филипп вступил в Грецию и разграбил несколько городов, то добыча, полученная от этих незначительных городов, только раздражила его [жадность], так как он прикинул в уме, какие богатства имеются во всех греческих городах, взятых вместе; поэтому он решил завязать войну со всей Грецией в целом. (2) Он рассудил, что для успеха предприятия будет очень полезно подчинить себе знаменитый приморский город Византий и сделать из него базу для своих морских и сухопутных сил; а когда Византий запер перед ним свои ворота, то он осадил его, окружив со всех сторон. (3) Впервые этот город был захвачен¹ Павсанием, спартанским царем, и в течение семи лет находился под его властью²; в дальнейшем Византий, в зависимости от изменчивого военного счастья, находился под властью то лакедемонян, то афинян. (4) и эта неопределенность его положения привела к тому, что, не ожидая ни от кого помощи³, византийцы тем упорнее сами отстаивали свою свободу. (5) Из-за продолжительной осады казна Филиппа стала истощаться, и он начал добывать деньги морскими разбоями. (6) Так, он захватил сто семьдесят кораблей и, распродав их груз, до некоторой степени избавился от крайней нужды⁴. (7) Затем, чтобы не держать все войско на осаде одного только города, Филипп, отобрав храбрейших воинов, выступил в поход, завоевал много городов в Херсонесе [Фракийском]⁵ (8) и вызвал к себе своего восемнадцатилетнего сына Александра, чтобы тот под отцовской командой начал изучать основы военного дела⁶. (9) После этого Филипп отправился в Скифию⁷, тоже надеясь на добычу и намереваясь — по примеру купцов — затраты на одну войну покрыть доходами с другой.

Гл. 2. (1) В то время скифским царем был Атей. Когда он находился в затруднительном положении во время войны с истрианами, то через аполлонян он попросил помощи у Филиппа, с тем, чтобы усыновить его и сделать его наследником скифского царства. (2) Между тем царь истрийский умер и тем самым избавил скифов и от страха перед войной и от нужды в помощи. (3) Поэтому Атей, отпустив македонян, приказал им сказать Филиппу, что он не просил у него помощи и не поручал говорить ему об усыновлении, (4) ибо не нуждаются скифы в македонской защите, так как превосходят македонян [в храбрости], да и в наследнике он, [Атей], не нуждается, так как его сын здравствует. (5) Выслушав это, Филипп отправил к Атею послов, чтобы добиться от него денег для покрытия хотя бы части расходов на осаду Византия, иначе он будет

¹ *Capta* — конъектура *Dunker'a*. В рукописях — *condita*.

² Критику источников и современной литературы, связанной с вопросом о пребывании в Византии Павсания после окончания греко-персидских войн, см. у В. П. Невской, Византий в классическую и эллинистическую эпохи, М., 1953, стр. 66 слл. Об отношениях Византия с фракийцами, македонянами и афинянами с середины IV в. до н. э. см. там же, стр. 111 слл.

³ Византий отнюдь не был изолирован во время осады его Филиппом (340 г. до н. э.): городу оказали помощь афиняне, хиосцы, родосцы, косцы (см. *D i o d.*, XVI, 77, 2; *P l u t.*, *Dem.*, 17; *Phoc.*, 14), и Филиппу пришлось снять осаду. В это же время возобновилась война между Филиппом и афинянами, прерванная Филократовым миром 346 г. до н. э. Решительный отпор, оказанный Филиппу на Херсонесе Фракийском и в Византии, был в значительной мере результатом предыдущих дипломатических усилий Демосфена. См. В. П. Невская, ука. соч., стр. 114 слл.

⁴ Об этом инциденте см. *G. G l o t z*, ука. соч., стр. 338—339.

⁵ *Sr. F r o n t.*, I, 4, 13a.

⁶ *Sr. P l u t.*, *Alex.*, 9, 1. По Плутарху, Александр во время войны Филиппа с Византием совершил удачный поход против мэдов, западнофракийского племени. Александру тогда было не восемнадцать, а пятнадцать лет.

⁷ 339 г. до н. э. (см. *A e s c h i n.*, III, 128, 129). О взаимоотношениях между скифами, западнопонтийскими городами, фракийцами и македонянами во время этого похода см. Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 80 слл.

вынужден вследствие недостатка в средствах прекратить войну. (6) [Послам было поручено сказать, что] Атей скорее должен выполнить это требование, так как он не только не уплатил за службу воинам, присланным ему Филиппом, но даже не оплатил издержек по их перевозке. (7) Однако Атей стал ссылаться на то, что климат в Скифии неблагоприятный, а почва бесплодна; она не только не обогащает скифов, но едва-едва доставляет им пропитание; нет у него богатств, которыми он мог бы удовлетворить столь великого царя, (8) а отделаться небольшой подачкой он считает более непристойным, чем вовсе отказать. (9) Вообще же скифов ценят за доблестный дух и закаленное тело, а не за богатства. (10) В ответ на это издевательство Филипп, сняв осаду с Византии, двинулся войной на скифов. Чтобы скифы ничего не заподозрили, Филипп отправил вперед послов, которые должны были сообщить Атею, что он, Филипп, во время осады Византии дал обет воздвигнуть статую Геркулесу (11) и идет теперь, чтобы поставить ее в устье Истра, поэтому просит, чтобы ему дали пройти спокойно и почтить бога; совершить же этот путь Филипп намерен как друг скифов. (12) [В ответ на это Атей] приказывает: если Филипп хочет выполнить обет, то пусть он пришлет статую к нему, [Атею]. Он обещает не только поставить статую, но и сохранить ее невредимой, однако он не потерпит, чтобы войско Филиппа вступило в его пределы. (13) Если же Филипп поставит статую против воли скифов, то, как только он уйдет, Атей низвергнет статую, а медь, из которой она отлита, превратит в острия для стрел. (14) Этот спор ожесточил обе стороны, и завязалась война. Хотя скифы превосходили [македониян] и числом и храбростью, но они были побеждены хитростью Филиппа. (15) Двадцать тысяч женщин и детей было взято в плен, было захвачено множество скота; золота и серебра не нашлось совсем. Тогда пришлось поверить тому, что скифы действительно очень бедны. (16) В Македонию послали двадцать тысяч наилучших кобылиц для разведения коней [скифской породы].

Гл. 3. (1) Когда Филипп возвращался из Скифии, ему преградили путь трибаллы, отказываясь пропустить его через свои владения, если не получат от него части добычи. (2) От взаимных оскорблений перешли к оружию; в этом сражении Филипп был ранен в бедро, и притом так, что оружие, пройдя через тело Филиппа, убило его копя. (3) Так как все думали, что Филипп убит, то добыча ускользнула из рук. Таким образом, добыча, захваченная в Скифии, точно на ней лежало проклятие, едва не принесла гибели македонянам. (4) Однако, как только Филипп оправился от раны, он начал войну против афинян¹, которую давно уже втайне готовил. (5) Фивяне² встали на сторону афинян, опасаясь, что если афиняне будут побеждены, пламя войны перекинется к ним. (6) Между этими двумя государствами, незадолго до того столь враждебными друг другу³, был заключен союз, и они разослали посольства по всей Греции: они считают, [говорили они], что общего врага надо отражать общими силами, (7) ибо Филипп, если первые его действия будут удачны, не успокоится, пока не покорит всю Грецию. (8) Под влиянием этого некоторые государства присоединились⁴ к афинянам; некоторых же страх перед трудностями войны склонил на сторону Филиппа. (9) Когда дело дошло до сражения, афиняне, хотя намного превосходили врага своей численностью⁵, были побеждены доблестью македонян, закаленной в постоянных войнах

¹ См. D i o d., XVI, 84—88, 2.

² См. D e m o s t h., XVIII, 214 сл.; A e s c h i n., III, 137 слл.

³ См. выше, кн. VIII.

⁴ В 339—338 гг. до н. э. к союзникам для сопротивления Филиппу присоединились также коринфяне, эвбеяне, мегаряне, ахейяне, левкадяне, керкирияне (см. D e m o s t h., XVIII, 237; P l u t., Dem., 17; S t r a b o, IX, 2, 37, стр. 414; P a u s., VII, 6, 5). Ни одно из пелопоннесских государств, кроме ахейского и коринфского, в войне не участвовало (см. P o l y b., XVII, 14). На македонской стороне сражались члены амфикитии по ту сторону Фермопил и, повидимому, этоляне (см. S t r a b o, IX, 4, 7, стр. 427).

⁵ По D и о д о р у (XVI, 85), в битве при Херонее (август 338 г. до н. э.) войска Филиппа превосходили противников своим числом.

(10) Но погибли они, памятуя о прежней своей славе; раны у всех [павших] были на груди, и каждый, [падая и] умирая, покрывал своим телом то место, на которое он был поставлен своим военачальником. (11) Этот день был для всей Греции концом ее славного господства и ее издревле существовавшей свободы.

Гл. 4. (1) Филипп весьма хитроумно затаил в душе радость по поводу этой победы. В этот день он даже не принес обычных в таких случаях жертв, не смеялся во время пира, не допустил во время трапезы никаких игр, не было ни венков, ни благовоний, и, насколько это зависело от него, он держал себя после победы так, что никто не чувствовал в нем победителя¹. (2) Не царем Греции он велел называть себя, а ее вождем². (3) Он так умело скрывал свою радость перед лицом отчаяния своих врагов, что ни его приближенные не замечали, чтобы он чрезмерно радовался, ни побежденные не видели в нем злорадства. (4) Афинянам, которые выказали особую враждебность по отношению к нему, он без выкупа возвратил пленных, передал тела убитых для погребения и даже предложил им собрать все останки и положить их в гробницы предков. (5) Кроме того, Филипп послал в Афины своего сына Александра со своим другом Антипатром для заключения мира и дружбы. (6) С фивян³ Филипп, напротив, взял выкуп не только за пленных, но даже за право похоронить павших. (7) Самым видным гражданам он велел отрубить головы, других он отправил в изгнание, а имущество всех их забрал себе. (8) Тех, которые были изгнаны несправедливо, он вернул в отечество. Из числа их он назначил треста бывших изгнанников судьями и правителями государства. (9) Когда эти [олигархи] привлекли к суду самых влиятельных лиц в городе, обвиняя их в том, что те незаконно отправили их в изгнание, то обвиняемые проявили такую твердость духа, что признали себя действительными инициаторами этого решения и утверждали, что для государства было гораздо лучше, когда те, [олигархи], находились в изгнании, чем теперь, когда они возвратились домой. (10) Поистине изумительная смелость! Судьям, в чьих руках была власть над жизнью и смертью их, подсудимые [сами] вынесли обвинительный приговор и презрели оправдание, которое могли даровать им враги; не имея уже возможности отместить делом, они хотя бы словом боролись за свою свободу.

Гл. 5. (1) Филипп, приведя в порядок дела в Греции, приказал созвать в Коринф представителей от всех государств⁴ для того, чтобы установить определенный порядок при сложившемся положении вещей. (2) Здесь Филипп определил условия мира для всей Греции сообразно с заслугами отдельных государств и образовал из всех их общий совет, как бы единый сенат. (3) Одни только лакедемоняне отнеслись с презрением и к царю и к его установлениям⁵, считая не миром, а рабством тот мир, о котором не сами государства договорились, а который дарован победителем. (4) Затем определена была численность вспомогательных отрядов, которые должны были выставить отдельные государства либо в помощь царю в случае нападения на него, либо для использования их под его командой в случае, если он сам объявит войну кому-нибудь. (5) И не было сомнения, что эти приготовления направлены против персидского государства. (6) Численность вспомогательных отрядов была — двести тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников⁶. (7) Сверх этого количества — македонское войско и отряды варваров из покоренных Македонией соседних племен. (8) В начале весны он послал

¹ Несколько иную картину рисуют Диодор (XVI, 87; XXXII 4) и Плутарх (Dem., 20). Ср. с Юстином Polyb., V, 10, 1—5; XXII, 16.

² На Коринфском конгрессе Филипп был признан «гегемоном» (ἡγεμών) эллинов (IG, II², 236a, l, 21) и «стратегом-автократором» (στρατηγὸς αὐτοκράτωρ) войск Коринфского союза. См. также Di o d., XVI, 89; XVII, 4; Poly b., IX, 33, 7.

³ См. Di o d., XVI, 83, 4; Pa u s., IX, 1, 8.

⁴ О Коринфском союзе, образованном Филиппом в 337 г. до н. э., см. IG, II², 236; ср. Di o d., XVI, 89. Ср. В u s o l t - S w o b o d a, Gr. Staatskunde, II, стр. 1389 сл.

⁵ Ср. S t r a b o, VIII, 5, 5, стр. 365.

⁶ Численность войск, выставленных эллинскими государствами — членами Коринфского союза приводится только у Юстина.

вперед в Азию, подвластную персам, трех полководцев¹: Пармениона, Аминту и Аттала, (9) сестру² которого он незадолго перед тем взял в жены, после того как развелся с матерью Александра, Олимпиадой, заподозрив ее в прелюбодеянии.

Гл. 6. (1) Пока собирались вспомогательные войска из Греции, Филипп справил свадьбу дочери своей Клеопатры и Александра³, которого он сделал царем Эпира. (2) Свадьба была отпразднована с невероятной пышностью, как это подобало великим царям — и тому, кто выдавал дочь замуж, и тому, кто брал себе жену. (3) Не было недостатка и в великолепных зрелищах; Филипп отправился посмотреть на них без телохранителей, между двумя Александрями, сыном и зятем. (4) Воспользовавшись этим, молодой человек из македонской знати, по имени Павсаний, ни в ком не возбуждавший подозрений, стал в узком проходе и заколол Филиппа⁴, когда тот шел мимо него; так день веселья превратился в день погребальных рыданий. (5) Павсаний⁵ этотеще в ранней юности подвергся насилию со стороны Аттала, причем этот и без того позорный поступок тот сделал еще более гнусным: (6) приведя Павсания на пир и напоив его допьяна неразбавленным вином, Аттал сделал его жертвой не только своей похоти, но предоставил его и остальным своим сотрапезникам, словно Павсаний был продажным распутником, так что Павсаний стал посмешищем в глазах своих сверстников. (7) Тяжко оскорбленный, Павсаний несколько раз обращался с жалобами к Филиппу. (8) Павсанию отводили глаза ложными обещаниями, да еще и подшучивали над ним, а врагу его — он видел — дали почетную должность военачальника; поэтому он обратил свой гнев против Филиппа и, не будучи в состоянии отомстить обидчику, отмстил несправедливому судье.

Гл. 7. (1) Думали также, что Павсаний был подослан Олимпиадой⁶, матерью Александра, да и сам Александр не был, повидимому, не осведомлен о том, что замышляется убийство его отца, (2) ибо Олимпиада не менее страдала от того, что ее отвергли и предпочли ей Клеопатру, чем Павсаний от своего позора. (3) Александр же опасался встретить соперника в лице брата, рожденного мачехой, от этого-то и у него однажды уже произошла ссора во время пира сначала с Атталом, а потом и с самим отцом, (4) причем дело дошло до того, что Филипп гонялся за Александром с обнаженным мечом и друзья едва умолили царя не убивать сына. (5) По этой причине Александр вместе с матерью удалился сначала к своему дяде по матери в Эпир, а оттуда к иллирийскому царю. (6) С отцом, который звал его обратно, Александр примирился неохотно и вернулся против своей воли, уступив только просьбам родственников. (7) Олимпиада, со своей стороны, побуждала своего брата Александра, царя Эпира, к войне с Филиппом и достигла бы цели, если бы Филипп не сделал Александра своим зятем, выдав за него дочь. (8) Полагали, что и тот и другая [Александр и Олимпиада] в своем озлоблении толкнули Павсания, негодовавшего на безнаказанность своего оскорбителя, на такое страшное злодеяние. (9) Олимпиада, повидимому, держала наготове коней для убийцы на случай его бегства⁷. (10) Когда же она, услышав об убийстве царя, поспешила на похороны под предлогом исполнения последнего долга, то она в ту же ночь возложила на голову висевшего на кресте Павсания золотой венец⁸. Никто, кроме нее, не мог отважиться на это, раз после Филиппа остался сын. (11) Спустя немного дней она сожгла снятый с креста труп убийцы над останками своего мужа и приказала насыпать холм на том же месте; она позаботилась и о том, чтобы ежегодно приносились умершему жертвы, согласно с верованиями народа. (12) Затем Олимпиада принудила Клео-

¹ Ср. D i o d., XVI, 91. Событие относится к весне 336 г. до н. э.

² Клеопатра, по Д и о д о р у (XVI, 93, 9); Аттал был ее племянником. По П л у т а р х у (Alex., 9; ср. Paus., VIII, 7, 7), он был ее дядей.

³ См. выше, VIII, 6, 5 и ниже, IX, 7, 7.

⁴ Ср. D i o d., XVI, 91—94. Филипп был убит в августе 336 г. до н. э.

⁵ См. D i o d., XVI, 93 сл.; A r i s t., Pol., V, 10, 16, стр. 1311 в.

⁶ См. P l u t., Alex., 10.

⁷ Ср. D i o d., XVI, 94, 3.

⁸ Детали, приведенные в § 10—11 и 13, имеются только у Юстина.

патру¹, из-за которой Филипп развелся с ней, повеситься, сперва умертвив в объятиях матери ее дочь. Зрелищем повесившейся [соперницы] она утолила свою месть, которой она поспешила достичь, убив мужа. (13) Наконец, она посвятила Аполлону меч, которым был заколот царь, от имени Мирталы; это имя Олимпиада носила в младенчестве. (14) Все это она делала настолько открыто, как будто она боялась, что преступление, совершенное ею, будет приписано не ей.

Гл. 8. (1) Филипп умер сорока семи лет², процарствовав двадцать пять лет. (2) От танцовщицы из Лариссы у него был сын Арридей, царствовавший после Александра. (3) Было у него и еще много сыновей от разных браков, в которые он, как было в обычае у царей, вступал не раз; некоторые из этих сыновей умерли естественной, другие насильственной смертью. (4) Царь этот больше любил оружие, чем пиры, (5) и самые огромные богатства были для него только средствами для войны; (6) он более заботился о приобретении богатств, чем об их сохранении, (7) поэтому, постоянно занимаясь грабежом, он постоянно нуждался. К милосердию и к вероломству он был одинаково склонен. Любой прием, который вел к победе, не был постыдным в его глазах. (8) В беседах был и льстив и коварен, на словах обещал больше, чем выполнял. Мастер и на серьезные дела и на шутки. (9) Друзей ценил по выгоде, а не по достоинству. Ненавидя, притворяться милостивым, сеять ненависть между двумя друзьями и при этом ладить с обоими — вошло у него в привычку. (10) Как оратор, он был красноречив, изобретателен и остроумен; изощренность его речи сочеталась с легкостью и сама эта легкость была изощренной. (11) Филиппу наследовал сын его Александр, который и доблестями и пороками превзошел отца. (12) Способы у того и другого побеждать были различны: Александр вел войны открыто, Филипп пользовался военными хитростями. Филипп радовался, если ему удавалось обмануть врагов, Александр — если ему удавалось разбить их в открытом бою. (13) Филипп был более благоразумен, Александр — великодушен. (14) Отец умел скрывать гнев, а часто даже подавлять его; если же вспыхивал гневом Александр, то он мстил немедленно и не зная никакой меры в отмщении. (15) И тот и другой слишком любили вино, но в опьянении их пороки проявлялись по-разному. У отца было в обыкновении прямо с пира бросаться на врага, схватываться с ним, безрассудно подвергаться опасности; Александр же в опьянении свирепствовал не против врагов, но против своих приближенных. (16) Поэтому Филипп часто покидал бой, получив раны сам, а Александр нередко покидал пир, убив друга. (17) Филипп меж друзей не хотел держаться по-царски, Александр же и с друзьями хотел быть царем. Отец хотел, чтоб его любили, сын — чтобы его боялись. (18) Интерес к наукам был одинаков у обоих. У отца было больше изворотливости, у сына — прямоты. (19) Филипп более умел сдерживаться в словах и речах, сын — в поступках. (20) Сын охотнее шадил врагов и был благороднее душой. Отец был склонен к умеренности, сын — к роскоши. (21) Благодаря этим своим чертам характера отец заложил основы мирового господства (*orbis imperii fundamenta iecit*), а завершил это многославное дело сын.

КНИГА X

Гл. 1. (1) У персидского царя Артаксеркса³ было от наложниц сто пятнадцать сыновей, но только трое от законного брака: Дарий, Ариарат и Ох. (2) Из них отец еще при жизни своей возвел в царское достоинство Дария, из любви к нему, вопреки пер-

¹ Ср. P a u s., VIII, 7, 7; P l u t., Alex., 10.

² По Павсанию (VIII, 7, 6), Филипп был убит в возрасте сорока шести лет. Он правил с 359 по 336 г. до н. э.

³ Об Артаксерксе II Мнемоне (правил с 404 по 358 г. до н. э.) и его сыновьях см. также P l u t., Artax., 26—30. Между рассказами Плутарха и Юстина есть некоторые расхождения. По Плутарху, второй сын Артаксеркса назывался Ариаспом (ср. I u s t., X, 1, 1). По Плутарху, Артаксеркс сначала отдал Аспазию Дарию, а вскоре после этого отнял ее у последнего и сделал жрицей экбатанской Артемиды, «которую называют Анаит» (ἡν Ἀναίτιν καλοῦσιν — ср. I u s t., X, 2, 4). По Плутарху-

сидскому обычаю, по которому новый царь может принять власть только после смерти своего предшественника; (3) он полагал, что, делясь с сыном, он сам не теряет ничего, но для него будет очень радостно видеть еще при жизни своей [внешние] знаки своего собственного величия на рожденном им [сыне]. (4) Но Дарий после этого необычайного проявления отцовской любви замыслил убить отца. (5) Он был бы уже достаточно преступен, если бы помышлял об отцеубийстве (*parricidium*) сам, но еще более стал он преступен от того, что превратил пятьдесят своих братьев в соучастников своего преступления и сделал их отцеубийцами. (6) Поистине удивительно, что имеются [на свете] такие люди, которые в таком количестве могли не только что участвовать в отцеубийстве, но и скрывать свое намерение, что из пятидесяти сыновей не нашлось ни одного, кто бы отшатнулся от такого чудовищного дела из уважения к царскому сану отца или к его старости, или просто из сыновней любви. (7) И как мог отец стать настолько ненавистным для столь многих сыновей, что окруженный теми, кто должен был бы его от врагов защищать, он, опутанный кознями, подвергся большей опасности, чем если бы был среди врагов!

Гл. 2. (1) Повод к совершению отцеубийства был еще преступнее самого отцеубийства. (2) Когда Кир был убит во время войны между братьями, о которой было упомянуто выше¹, царь Артаксеркс взял в жены Аспазию, наложницу Кира. (3) Дарий потребовал, чтобы отец уступил ее ему, как уступил царское достоинство. (4) По любви своей к детям царь сначала сказал, что просьбу эту исполнит. Но скоро раскаялся и, чтобы иметь право не выполнять своего опрометчивого обещания, сделал Аспазию главной жрицей солнца, что налагало на нее на всю остальную жизнь обет чистоты и воздержания. (5) Молодой человек, рассерженный этим, сначала осыпал отца оскорблениями, а вскоре после этого вступил с братьями в заговор. Однако, пока он строил козни против отца, он был схвачен вместе со своими сообщниками и за покушение на отцеубийство понес кару от богов, мстителей за [порушение] достоинства отца и царя (*diis paternae maiestatis ultoribus*). (6) Были убиты и жены всех соучастников вместе с их детьми, чтобы и следа не оставалось столь ужасного преступления. (7) После этого Артаксеркс скончался, заболев от горя; он был более счастливым царем, нежели отцом.

Гл. 3. (1) По праву наследования царство было вручено Оху². Боясь подобного же заговора, он учинил в царском дворце резню, уничтожив и родственников и вельмож, не считаясь ни с кровным родством, ни с полом, ни с возрастом, словно стремясь сравняться в преступности с братьями. (2) Таким образом, якобы наведя порядок в своем царстве, он пошел войной на кадузиев. (3) Однажды во время этой войны по вызову врагов состоялся поединок, в котором от персов с общего одобрения выступил некто Кодоманн³, убил своего противника и тем доставил победу персам, возвратив им почти что утерянную ими славу. (4) В награду за это Кодоманну было поручено управление Арменией. (5) Спустя некоторое время после смерти царя Оха⁴ он, в память о его доблестном поступке, был избран народом в цари, а чтобы его царское достоинство не потерпело ущерба, он был почтен именем Дария. (6) В течение долгого времени он с переменным счастьем весьма доблестно вел войну с Александром Великим. (7) Наконец, побежденный Александром, он был убит своими родственниками, и вместе с его жизнью кончилось и владычество персов.

Артаксеркс скончался, когда узнал, что Ох убил последнего из своих братьев (ср. I u s t., X, 2, 7).

¹ См. выше, V, 11.

² Артаксеркс Ох правил с 358 по 338 г. до н. э. О резне, учиненной им, см. C u r t., X, 5, 22.

³ Ср. D i o d., XVII, 6.

⁴ Ср. D i o d., XVII, 5; A g r., Анаб., II, 14,5. В 338 г. до н. э. Ох был отравлен своим приближенным Багасом, который возвел на престол сперва сына Оха, Арса, а затем, отравив и этого, Кодоманна, родственника Оха. Кодоманн правил с 336 по 330 г. до н. э.

КНИГА XI

Гл. 1. (1) Так как в войске Филиппа были разные народности, то, когда он был убит, все они восприняли это по-разному. (2) Одни, угнетаемые несправедливым рабством, конечно, стали надеяться на получение свободы; (3) другим надоела долгая служба, и они радовались тому, что избавились от похода в Азию; (4) некоторые сокрушались о том, что факелом, зажженным для свадьбы дочери, пришлось поджечь погребальный костер отца; (5) а друзей [царя] при столь неожиданной перемене охватил великий страх. Они представляли себе то Азию, вызванную на бой, то Европу, еще не укрошенную, (6) то иллирийцев, фракийцев, дарданцев и другие варварские племена, верность которых была сомнительна, которые в душе были предателями, — если бы все эти народы одновременно отложились от Македонии, устоять было бы невозможно. (7) При этих обстоятельствах как бы неким целебным средством явилось выступление Александра: (8) в народном собрании он настолько своевременно успокоил и ободрил весь простой народ, что тех, кто боялся, избавил от страха и внушил всем веру в себя. (9) Было ему двадцать лет от роду¹, и в этом возрасте он был хотя и многообещающим, но таким скромным, как будто хотел в дальнейшем проявить себя на деле. (10) Македонян он освободил от всех государственных повинностей, кроме военной службы; этим поступком он заслужил такое расположение со стороны всех [окружающих], что стали говорить: [на престоле] сменился человек, но доблесть царская осталась² неизменной.

Гл. 2. (1) Первой заботой Александра было устройство похорон отца; прежде всего он приказал убить перед могильным холмом отца соучастников его убийства. (2) Пощадил он только Александра Линкеста, брата...³, сохранив в его лице вестника о своем воцарении. Линкест первый приветствовал Александра как царя. (3) Приказал он также убить соперника своего по праву на власть (*aemulum imperii*), своего брата Карана, рожденного от мачехи. (4) В самом начале царствования⁴ [Александр] усмирил многие восставшие племена⁵, подавил несколько вспыхнувших было мятежей. (5) Ободренный этими успехами, он поспешно направляется в Грецию, где, по примеру отца, вызывает в Коринф представителей от [греческих] государств⁶ и становится их вождем вместо отца. (6) Затем он берется за уже начатую его отцом войну против персов⁷. (7) Занятый приготовлениями к ней, он получает известие, что афиняне и фивяне, отпав от него, перешли на сторону персов, что виновником отпадения их является оратор Демосфен, которого подкупили персы огромным количеством золота⁸,

¹ Ср. P l u t., Alex., 11.

² Ср. D i o d., XVII, 2, 2.

³ Место испорчено. Конъектура I e r r ' a : [parricidarum] fratri. Ср. A g r., Anab., I, 25, 1—2. Александр пощадил Линкеста, возможно, не только по указанной у Юстина, XI, 2, 2, причине — см. ниже, гл. 7, 1—2.

⁴ Последовательность событий, развернувшихся в первые годы царствования Александра (с лета 336 г. по весну 334 г. до н. э.), в различных источниках дана по-разному. Ср. D i o d., XVII, 4; 8—15; A g r., Anab., I, 1—10; P l u t., Alex., 11—14. В сокращении Юстина хронология этого периода, очевидно, спутана.

⁵ Возможно, подразумеваются походы Александра против трибаллов, иллирийцев и других племен. По Диодору и Арриану, эти походы имели место в первую половину 335 г. до н. э. — после первого прибытия Александра в Грецию летом 336 г. до н. э.

⁶ По Д и о д о р у (XVII, 4; ср. A g r., Anab., I, 1, 2), так же как по Юстину, коринфский конгресс относится к первой поездке Александра в Грецию (т. е. к осени 336 г. до н. э.). Ср., однако, P l u t., Alex., 14.

⁷ Как это явствует из следующих параграфов (ср. A g r., Anab., I, 1, 4 — гл. 6), в это время (начало 335 г. до н. э.) Александр был занят походами против трибаллов и других северных племен.

⁸ См. A e s c h i n., III, 239; D e i n a r c h e s. Dem., 18—20; D i o d., XVII, 4, 8.

(8) что [этот] Демосфен утверждал, будто все войско македонян вместе с царем уничтожено трибаллами, и [даже] привел на собрание свидетеля, который говорил, что он сам был ранен в том сражении, в котором пал царь¹. (9) Этот слух, [как узнал Александр], изменил настроение почти во всех государствах, и македонские гарнизоны оказались в осаде. (10) Чтобы помешать этому движению², [Александр] с такой быстротой со своим вооруженным и подготовленным войском обрушился на Грецию, что [люди] едва верили своим глазам, видя перед собой того, о приходе которого и не помышляли.

Гл. 3. (1) Проходя через Фессалию, Александр напомнил фессалийцам о благодеяниях своего отца и о своем близком родстве с ними по матери, [происходившей] из рода Эакидов. (2) Фессалийцы жадно слушали [такие речи], избрали его, как в свое время и его отца, вождем всего фессалийского народа и предоставили в его распоряжение все налоги и доходы³. (3) А афиняне, которые первыми отложились от Македонии, первыми же стали об этом сожалеть. (4) Перейдя от презрения к врагу к преклонению перед ним, они стали превозносить молодость Александра, к которой ранее относились с пренебрежением, [ставя ее] выше доблести старых вождей. (5) Отправив к Александру посольство, афиняне умоляли его не идти на них войной⁴; царь выслушал послов, осыпал их резкими упреками, но от войны отказался. (6) После этого он направил войско в Фивы, намереваясь также милостиво поступить с фивянами, если он встретит с их стороны такое же раскаяние. (7) Но фивяне пустили в ход оружие, а не мольбы и просьбы. Поэтому, когда они потерпели поражение, им пришлось испытать все ужасы позорнейшего плена⁵. (8) Когда на совете обсуждали вопрос о разрушении Фив, фокидяне и жители городов Платей, Феспий и Орхомена, союзники Александра и соучастники его победы, стали говорить о разрушении их городов фивянами и об их жестокости⁶, (9) упрекали фивян за их приверженность к персам, проявленную ими не только теперь, но и в давно прошедшие времена, во вред свободе Греции. (10) Вследствие этого, [говорили они], фивяне ненавистны всем народам; это видно уже из того, что все связали себя клятвой после победы над персами разрушить Фивы. (11) Ко всему этому они прибавляют сказания о прежних преступлениях фивян, которыми [сказаниями] переполнены все театральные представления, — все это для того, чтобы разжечь⁷ ненависть к фивянам не только за их недавнее вероломство, но и за худую славу о них, идущую с древних времен.

Гл. 4. (1) Тогда один из пленных, Клеад, получивший разрешение говорить, [сказал следующее]⁷: фивяне отложились не от царя, о котором они слышали, что он убит, а от наследников царя; (2) виноваты они в легковерии, а не в измене; за эту вину, однако, они понесли уже тяжелое наказание — их молодежь истреблена; (3) теперь остались лишь толпы стариков и женщин, настолько же бессильных, насколько безвредных, которые к тому же перенесли столько насилий и оскорблений, что никогда не приходилось им терпеть ничего более горького; (4) и он, [Клеад], просит теперь уже не за граждан, которых осталось так мало, а за невинную родную землю и за город, который порождал не только мужей, но и богов. (5) Лично царя Клеад заклинал вспомнить о его религиозных связях [с Фивами]: ведь в Фивах рожден Геркулес, от кото-

¹ См. А г г., Anab., I, 7, 2—3.

² Согласно другим источникам, главной причиной быстрого вторжения Александра в Грецию летом 335 г. до н. э. явилось восстание фивян (см. Dio d., XVII, 8, 2; Plu t., Alex., 11; А г г., Anab., I, 7, 4).

³ Ср. Dio d., XVII, 4, 1, где данный эпизод отнесен к первой поездке Александра в Грецию (336 г. до н. э.).

⁴ См. Dio d., XVII, 4, 5—6 (ср. A e s c h i n., III, 161; А г г., Anab., I, 1, 3) — согласно которому это посольство относится к 336 г. до н. э. Ср. Plu t., Dem., 23, 3.

⁵ О сражении при Фивах летом 335 г. до н. э. и взятии города Александром см. Dio d., XVII, 8—13; А г г., Anab., I, 7—8.

⁶ См. Dio d., XVII, 13, 5; 14; А г г., Anab., I, 9, 6—9; Plu t., Alex., 11.

⁷ Сообщение о речи Клеада встречается только у Юстина.

рого ведет начало род Эакидов, в Фивах же провел свое детство отец царя — Филипп. (6) [Поэтому он] просит [царя] пощадить тот город, который некоторых предков [Александра], здесь рожденных, чтит в числе богов, других же, воспитавшихся здесь, видел достигшими высшей царской власти. (7) Но сильнее был гнев, чем мольбы: город разрушают; (8) земли делят между победителями; пленных продают «под венком» [в рабство], и все растущая цена на них¹ зависит не от их пригодности для покупателей, а от ненависти их врагов. (9) Все это внушило афинянам жалость к ним². Поэтому они, вопреки царскому запрещению, открыли свои ворота для [фиванских] беглецов. (10) Александр был этим так разгневан, что, когда афиняне, отправив второе посольство, умоляли его не идти на них войной, он отказался от войны только на том условии, чтобы ему были выданы ораторы и военачальники, под влиянием которых афиняне столько раз бунтовали. (11) Хотя афиняне готовы были на это пойти, чтобы не пришлось воевать, но согласились на том, что военных вождей отправят в изгнание, а ораторы останутся. (12) Военные вожди, отправившись из Европы к Дарию, немало принесли пользы военным силам персов.

Гл. 5. (1) Прежде чем отправиться на войну с персами, Александр умертвил всех родственников своей мачехи³, которых Филипп [в свое время] поставил во главе управления (*imperiis praefecerat*), выдвинув на самые высокие и почетные должности. (2) Не пощадил он и собственных своих родных, которые казались ему способными правствовать, чтобы в Македонии, когда он будет далеко от нее, не было почвы для мятежей. (3) Он увел [с собой] в качестве соратников всех наиболее одаренных царей-данников, оставив для охраны государства менее предприимчивых⁴. (4) После того как все войско было собрано в одно место, он погрузил его на корабли. Увидев берега Азии, Александр воспламенился необычайным пылом и воздвиг богам двенадцать алтарей, как приношение перед войной. (5) Все свое наследственное достояние, которым он владел в Македонии и в Европе, он разделил между друзьями, сказав, что для него будет достаточно и Азии. (6) Раньше чем от берега отчалил хоть один корабль, Александр закалывает жертвы, испрашивая победу в войне, в которой он избран мстителем за Грецию, столько раз подвергавшуюся нападениям персов. (7) Уже достаточно долго пользовались они властью, близится конец ее, и настало время принять ее, в свою очередь, тем, кто лучше сумеет воспользоваться ею. (8) И все войско было настроено не иначе, чем царь: (9) все войны забыли о женах и детях, о том, что им придется воевать далеко от родины, они уже считали своей добычей персидское золото и сокровища всего Востока, помнили не о военных опасностях, а о богатствах. (10) Когда высадились на берег [Азии], Александр первым метнул свое копье как бы во вражескую землю и прыгнул с корабля в полном вооружении, как будто исполняя военную пляску, и закал жертвы, (11) молясь о том, чтобы земля эти охотно приняли его, как своего царя. (12) Так же и в Илионе, на погребальных холмах героев, павших в Троянской войне, Александр принес жертвы умершим⁵.

Гл. 6. (1) Оттуда он направился против врага и запретил солдатам опустошать Азию, сказав, что нужно щадить свое добро и не губить то, чем они намерены владеть. (2) В войске его было тридцать две тысячи пехотинцев, четыре тысячи пятсот

¹ По Д и о д о р у (XVII, 14), после битвы военнопленных числом в 30 000 (ср. *Plut., Alex.*, 11) продали в рабство за 440 талантов. Если сопоставить данные Юстина и Диодора, то получается, что 88 драхм, уплачиваемых в среднем за одного человека, считались для того времени и той области высокой ценой для рабов, впервые поступающих в продажу.

² Изложение Юстина (XI, 4, 9 слл.) ср. с *Arr., Anab.*, I, 10, 2—6; *Diod.*, XVII, 15; *Plut., Dem.*, 23, 4—6; *Phoc.*, 9, 10, 17. См. *A. Schaefer, Demosthenes und seine Zeit*, т. III, стр. 125 слл. (1-е изд., Lpz, 1858).

³ Ср. *Curt.*, VII, 1, 3; *Diod.*, XVII, 2, 5; 5, 2 (Аттал).

⁴ Ср. *Front.*, II, 11, 3.

⁵ С §§ 4—12 ср. *Arr., Anab.*, I, 11, 5—12, 1; *Plut., Alex.*, 15; *Diod.*, XVII, 17.

всадников¹, сто восемьдесят два корабля². (3) Трудно сказать, что более удивительно, то ли, что он покорил мир со столь небольшим отрядом, или то, что он, [имея так мало войск], отважился начать войну. (4) Когда он набирал войско для столь опасной войны, он взял в него не сильных юношей, не людей цветущего возраста, а ветеранов, в большинстве своем уже отслуживших свой срок, сражавшихся еще под командой отца его и дядей, (5) так что можно было подумать, что это не солдаты, а отборные учителя военного дела. (6) Командные должности занимали исключительно люди не моложе шестидесяти лет, так что если бы ты посмотрел на начальников лагерей, ты бы сказал, что перед тобой сенат какой-то древней республики. (7) Поэтому в сражении никто не думал о бегстве, а всякий — о победе, каждый надеялся не на быстроту ног, а на силу рук. (8) Напротив, персидский царь Дарий, уверенный в своих силах, не применял никаких уловок, утверждая, что при помощи скрытых замыслов можно только [как бы] тайком украсть победу, (9) что следует не отражать врага от границ царства, а заманить его в сердце страны, что более славно прогнать вторгнувшегося врага, чем не допустить его в свои пределы³. (10) Поэтому первое столкновение произошло на Адрастейской равнине⁴. (11) У персов было в боевом строю шестьсот тысяч человек, которые обратились в бегство, побежденные в равной мере и искусством Александра и доблестью македонян. Великое множество персов было перебито⁵. (12) Из войска Александра пало девять пехотинцев и сто двадцать всадников⁶, (13) которых царь для ободрения других похоронил с большой пышностью⁷ и почтил конными статуями, а их родственников освободил от всех повинностей [в пользу государства]. (14) После этой победы на сторону Александра перешла большая часть Азии⁸. (15) Много Александру пришлось сражаться и с сатрапами Дария, которых он победил не столько своим оружием, сколько страхом перед своим именем.

Гл. 7. (1) Между тем, пока все это происходило, поступил донос от одного пленника, что Александр Линкест, зять Антипатра, поставленного для управления Македонией, строит против Александра козни⁹. (2) Опасаясь, что, если Линкеста казнить, то в Македонии начнется восстание, Александр приказал заключить его в темницу¹⁰. (3) После этого он двинулся к городу Гордию, расположенному между Великой и Малой Фригийей. (4) Александром овладело страстное желание обладать этим городом не столько из-за добычи, сколько потому, что, как он слышал, в этом городе в храме Юпитера находилось ядро [от повозки] Гордия; а еще в древности было предсказано оракулом, что тот, кто развяжет узел [на этом ядре], будет властвовать над всей Азией. (5) Вот что лежит в основе этого [поверья]. Некий Гордий пахал в этих местах на нанятых быках, и вдруг вокруг него начали летать птицы разных пород. (6) Он пошел посоветоваться по этому поводу с авгурами соседнего города, и вот в город-

¹ Почти те же цифры приведены у Д и о д о р а (XVII, 17). Ср. А г р., Anab., I, 11, 3; P l u t., Alex., 15,4; de fort. Alex., стр. 327 E; C a l l i s t h. ap. Polyb., XII, 19, 1; F r o n t., IV, 2,4.

² Ср. А г р., Anab., I, 11, 6: 160 военных кораблей и «многие» торговые суда.

³ О стратегическом плане, предложенном Мемноном, но не принятом другими полководцами персидской армии, см. D i o d., XVII, 18; А г р., Anab., I, 12,9—10; II, 1, 1; ср. D i o d., XVII, 29 — 30.

⁴ Битва у реки Граника в мае 334 г. до н. э. См. D i o d., XVII, 19—21; А г р., Anab., I, 14—16,3; P l u t., Alex., 16.

⁵ Ср. А г р., Anab., I, 16,2; D i o d., XVII, 21, 6.

⁶ Ср. А г р., Anab., I, 16,4; P l u t., Alex., 16.

⁷ См. А г р., Anab., I, 16, 5; ср. VII, 10,4.

⁸ Т. е. Малой Азии. См. А г р., Anab., I,17—24; D i o d., XVI, 22—28.

⁹ О Линкесте см. выше, XI, 2,2. Подробности о заговоре имеются у А р р и а н а (Anab., I,25), ср. D i o d., XVII, 32, 1—2. Согласно Арриану, донесение Александру было сделано зимой 334—333 гг. до н. э. в Ликии.

¹⁰ Александр Линкест был казнен только три года спустя — см. C u r t., VII, 1,8 с л.; D i o d., XVII, 80,2.

ских воротах его встретила девушка необычайной красоты. Он стал расспрашивать ее, с каким авгуром ему лучше посоветоваться; (7) она же, узнав, о чем он хочет просить совета, будучи сама обучена родителями искусству гадания, ответила, что птицы предвещают ему царскую власть, обещая, что будет ему и женой и соучастницей его чаяний. (8) Такое прекрасное предложение показалось ему первым счастливым шагом к царской власти. (9) После [их] свадьбы между фригийцами началась смута. (10) Когда они запросили оракул, когда кончатся распри, то получили ответ: при распрях нужен царь. (11) Тогда вторично спросили, кого именно избрать царем, и получили повеление: поставить царем того, кого они на обратном пути встретят едущим на повозке в храм Юпитера. (12) Им попался навстречу Гордий, и они его тотчас приветствовали как царя. (13) В честь царской власти Гордий поставил в храме Юпитера ту повозку, на которой он ехал, когда ему было вручено царство. (14) После него царствовал сын его Мидас, который, посвященный Орфеем в священные обряды мистерий, распространил почитание богов по всей Фригии, что в течение всей его жизни служило ему более надежной защитой, чем оружие. (15) Итак, Александр, взяв город, пришел в храм Юпитера и стал спрашивать о ярме от повозки Гордия. (16) Когда его показали Александру, он не смог найти концов от ремней, скрытых в узлах. Тогда он решил воспользоваться предсказанием оракула, хотя бы применив насилие: он разрубил ремни мечом и, таким способом распутав сплетения [ремней], нашел скрытые в узлах концы¹.

Гл. 8. (1) В то время как Александр был занят этим, пришло известие, что приближается Дарий с громадными войском. (2) Александр, опасаясь, как бы ему не пришлось сражаться в теснинах², с большой поспешностью совершил переход через Тавр, причем, спеша изо всех сил, в один день сделал переход в пятьсот стадий³. (3) Когда он пришел в Тарс, он был очарован красотой реки Кидна, протекающей через середину города; сбросив вооружение, весь в пыли и в поту, он бросился в ледяную воду⁴. (4) От этого все жилы его сразу так свело, что он лишился голоса и не было надежды не только вылечить его, но хотя бы оттянуть угрозу [конца]. (5) Из врачей один только нашелся, по имени Филипп, который обещал дать лекарство. Но именно относительно его было высказано подозрение [в его надежности] в письме Пармениона, присланном накануне из Каппадокии. (6) Парменион, еще не зная о болезни Александра, писал, что надо остерегаться врача Филиппа, как человека, подкупленного Дарием за огромную сумму денег. (7) Однако Александр подумал, что лучше верить себя врачу сомнительной честности, чем несомненно погибнуть от болезни. (8) Поэтому он, взяв кубок, передал врачу письмо и все время, пока пил лекарство, пристально смотрел на лицо читающего. (9) Когда Александр заметил, что Филипп совершенно спокоен, он ободрился и на четвертый день уже был здоров.

Гл. 9. (1) Между тем Дарий вышел на бой с четырьмястами тысяч пехотинцев и ста тысячами всадников⁵. (2) Многочисленность вражеского войска по сравнению с малым числом его собственных воинов вселила было в Александра тревогу. Однако он припомнил в то же время, какие подвиги совершил он с этой горстью воинов, сколько народов разбил в сражениях. (3) И вот, когда надежда победила страх, Александр решил, что очень опасно откладывать сражение, чтобы войска не пали духом. Он объехал свои войска и к разным народам обращался с разными речами. (4) Иллирийцев и фракийцев он соблазнил несметными богатствами [персов], греков воспламенял воспоминанием о минувших войнах и о смертельной ненависти к персам, (5) а македонянам он напоминал то о покоренной ими Европе, то об Азии, которую предстоит завоевать, и прослав-

¹ Версия легенды о «гордиевом узле», переданная Юстином, в основных чертах приводится и А р р и а н о м (Anab., II, 3). Ср. P l u t., Alex., 18.

² Под «теснинами» подразумевается ущелье в Таврских горах, так называемые «Киликийские ворота».

³ Ср. D i o d., XVII, 31,1; 32,2; А г р., Anab., II, 4, 1—6.

⁴ Изложение Юстина (XI, 8, 3 слл.) ср. с А г р., Anab., II, 4, 7—11; P l u t., Alex., 19; C u r t., III, 5—6; D i o d., XVII, 31, 4—6.

⁵ Ср. А г р., Anab., II, 8,8; ср. P l u t., Alex., 18; D i o d., XVII, 31,2.

лял их как воинов, которым нельзя найти равных в мире, (6) [говорил], что ведь предстоящий бой будет и завершением их трудов и вершиной их славы. (7) Тут же он отдал приказ построить войско в боевом порядке, чтобы воины успели привыкнуть к виду вражеских полчищ. (8) Но и царь Дарий не менее прилагал усилий к тому, чтобы выстроить свои войска. Не полагаясь на одних только своих военачальников, он сам обходит все войско, ободряет отдельных воинов, напоминает им об исконной славе персидской державы, о вечном господстве, дарованном ей богами. (9) После этого [обе стороны] с невероятным пылом вступают в битву¹. В этом бою оба царя были ранены и до тех пор исход сражения был сомнителен, пока Дарий не обратился в бегство. (10) За этим последовало страшное избиение персов. Убиты были: шестьдесят одна тысяча пехотинцев, всадников — десять тысяч²; взято в плен сорок тысяч. У македонян пало сто тридцать пехотинцев, всадников — сто пятьдесят³. (11) В персидском лагере нашли много золота и других богатств. (12) Среди пленных, захваченных в лагере, были мать Дария, жена Дария, бывшая в то же время его сестрой, и две его дочери⁴. (13) Александр пришел к ним с тем, чтобы повидать их и ободрить, а они, увидав вооруженных людей, обняли друг друга, точно им предстояла немедленная смерть, и подняли громкий плач. (14) Затем, бросившись к ногам Александра, они стали умолять его не об извращении от смерти, а об отсрочке смерти до тех пор, пока они не похоронят тело Дария. (15) Александр, тронутый такой преданностью этих женщин, сказал им, что Дарий жив, а им самим вовсе не грозит смерть, и распорядился, чтобы с ними обращались, как с царственными особами. (16) Дочери Дария, [сказал он], могут надеяться на замужество, сообразное с царственным достоинством их отца.

Гл. 10. (1) Затем Александр осмотрел богатства и сокровища Дария, попавшие в его руки, и был охвачен изумлением при виде всего этого. (2) Тогда-то он начал впервые устраивать пышные трапезы и великоленные пиры, тогда же он увлекся пленницей своей Барсияной за ее красоту; (3) мальчика, впоследствии рожденного ею, он назвал Геркулесом⁵. (4) Однако Александр помнил, что Дарий все еще жив, и послал Пармениона завладеть персидским флотом, а других друзей — захватить азиатские города (civitates). (5) Все [эти области] тотчас же перешли под власть победителей, так как сатрапы Дария, как только до них дошел слух о победе, сами стали сдаваться, вместе со своими громадными запасами золота. (6) После этого Александр отправился в Сирию, где навстречу ему выходили многие восточные царя⁶ в священных повязках, [моля о мире]. (7) Смотри по заслугам, Александр делал одних своими союзниками, у других отнимал царскую власть и ставил на их место новых царей. (8) Среди всех них особенно замечателен Абдолоним⁷, поставленный Александром в цари сидонские. (9) Хотя он ранее работал по расчистке высохших колодцев и по поливке садов и вел нищенский образ жизни, Александр сделал его царем, пренебрегши людьми знатными, чтобы никто не мог подумать, будто своим саном он обязан своему происхождению, а не милости даровавшего. (10) Когда Тирское государство⁸ прислало Александру поздравления и тяжелую золотую корону, он милостиво принял дар и сказал, что намерен

¹ Битва при Иссе — ноябрь 333 г. до н. э. Ср. A r r., Anab., II, 10—11; C a l i s t h. ap. Polyb., XII, 17 слл.; C u r t., III, 9 слл.; D i o d., XVII, 33—34; P l u t., Alex., 20.

² Ср. A r r., Anab., II, 11,8; D i o d., XVII, 36.

³ Ср. D i o d., XVII, 36; C u r t., III, 11, 27.

⁴ Ср. A r r., Anab., II, 11,9; D i o d., XVII, 36; C u r t., III, 11,24 слл.; III, 12,17; P l u t., Alex., 21.

⁵ О Геркулесе см. ниже, XII, 15, 9; XIII, 2, 8; XIV, 6, 2; XV, 2, 3. По мнению Тарна, такого сына у Александра не было — см. W. W. T a r n, Alexander the Great, т. II, Cambridge, 1950, стр. 330 слл. (App. 20).

⁶ См. A r r., Anab., II, 13,7—8; 15,6; D i o d., XVII, 4 с.

⁷ Ср. C u r t., IV, 1,15 слл. У Д и о д о р а (XVII, 46—47) имеется аналогичный рассказ о некоем Баллониме, которого Александр якобы сделал царем Тира.

⁸ См. A r r., Anab, II, 15,6—7; 16,7—8; C u r t., IV, 2, 2 слл.

отправиться в Тир, чтобы дать обеты Геркулесу¹. (11) Но когда послы сказали, что лучше было бы ему исполнить это в Тире Древнем, где и храм древнее,— они желали отклонить его от вступления в город Тир,— он так рассердился, что пригрозил разрушить [этот] город. (12) Александр немедленно высадил войско на острове и начал войну; но и тирийцы, надеясь на помощь карфагенян², были не менее ожесточены, чем Александр. (13) Мужество тирийцев увеличивал пример Дидоны, которая, основав Карфаген, завладела [после этого] третьей частью мира. Они считали для себя постыдным, если бы оказалось, что их женщины проявили больше мужества для завоевания господства, чем они сами для защиты своей свободы. (14) Поэтому они отправили всех небоеспособных в Карфаген³ и в скором времени вызвали к себе вспомогательные войска, но вскоре потерпели поражение вследствие предательства⁴.

Гл. 11. (1) После этого Александр без борьбы занял Родос, Египет и Киликию. (2) Затем он направляется к Юпитеру Аммону⁵, чтобы спросить [бога] о том, что ожидает его в будущем, а также и о своем происхождении, (3) ибо мать Александра, Олимпиада, призналась давно своему мужу Филиппу, что зачала Александра не от него, а от громадной величины змея. (4) Да и Филипп в последние годы своей жизни открыто заявлял, что Александр не его сын. (5) По этой-то причине Филипп и развелся со своей женой, как с уличенной в разврате. (6) Поэтому-то Александр, желая приписать себе божественное происхождение и вместе с тем обелить мать, через посланных вперед лиц [тайно] подсказывает жрецам, какой ответ они должны ему дать. (7) Когда Александр вошел в храм, жрецы тотчас же приветствовали его как сына Аммона. (8) Довольный тем, что бог признал его сыном, он приказывает считать Аммона своим отцом. (9) Затем он спрашивает: всем ли убийцам отца он отомстил?— и получает такой ответ: его отец не может быть убит и не может умереть; отпущение же за царя Филиппа завершено полностью. (10) На третий же вопрос ему было дано в ответ, что даруется ему победа во всех войнах и власть над всеми землями. (11) А спутникам Александра ответили, чтобы они почитали Александра, как бога, а не как царя. (12) С тех пор увеличилось его высокомерие, возросла надменность и исчезла та обходительность, которую он приобрел ранее от изучения греческой мудрости и от македонского воспитания. (13) Возвратившись от [храма] Аммона, Александр основал Александрию и эту македонскую колонию приказал считать столицей Египта⁶.

Гл. 12. (1) Когда Дарий бежал в Вавилонию, то он просил Александра, послав ему письмо⁷, чтобы тот дал ему возможность выкупить пленниц, и обещал за это огромную сумму, (2) но Александр потребовал в виде выкупа за пленниц не деньги, а все царство. (3) Спустя некоторое время Александру было передано другое письмо⁸, в котором Дарий предлагал ему дочь в жены и часть царства. (4) Однако Александр написал в ответ, что Дарий даст ему то, чем он, [Александр], уже владеет, и приказал Дарию явиться к нему лично в качестве просителя и предоставить победителю решать, что будет с [Персидским] царством. (5) Тогда Дарий, потеряв надежду на мир, вновь начинает

¹ Верховного бога, покровителя Тира, Мелькарта, греки отождествляли с Геркулесом. См. А г г., Anab., II, 16,1—6.

² См. D i o d., XVII, 40; C u r t., IV, 2, 10 — 12.

³ Ср. D i o d., XVII, 41, 1 — 2.

⁴ В августе 332 г. до н. э. (А г г., Anab., II, 24, 6), после тяжелой семимесячной осады (D i o d., XVII, 46; P l u t., Alex., 24), Александр овладел Тиром.

⁵ Осенью 332 г. до н. э. Александр вошел в Египет, отданный ему персидским сатрапом без сопротивления (А г г., Anab., III, 1, 2; D i o d., XVII, 49; C u r t., IV, 7, 1—4), О путешествии Александра к храму Аммона в Ливийской пустыне ср. А г г., Anab., III, 3—4; D i o d., XVII, 49—51; P l u t., Alex., 26—27; C u r t., IV, 7, 6 — 28.

⁶ По А р р и а н у (III, 1 сл.) и П л у т а р х у (Alex., 26), основание города Александрии предшествует посещению Александром храма Аммона. Ср. C u r t., IV, 8, 1—2; D i o d., XVII, 52. Весной 331 г. до н. э. Александр покинул Египет.

⁷ См. А г г., Anab., II, 14; C u r t., IV, 1, 7—14; D i o d., XVII, 39.

⁸ См. А г г., Anab., II, 25,1—3; C u r t., IV, 5, 1—8; D i o d., XVII, 54.

войну и выступает навстречу Александру с четырьмястами тысяч пехотинцев и ста тысячами всадников¹. (6) Во время похода Дарий получает известие, что его жена умерла от несчастных родов, что Александр оплакал ее смерть и сопровождал ее [тело] в день похорон. причем поступил так не из влюбленности в нее, а по своей человечности; (7) ведь ее Александр и видел-то всего один раз, между тем как мать Дария и его маленьких дочерей он часто старался утешать. (8) И вот теперь Дарий признал себя поистине побежденным, раз враг победил его не только в стольких сражениях, но даже в своем великодушии, и [сказал], что если он, [Дарий], не в состоянии победить, то для него наилучший исход — быть побежденным таким человеком, как Александр. (9) Поэтому он написал третье письмо², в котором благодарил Александра за то, что тот не отнесся враждебно к его родным. (10) Затем он предлагает Александру не только большую часть своего царства, до реки Евфрата, но и другую дочь в жены, а также тридцать тысяч талантов за остающихся у него пленниц. (11) На это Александр ответил, что благодарность врага — вещь излишняя. (12) То, что он сделал, он сделал не в угоду врагу; ни при сомнительном исходе войны, ни при переговорах о мире он не применяет хитрых происков; (13) он сделал это по великодушию, так как он научился сражаться против сильных врагов, а не против впавших в несчастье. (14) Далее он обещает пойти на предложения Дария, если тот согласится быть вторым после него, а не равным ему. (15) Впрочем, так же как в мире не могут царить два солнца, так и мир не может заключать в себе два великих царства и быть при этом в безопасности. (16) Ввиду этого пусть Дарий или в тот же день сдастся, или же на следующий день готовится к сражению. Он, [Александр], ожидает для себя такой же победы, какие он уже одерживал.

Гл. 13. (1) На следующий день они оба уже выстроили свои войска в боевом порядке, как вдруг Александра, утомленного заботами, внезапно перед самым сражением охватил сон³. (2) Когда перед самым началом битвы не оказался на месте один только царь и когда едва удалось Пармениону его разбудить, то все стали спрашивать Александра, почему он уснул в такой опасный момент, тогда как обычно он даже во время отдыха спал мало; (3) на это Александр сказал, что он избавился от тяжелой заботы и уснул благодаря внезапной уверенности в том, что предстоит сражение со всей массой войск Дария, а до того его страшило, что война может затянуться надолго, если персы разделят свои силы. (4) Перед сражением оба вражеских войска дивились друг другу. (5) Македонян удивляло большое число вражеских солдат, их высокий рост, красота их вооружения. Персы изумлялись тому, что столь малым войском побеждены столь многие тысячи их воинов. (6) Вожди же не переставали обходить ряды своих солдат. (7) Дарий говорил, что если разделить число его воинов на число македонян, то на десять армян⁴ едва ли придется один неприятельский воин. (8) Александр убеждал македонян⁵ не страшиться ни многочисленности врагов, ни их роста, ни непривычной [для македонян] пестроты [одежды и оружия]; (9) нужно только помнить, что уже в третий раз приходится им сражаться с теми же самими [врагами]; пусть не думают, будто враги стали лучше от бегства, нет — они принесли с собой в бой печальные воспоминания о своих поражениях и о том, сколько крови было пролито ими в двух предыдущих битвах, (10) и насколько у Дария больше людских полчищ, настолько же у него, Александра, больше мужей. (11) И он убеждал с презрением смотреть на этот [вражеский] строй, сверкающий золотом и серебром, от которого можно ожидать больше до-

¹ Ср. D i o d., XVII, 53; A r r., Anab., III, 8, 6; P l u t., Alex., 31; C u r t., IV, 12, 13.

² Кроме Юстина, только К у р ц и й (IV, 14), упоминает о третьем обращении Дария к Александру. О переписке Дария и Александра см. С. И. К о в а л е в, Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция. ВДИ, 1946, № 3, стр. 46—56.

³ Ср. P l u t., Alex., 32; D i o d., XVII, 56.

⁴ «denis Armenis» — место испорченное; другие конъектуры: «denis armatis», «unis Armenus».

⁵ Ср. A r r., Anab., III, 9, 5—8; ср. C u r t., IV, 14, 1—7.

бычи, чем опасности, так как победа добывается оружием, блистающим не красотой, а доблестью.

Гл. 14. (1) После этого завязывается сражение¹. Македоняне бросились прямо на мечи врагов [в рукопашный бой], презирая врага, уже столько раз побежденного, но и персы предпочитали смерть поражению. (2) Редко в какой-либо битве было пролито столько крови. (3) Когда Дарий увидел, что его солдаты терпят поражение, он хотел и сам умереть, но его приближенные убедили его бежать. (4) При этом некоторые советовали ему разрушить [за собой] мост через реку Кидн², чтобы преградить дорогу врагу, но Дарий сказал, что не такой совет он хотел бы получить для своего спасения, который столько тысяч его воинов предает во власть врага. Пусть и другим будет открыта та же дорога для бегства, как и для него. (5) Александр же бросался туда, где было всего опаснее; там, где, [как] он видел, были всего гуще ряды врагов и ожесточеннее сеча, там он всегда появлялся, всем опасностям хотел подвергать себя, а не воинов. (6) Этой битвой он захватил в свои руки власть над Азией на пятый год после принятия царской власти. (7) Сражение было настолько удачно, что после него никто не осмелился поднять восстание, и персы, после стольких лет господства, терпеливо склонили головы под иго рабства. (8) Одарив солдат и дав им отдых в тридцать четыре дня³, Александр занялся подсчетом добычи. (9) Некоторое время спустя он нашел в городе Сузах сорок тысяч талантов⁴. (10) Завоевал он и Персеполь⁵, столицу Персии, город издавна знаменитый, полный добычи, собранной со всех концов земли, о размерах которой впервые стало известно только после падения этого города. (11) Там же Александру бросились навстречу восемьсот греков⁶, которые в плену [у персов] терпели тяжкие муки — у каждого был отсечен какой-нибудь член тела. Они умоляли его отомстить врагам за эту жестокость так же, как он отомстил за Грецию. (12) Им была дана возможность вернуться на родину, но они предпочли получить [на месте] земельные участки, опасаясь, что их родные испытают не столько радость от их возвращения, сколько ужас при виде их увечий.

Гл. 15. (1) Между тем, желая угодить победителю, родственники Дария, [схватив его] в парфянском селении Фара, заковали в золотые оковы. (2) Полагаю, что это произошло по промыслу бессмертных богов, пожелавших, чтобы владычество персов нашло свой конец в пределах того народа⁷, которому впоследствии было суждено наследовать это владычество. (3) Александр ускоренным маршем прибыл сюда на следующий день и узнал, что Дария ночью уже увезли в закрытой повозке⁸. (4) Приказав войску идти вслед, Александр пустился преследовать беглеца с шестью тысячами всадников и по пути много раз выдерживал опасные схватки. (5) Он прошел таким образом много тысяч шагов и не обнаружил никаких следов Дария; и вот [однажды], когда он остановился, чтобы дать отдохнуть коням, один из его воинов пошел к ближайшему источнику и нашел там Дария, в повозке, тяжело израненного, но еще дышавшего. (6) Когда к Дарию подвели одного из пленных [персов] и он узнал в нем соотечественника, он сказал, что имеет по крайней мере от судьбы то утешение, что будет говорить с человеком, который его поймет, и последние его слова не будут произнесены напрасно. (7) Александру Дарий приказал передать следующее: умирает он, Дарий, должником Александра, не отблагодарив его ничем за его величайшие услуги; в поступке Александра с его, [Дария], матерью и детьми он увидел царственное великодушие, а не враждеб-

¹ Битва при Гавгамелах — октябрь 331 г. до н. э. Ср. описание битвы у А г г., Anab., III, 12—15; D i o d., XVII, 58—61; C u r t., IV, 13 слл.

² Возможно, один из притоков Тигра. Ср. C u r t., IV, 9, 9 и 16, 8 — 9.

³ См. D i o d., XVII, 64, 4.

⁴ Ср. А г г., III, 16, 7.

⁵ Александр взял Персеполь в начале 330 г. до н. э.

⁶ Ср. D i o d., XVII, 69; C u r t., V, 5, 5 слл.

⁷ Имеются в виду парфяне.

⁸ См. А г г., Anab., III, 20—21; P l u t., Alex., 42—43; D i o d., XVII, 73, 1—2; C u r t., V, 8 — 13. Описываемое событие относится к лету 330 г. до н. э.

ность. Ему больше посчастливилось на врага, чем на родных и близких, (8) ибо враг даровал жизнь матери его и детям, а его самого лишили жизни те, кому он дарил и жизнь и власть. (9) Как их наградить за это, пусть решает победитель. (10) Александра же он может отблагодарить только тем, что одно доступно умирающему — молиги все небесные и подземные силы и богов, покровителей царств, чтобы ему, победителю всех земель, досталась вся власть [над ними] (*contingat imperium*). (11) Для себя он просит не пышных, а лишь подходящих ему похорон. (12) Что же до отмщения [за него, Дария], то это дело касается уже не его одного, а служит показательным примером для всех царей, и пренебречь им было бы недостойно Александра, да и опасно [для него]; с одной стороны, вопрос идет о его справедливости, с другой — о его собственных интересах. (13) Он, Дарий, может дать Александру один лишь единственный залог верности царской — правую свою руку. После этих слов, протянув руку, он скончался. (14) Когда сообщили об этом Александру, он, увидев тело [Дария], оплакал его смерть, столь несовместную с его достоинством, (15) и приказал похоронить его, как подобает царю, и положить его в гробницу предков.

КНИГА XII

Гл. 1. (1) Войнов, погибших во время преследования Дария, Александр торжественно похоронил, израсходовав на это большую сумму; между оставшимися в живых участниками его похода он разделил тринадцать тысяч талантов¹. (2) Большая часть лошадей пала от зноя, а те, которые выжили, уже ни на что не годились. (3) Все деньги — сто девяносто тысяч талантов — были свезены в Экбатану, и заведовать [этой казной] был назначен Парменион². (4) Пока все это происходило, Александру доставили из Македонии письма от Антипатра, в которых сообщалось об исходе войны спартанского царя Агиса в Греции, войны эпирского царя Александра в Италии и войны наместника (*praefecti*) [Александра], Зопириона, в Скифии. (5) Эти известия вызвали у Александра противоречивые чувства³; однако его все же больше обрадовала смерть двух соперничавших с ним царей, чем огорчила потеря войска [под командой] Зопириона. (6) Дело в том, что после отбытия Александра почти вся Греция взялась за оружие⁴, чтобы вернуть себе свободу по примеру лакедемонян, (7) которые одни только отнеслись с презрением к миру, [установленному в Греции] Филиппом и Александром, и законов их не приняли. Вождем в этой войне был царь лакедемонян Агис. (8) Собрав войска, Антипатр подавил движение, возглавленное Агисом, в самом зародыше. Однако много народа пало с той и другой стороны. (9) Когда царь Агис увидал, что его воины обратились в бегство, он отослал от себя своих телохранителей (10) и, чтобы показать, что он менее счастлив, [удачлив], но не менее доблестен, чем Александр, учинил такое кровопролитие среди врагов, что несколько раз обращал в бегство их отряды. (11) В конце концов, побежденный численностью [врагов], он превзошел всех храбростью⁵.

Гл. 2. (1) Александр, царь эпирский, отправился в Италию⁶ по приглашению жителей Тарента, просивших у него помощи против бруттиев. Он столь ревностно ри-

¹ Ср. *D i o d.*, XVII, 74, 4 — 5.

² Ср. *A r g.*, *Anab.*, III, 19, 7; *D i o d.*, XVII, 80, 3.

³ См. *P l u t.*, *Agesil.*, 15.

⁴ Об антимакедонском движении 333—331 гг. до н. э., возглавленном спартанским царем Агисом III (338—331 гг. до н. э.), см. также *A r g.*, *Anab.*, II, 13, 4—6; III, 6, 3; III, 16, 10; *D i o d.*, XVII, 48, 62 сл.; *A e s c h i n.*, III, 133, 165; *Front.*, II, 11 4; *C u r t.*, IV, 1, 39; VI, 1. Не «почти вся Греция», а только некоторые пелопоннесские города присоединились к Спарте в этой борьбе. См. *G l o t z*, *Hist. gr.*, IV, 194 сл.

⁵ О кончине Агиса ср. *D i o d.*, XVII, 63, 4.

⁶ О пребывании Александра Эпирского в Италии (ок. 333—330 гг. до н. э.) см. *L i v.*, VIII, 3, 17, 24.

нулся в этот поход, как будто при дележе мира Александру, сыну его сестры Олимпиады, достался по жребью Восток, а ему Запад, (2) [он отправился], надеясь совершить в Италии, Африке и Сицилии не меньшие подвиги, чем Александр в Азии и Персии. (3) Этому содействовало и следующее обстоятельство: подобно тому, как Александру Великому Дельфийский оракул предсказал, что ему следует опасаться козней в Македонии, так ему, [Александру Эпирскому], Додонским Юпитером было предсказано, что для него являются роковыми¹ город Пандосия и Ахерусийский поток². (4) И река эта и город были в Эпире, но Александр не знал, что в Италии существуют город и река с такими же названиями, и чтобы отклонить опасность, predeterminedенную ему судьбой, он с тем большим рвением предпринял поход в чужую страну. (5) Когда он прибыл в Италию, он сначала восстал с апулийцами, (6) но, узнав о судьбе, предсказанной их главному городу, в скором времени заключил дружественный союз с их царем. (7) Дело в том, что главным городом у апулийцев был тогда Брундизий, который основали этоляне³, следовавшие за вождем своим, прославленным подвигами в Трое, знаменитейшим и благороднейшим Диомедом. (8) Изгнанные отсюда апулийцами этоляне обратились к оракулу и получили такой ответ: навеки будут владеть [этим] местом те, которые вернут его себе. (9) На этом основании они потребовали через послов от апулийцев возвратить им город, угрожая войной. (10) Но так как апулийцы тоже узнали о предсказании, то они убили послов [этолян] и похоронили их в городе, чтобы те вечно в нем пребывали. Так, выполнив совет оракула, апулийцы в течение долгого времени владели городом. (11) Когда Александр узнал об этом, он из уважения к издревле predeterminedенной судьбе города, отказался от войны с апулийцами. (12) Вел же он войну с бруттиями и луканами и взял много городов; с жителями Метапонта и педикулами, а также с римлянами он вступил в дружественные отношения и заключил союз. (13) Но бруттии и луканы, получив подкрепления от соседей, возобновили войну с еще большим ожесточением. (14) Здесь-то царь и был убит⁴ около города Пандессия у реки Ахеронта, только перед смертью узнав название рокового для него места; умирая, он понял, что не на родине грозила ему смерть, от которой он бежал на чужбину. (15) Тело Александра погребли жители Фурий, выкупившие его за государственный счет. (16) Пока все это происходило в Италии, Зонирион, поставленный Александром Великим в наместники Понта, считая, что если он не совершит никаких подвигов своими силами, то он выкажет себя бездейственным, собрал тридцатитысячное войско и пошел войной против скифов⁵. (17) Он погиб со всем своим войском и тем самым понес кару за войну, которую он опрометчиво начал против народа, ни в чем не повинного.

Гл. 3. (1) Когда Александр, будучи в Парфии, получил известие обо всех этих событиях, он притворился огорченным, так как был родственником Александру Эпирскому, и назначил в войске трехдневный траур. (2) Потом созвал своих воинов⁶, которым казалось, что война уже закончена, которые ждали отпуска на родину и мысленно обнимали уже своих жен и детей, и сказал им [следующее]: (3) все столь замечательные битвы не приведут ни к чему, если восточные варварские племена останутся неподчиненными; он добывался ведь не мертвого тела Дария, а его державы; необходимо теперь обратиться против тех, которые от этой державы отпали. (4) Вдохнув этой речью новый пыл

¹ «fatales» — вставлено Jepp'ом.

² Ср. Liv., VIII, 24; Strabo, VI, 1, 5.

³ Существовали и другие легенды об основании Брундизия греческими выходцами. Ср., напр., Strabo, VI, 3, 6.

⁴ См. Liv., VIII, 24.

⁵ См. выше, II, 3, 4 и XII, 1, 4; Trog., Prol., XII; ср. Curt., X, 1, 43—44; об осаде Ольвии во время этого похода см. Macrob., Saturn., I, 11, 33. С. А. Жебелев (Северное Причерноморье, М. — Л., 1953, стр. 41 слл.) относит этот поход к 331 г. до н. э.

⁶ Ср. Dio d., XVII, 74, 3; Plut., Alex., 47; Curt., VI, 2, 15 — 3.

в своих войнов, он покорил Гирканию и мардов¹. (5) Здесь его встретила Галестрис, или Минития², царица амазонок, которая с тремястами женщин совершила тридцатипятидневный переход через [земли] многолюдных племен, чтобы иметь детей от царя. (6) Вид ее и прибытие вызвали всеобщее изумление, как вследствие ее необычайного для женщин одеяния, так и из-за того, что она домогалась вступить в связь с царем. (7) По этому случаю [войску] был дан царем отдых на тринадцать дней, а царица отправилась обратно, когда убедилась, что забеременела. (8) После этого Александр стал носить одежду персидских царей и диадему, что не было принято ранее у македонских царей; Александр как будто заимствовал законы³ у тех, кого победил. (9) Чтобы эта одежда, если он станет носить ее один, не показалась от этого особенно ненавистной, он и друзьям своим приказал одеваться в длинные пурпурные одежды, расшитые золотом. (10) Желая подражать персам в распушенности нравов, не менее, чем в одежде, он отобрал среди множества царских наложниц самых красивых и знатных по происхождению и проводил с ними ночи поочередно. (11) Кроме того, он стал держать невероятно пышную трапезу, чтобы его образ жизни не казался слишком трезвым и скудным, стал с царственной роскошью справлять пиры с играми, совершенно забыв, что такие нравы ведут не к укреплению мощи, а к потере ее.

Гл. 4. (1) В эту пору во всем лагере все стали возмущаться тем, что Александр оказался таким вырожденком по сравнению с отцом своим Филиппом, что даже отрекся от своей родины и перенял те самые персидские нравы, вследствие которых персы были побеждены. (2) А чтобы не показалось, что только он один опустился до порочной жизни тех, кто был побежден его оружием, он позволил также и своим воинам брать в жены тех пленных женщин, с которыми они были в связи, (3) полагая, что у солдат будет меньше желания вернуться на родину, если в лагере они почувствуют некоторое подобие домашнего очага и семейной обстановки, (4) и сами военные труды покажутся легче благодаря сладостям брака. (5) Да и новые призывы в армию будут меньше истощать Македонию, если на места отцов-ветеранов будут заступать сыновья-новобранцы, чтобы сражаться у того лагерного вала, у которого они родились, (6) и они будут еще более стойкими, если начало их военной службы пройдет в том же лагере, где стояла их колыбель. (7) Этот порядок сохранился и при преемниках Александра. (8) На детей отпускалось определенное содержание, юношам выдавалось оружие и снаряжение для коней, а отцам сообразно с числом сыновей было установлено вознаграждение. (9) Дети, у которых отцы погибли в боях, став сиротами, продолжали получать жалованье, которое получали их отцы; их детство, проходившее в военных походах, было [своего рода] военной службой. (10) С детства закаленные трудами и опасностями, они становились непобедимыми воинами. Они не знали другого отечества, кроме лагеря, и другой войны, кроме победоносной. (11) Это поколение получило название «эпигонов»⁴. (12) Покорив парфян, Александр поставил над ними сатрапом (praefectus) Андрагора⁵, из персидской знати; от него произошли позднейшие парфянские пари.

¹ См. А г р., Anab., III, 23—24, 1—3; D i o d., XVII, 76.

² Ср. D i o d., XVII, 77; C u r t., VI, 5, 24—32. П л у т а р х (Alex., 46) весьма скептически относится к этому рассказу (ср. А г р., Anab., VII, 13, 2—4). См. также W. W. T a r n, Alexander the Great, т. II, App. 19.

³ Ср. D i o d., XVII, 77, 3—5; P l u t., Alex., 45; C u r t., VI, 6, 1—10; А г р., Anab., IV, 7, 4.

⁴ Как известно, термином «эпигоны» обычно обозначают эллинистических монархов, следовавших за «диадохами», или непосредственными преемниками Александра. В данном месте у Юстина, очевидно, имеется в виду второе поколение («послерожденные») солдат, рожденных уже в военных лагерях. Из А р р и а н а (Anab., VII, 6, 1; 8, 2) мы узнаем, что сам Александр «эпигонами» называл азиатских новобранцев в македонской армии (в 323 г. до н. э.).

⁵ А р р и а н сообщает (Anab., III, 22, 1), что сатрапом Парфии и Гиркании был назначен парфянец Амминап. Об Андрагоре см. нумизматическое свидетельство — N. C. D e b e v o i s e, A Political History of Parthia, Chicago, 1938.

Гл. 5. (1) Между тем Александр начал свирепствовать по отношению к своим не как царь, а как враг. (2) Больше всего его уязвляли разговоры близких ему людей, что он-де изменил правам отца своего Филиппа, правам своей родины. (3) За такой проступок был казнен ближайший к царю по своему достоинству старый Парменион вместе с сыном своим Филотой¹. Оба они перед казнью были подвергнуты пыткам. (4) В лагере все начали роптать, сожалея о смерти невинного старика и его сына, между прочим говорили, что и им [всем] не приходится ждать ничего лучшего. (5) Когда об этом сообщили Александру, он стал опасаться, как бы мнение это не распространилось по Македонии и как бы слава его побед не померкла от его жестокости. Поэтому он сделал вид, что хочет послать на родину некоторых своих друзей вестниками победы. (6) Солдатам же он посовещивал написать родным, сказав, что они все более удаляются [от родины] и им все реже будет представляться возможность [писать письма]. (7) Сданные связки писем он приказывает тайно принести к нему. (8) Узнав из этих писем мнение о себе отдельных солдат², он всех тех, кто наиболее резко отозвался о нем, свел в одну когорту, с тем, чтобы либо истребить их, либо распределить их по колониям в самых отдаленных областях. (9) После этого он подчинил драггов, эвергетов³, ари-маспов, парапамесадов и другие народы, жившие у подножья Кавказского хребта⁴. (10) В это время к нему был приведен в оковах один из друзей Дария — Бесс⁵, тот самый, который не только предал царя, но и убил его. (11) Александр приказал отдать Бесса за его вероломство на истязание брату Дария, считая, что Дарий ему, Александру, был в меньшей степени врагом, чем был в свое время другом тому человеку, который его убил. (12) Для того, чтобы в этих областях оставить память о своем имени, Александр основал город Александрию⁶ на реке Танаисе, причем в семнадцать дней была воздвигнута стена в шесть тысяч шагов, и сюда были переселены жители из трех городов, основанных Киром. (13) В Бактрии и Согдиане Александр основал семь городов, расселив в них тех, кого он считал наиболее склонными к мятежу в своем войске⁷.

Гл. 6. (1) Совершив все это, в один праздничный день Александр созвал друзей на пир. (2) Когда во время пира опьяневшие гости упомянули деяния, совершенные Филиппом, сам Александр стал утверждать, что он выше своего отца, а величие своих подвигов превозносить до самого неба. Большинство гостей соглашалось с ним. (3) Когда же один из стариков, Клит, уверенный в дружеском расположении к себе царя, относившегося к нему лучше, чем ко всем другим, стал защищать память Филиппа и восхвалять его деяния, то царь до такой степени оскорбился этим, что, выхватив копье

стр. 7, прим. 26. В связи с историей возникновения династии Аршакидов Юстин упоминает, повидимому, о другом Андрагоре, последнем сатрапе Селевкидов в Парфии (см. ниже, ХLI, 4, 7).

¹ В это время (осенью 330 г. до н. э.) армия Александра находилась в Дрангиане. Там Александру было донесено о заговоре, возглавленном македонянином Димном; в этом заговоре были замешаны Филота и Парменион. См. А г р., Anab., III, 26; С u r t., VI, 7 слл.; D i o d., XVII, 79 сл.; P l u t., Alex., 48 сл. См. также С. И. Ковалев, Александр, Филота и Парменион, «Ученые записки ЛГУ», серия истор. наук, вып. 14, 1949, стр. 280 сл.

² Ср. С u r t., VII, 2, 36; D i o d., XVII, 80, 4.

³ См. А г р., Anab., III, 27, 4.

⁴ В предании древних горный хребет Гиндукуш был продолжением Кавказского хребта. Александр прошел через Гиндукуш в Бактрию весной 329 г. до н. э.

⁵ Бесс был схвачен в Согдиане, куда он бежал, спасаясь от армии Александра. См. С u r t., VII, 5, 18 слл.; D i o d., XVII, 83; А г р., Anab., III, 29, 6—30, 5; IV, 7, 3.

⁶ Речь идет об Александрии крайней — современный город Ленинград. Об основании этой Александрии см. также А г р., Anab., IV, 1, 3—4; 4, 1; С u r t., VII, 6, 25. Под р. Танаис подразумевается Яксарт (Сыр-Дарья) — ср. А г р., Anab., III, 30, 7—9.

⁷ Ср. S t r a b o, XI, 11, 4, стр. 517.

у одного из телохранителей, тут же на пиру убил Клита¹. (4) Ликья по поводу этого убийства, он стал упрекать мертвеца за то, что он вступился за Филиппа и восхвалял отцовские боевые успехи. (5) Но когда, насытившись этим убийством, он успокоился и гнев сменился размышлением, он стал думать то о самом убитом, то о причине убийства и раскаиваться в своем поступке; (6) он стал убиваться о том, что похвалы своему отцу он встретил с таким раздражением, какого он не должен был бы проявить даже при оскорблении его памяти, и о том, что убил друга своего, ни в чем не повинного старика, среди пира, за кубками. (7) Проявляя такую же страстность в раскаянии, как перед тем в гневе, он хотел умереть. (8) Сначала он разразился рыданиями, обнимал мертвеца, касался его ран и каялся перед мертвым в своем безумии, как будто тот мог его слышать; потом, вырвав из трупа копьё, он обратил его против себя и покончил бы с собой, если бы не вмешались друзья. (9) Это желание умереть сохранялось у него и в последующие дни. (10) К раскаянию присоединилось воспоминание о кормилице Александра, сестре Клита. Хотя ее не было при нем, ему было особенно стыдно перед той, (11) которой он так гнусно отплатил за то, что она его выкормила. той, на руках которой он провел свое младенчество; став взрослым и победителем, за се добро отплатил ей погребальным плачем. (12) Он думал и о том, сколько пересудов и недоброжелательства вызвал он своим поступком в войске и среди покоренных народов, сколько страха и ненависти среди своих друзей, (13) сколь горьким и печальным сделал свой пир, оказавшись на пиру более страшным, чем вооруженный во время битвы. (14) Тут предстали перед ним и Парменион, и Филота, и двоюродный брат Аминта, и мачеха, и убитые братья, и Аттал, и Еврилох, и Павсаний, и другие первые люди в Македонии, умерщвленные им². (15) От этого Александр четыре дня ничего не ел, пока не упросило его с мольбами все войско не скорбеть так сильно о смерти одного, чтобы не погубить всех тех, кого он привел к крайним пределам варварского мира, в самую гущу враждебных и раздраженных войной племен. (16) Большую пользу принесли ему и речи философа Каллисфена³, его близкого товарища с того времени, когда они оба учились у Аристотеля; теперь Каллисфен был приглашен самим царем сопутствовать ему для увековечения его подвигов. (17) К Александру снова вернулась его воинственность, и он заставил подчиниться своей власти хорасмов⁴ и даев.

Гл. 7. (1) Затем он приказал, чтобы его не приветствовали обычным образом, а поклонялись ему, как богу⁵ (*non salutari, sed adorari se iubet*), по обычаю персов, порожденному царской надменностью; ранее Александр воздерживался от этого, чтобы не сделать все введенные им новшества равно ненавистными. (2) Среди сопротивлявшихся [этому обычаю] самым ярым был Каллисфен, что привело и его⁶ и многих виднейших македонян к гибели; они были казнены якобы как заговорщики. (3) Но в конце концов для македонян был все же оставлен прежний способ приветствия

¹ Убийство Клита произошло в гор. Мараканде летом 328 г. до н. э. С изложением Юстина ср. А г г., *Anab.*, IV, 8—9; *Plut.*, *Alex.*, 50—52; *Curt.*, VIII, 1, 19—21, 12. См. также С. И. К о в а л с в, Александр и Клит, ВДИ, 1949, № 3, стр. 69—73.

² Ср. выше IX, 6—7 (Павсаний); XI, 2, 1—3; 5, 1—2. Об Аминте (сыне Пердикки III) ср. *Curt.*, VI, 9, 17; 10, 24.

³ Ср. А г г., *Anab.*, IV, 10, 1—2; *Plut.*, *Alex.*, 52. Каллисфен — ученик Аристотеля, автор ряда не дошедших до нас исторических работ, в том числе и «Деяний Александра» («*Πράξεις Ἀλεξάνδρου*»).

⁴ Ср. А г г., *Anab.*, IV, 15, 4; VII, 10, 6.

⁵ См. А г г., *Anab.*, IV, 9, 9—12, 5; *Plut.*, *Alex.*, 54; *Curt.*, VIII, 5, 5—7.

⁶ Каллисфен был казнен в связи с так называемым заговором «пажей» (А г г., *Anab.*, IV, 12, 7—14, 4; *Plut.*, *Alex.*, 55; *Curt.*, VIII, 6, 2—8, 23), о котором речь идет у Юстина, XII, 7, 2. См. С. И. К о в а л е в, Заговор «пажей», ВДИ, 1948, № 1, стр. 34—42. Эти события относятся, по видимому, к весне 327 г. до н. э., когда Александр был еще в Бактрии.

царя без падения ниц. (4) После этого Александр направился в Индию¹, чтобы границей его державы был Океан и крайний Восток. (5) Чтобы славе этого похода соответствовало и снаряжение его войска, Александр приказал посеребрить и блихы на конской сбруе и воинские доспехи, и своих воинов по их серебряным щитам прозвал «аргираспидами»². (6) Когда Александр подступил к городу Нисе³, он повелел пощадить жителей, которые, правда, и не сопротивлялись ему, полагаясь на его уважение к огду Либеру, основавшему город: Александр был рад тому, что он не только уподобился этому богу в военных успехах, но даже шел по его следам. (7) Тогда же он повел свое войско посмотреть на священную гору, заросшую естественными дарами природы — виноградными лозами и плющем так, как если бы она была изукрашена руками человека, трудом земледельцев. (8) Когда же войско Александра подошло к горе, воины, подчиняясь какому-то внезапному наитию, стали издавать священные [вакхические] вопли и разбежались во все стороны, но, к изумлению своего царя, не потерпели никакого ущерба, так что Александру стало ясно, что, пощадив город, он не столько охранил жителей, сколько свое собственное войско. (9) Оттуда он направился к Дедальским горам и к царству царицы Клеофиды⁴. Она отдалась Александру и получила от него благодаря этому свое царство обратно, добившись путем соблазна того, чего она не смогла достигнуть оружием. (10) Сына, родившегося [у нее], она назвала Александром. Он впоследствии овладел Индийским царством. (11) Царица Клеофида с того времени за несоблюдение целомудрия получила от индийцев прозвище царской блудницы. (12) Совершая поход по Индии, Александр пришел к утесам⁵, необычайно суровым и высоким, на которых нашли себе прибежище многие племена. Он узнал, что землетрясение воспрепятствовало Геркулесу завоевать эти утесы. (13) Охваченный желанием превзойти деяния Геркулеса, он с величайшими усилиями и опасностями овладел ими и подчинил себе в этой местности все племена.

Гл. 8. (1) Среди индийских царей был один, по имени Пор, одинаково замечательный физической силой и величием духа. (2) Он уже заранее, узнав о намерениях Александра и ожидая его прихода, стал готовиться к войне. (3) Когда началось сражение⁶, Пор приказал своему войску напасть на македонян, а сам потребовал, чтобы царь македонский вступил с ним в бой один на один. (4) Александр не замедлил вступить в бой, но в первой же стычке конь его был ранен, и он стремглав упал с коня на землю; бежались телохранители и спасли его. (5) Пор был взят в плен весь израненный. (6) Он был в таком отчаянии от своего поражения, что, хотя враг пощадил его, он сам отказывался принимать пищу и не хотел, чтобы лечили его раны; с большим трудом добились от него того, что он согласился остаться в живых. (7) Александр, уважая Пору за доблесть, отпустил его невредимым в его царство. (8) Здесь Александр основал два

¹ Индийский поход Александра начался весной 327 г. до н. э. См. А г р., Anab., IV, 22, 3 слл.; D i o d., XVII, 84 слл.; P l u t., Alex., 57 слл.; C u r t., VIII, 9 слл.

² Аргираспиды — «среброцитные» — были отборным отрядом македонской пехоты, который сражался уже при Гавгамелах (D i o d., XVII, 57). Ср. Curt., VIII, 5, 4.

³ Согласно греческому преданию, гор. Ниса (расположенный между реками Кабулом и Индом) был основан богом Дионисом. Диодор приписывает его основание египетскому «Дионису» — Осирису — см. I, 13, 5; 19,7 (Loeb). О данном эпизоде см. более подробное изложение у А р р и а н а (Anab., V, 1—2); ср. краткое упоминание у П л у т а р х а (Alex., 58).

⁴ Ср. C u r t., VIII, 10, 22, слл.; O г о с., III, 19, 1.

⁵ Речь идет о горном хребте Аорне, на правом берегу Инда, к северу от впадения притока Кабула. См. А г р., Anab., IV, 28—30, 4; D i o d., XVII, 85; C u r t., VIII, 11; ср. P l u t., Alex., 58.

⁶ Битва при реке Гидаспе (одном из восточных притоков Инда) произошла летом 326 г. до н. э. См. А г р., Anab., V, 9—19, 3; D i o d., XVII, 87 сл.; C u r t., VIII, 13—14; P l u t., Alex., 60. Сообщение Юстина о поединке между Александром и Пором в других источниках не приводится.

города¹: один из них он назвал Никеей, другой Букефалой, по имени своего коня. (9) Затем он завоевал адрестов, катеанов², пресиев, гангаридов³, истребив их войска. (10) Когда он дошел до софитов⁴, где навстречу ему выступили двести тысяч вражеских пехотинцев и двадцать тысяч всадников⁵, все его собственное войско, не менее утомленное числом одержанных побед, чем тяжкими походами, со слезами стало умолять его положить конец войнам⁶ (11) и вспоминать хотя бы от времени до времени о возвращении на родину, подумать о возрасте своих воинов — возрасте, который едва ли позволит им возвратиться [на родину]. (12) Солдаты стали показывать Александру кто седины, кто ранения, кто свое одряхлевшее тело, кто зарубцевавшиеся раны. (13) Только они одни, [говорили они], вынесли [на своих плечах] непрерывные походы при двух царях — Филиппе и Александре. (14) Наконец, стали они просить, чтобы Александр дал возможность успокоиться в отеческих гробницах тем, кто должен покинуть его не из-за недостатка рвения, а из-за своего возраста; (15) пусть он пощадит, если не воинов, то самого себя и не искушает свою судьбу, чрезмерно ее испытывая. (16) Александр, тронутый этими справедливыми жалобами, как бы в знак завершения своих побед приказал построить лагерь, далеко превосходящий обычные лагери⁷. Сооружение это должно было внушать врагу страх, а потомству — изумление. (17) Ни одного сооружения воины не воздвигали с большей радостью. Затем, разгромив врага, они возвратились с ликованием в этот самый лагерь.

Гл. 9. (1) Отсюда Александр дошел до реки Ацезина⁸, по которой доплыл до Океана. (2) Здесь ему сдались [государства] агенсонов и сибов⁹, которые основал Геркулес. (3) Отсюда он поплыл [на судах] к мандрам и судракам¹⁰. Эти народы выставили против него восемьдесят тысяч пехотинцев и шестьдесят тысяч всадников. (4) Выйдя победителем из сражения, Александр подступил с войском к их городу. (5) Он первым поднялся на [городскую] стену и, увидев, что город покинут своими защитниками, сыркнул на свободное пространство [между стеной и домами] один, без телохранителей¹¹. (6) Когда враги увидели, что Александр совершенно один, они, подняв крик, сбежались со всех сторон, чтобы, если удастся, снять одну голову, покончить с войной во всем мире и отомстить за столько народов. (7) Но и Александр сопротивлялся с наименьшей стойкостью и сражался один против многих тысяч. (8) Трудно поверить, — но его не испугало ни множество врагов, ни туча дрогиков, ни неистовые крики нападающих; он один отражал тьмы врагов и обращал их в бегство. (9) Когда же он увидел, что на него нападают толпы врагов, он прислонился спиной к стволу дерева, росшего у стены, (10) и, благодаря этой поддержке оставаясь невредимым, долго выдерживал вражеский натиск, пока, наконец, увидев, что Александр находится в опасности,

¹ Ср. А г р., Anab., V, 19,4; D i o d., XVII, 89,6; 95,6; P l u t., Alex., 61; S t r a b o, XV, 1, 29.

² См. А г р., Anab., V, 22; D i o d., XVII, 91,2—3.

³ См. D i o d., XVII, 93; C u r t., IX, 2,3; P l u t., Alex., 62 и W. W. T a r n, Alexander the Great, т. II, стр. 275 слл. (App., 14).

⁴ Sophites — конъектура Iep'а. Ср. C u r t., IX, 1,24 слл. В рукописях Cufites, Cufices.

⁵ [peditum et XX milia] — добавление Havercamp'a.

⁶ Об отказе солдат идти дальше см. также А г р., Anab., V, 25—28; D i o d., XVII, 94; C u r t., IX, 2—3; P l u t., Alex., 62.

⁷ См. D i o d., XVII, 95; ср. А г р., Anab., V, 29,1.

⁸ Современный Чекаб — приток Инда. Александр отправился речным путем: Гидас — Ацезин — Инд, осенью 326 г. до н. э.

⁹ Agensonas Sibosque — конъектура Gutschmid'a; в рукописях — agesinas sibosque; accensonas sibosque; acensanas siléosque и т. д. Ср. D i o d., XVII, 96.

¹⁰ Mandros et Sudracos — конъектура Gutschmid'a; в рукописях — in ambros et sugambros и т. д. Другие авторы упоминают о маллах и оксидраках (А г р., VI, 4,3; VI, 6 слл.; VI, 11,3; D i o d., XVII, 98).

¹¹ О подвиге Александра при штурме главного города маллов см. А г р., Anab., VI, 9—11; D i o d., XVII, 98 сл.; P l u t., Alex., 63; C u r t., IX, 4, 27 слл.

друзья не спрыгнули к нему со стены. Многие из них были убиты. (11) Исход сражения был сомнителен до тех пор, пока, разрушив стены, к нему не пришло на помощь все войско. (12) Раненый в этом бою стрелой под грудь и изнемогая от потери крови, он, став на одно колено, сражался до тех пор, пока не убил того, кем был ранен. (13) Лечение раны было тяжелее, чем самая рана.

Гл. 10. (1) Спасшись в конце концов из такого отчаянного положения, Александр отправил в Вавилон войско под начальством Полиперхонта¹, а сам с отрядом избранных воинов, сев на корабли, поплыл вдоль берегов Океана. (2) Когда он прибыл к городу царя Амба, горожане, прослышав про то, что железным оружием Александра победить нельзя, напугали стрелы ядом, от этого раны были вдвойне смертельны; отражая от стен города врага, осажденные убили множество воинов. (3) Когда среди многих других был ранен и Птолемей² и уже казалось, что он вот-вот умрет, самому царю в сновидении была указана трава, исцеляющая от яда. Когда Птолемей принял отвар этой травы, он немедленно избавился от опасности. Этим же средством была сохранена большая часть войска. (4) После того как город был взят, Александр возвратился на корабли и совершил жертвенные возлияния Океану, испрашивая благополучное возвращение на родину. (5) Подобно тому как возничий обводит колесницу вокруг меты, так Александр положил пределы своему государству там, где земля еще не стала непроходимой пустыней, а море еще судоходно; затем, пользуясь благоприятным течением, он вошел на кораблях в реку Инд. (6) Здесь он основал город Барку³ — как памятник совершенных им подвигов. Тут же он воздвиг алтари⁴ и одного из друзей своих оставил здесь наместником для управления прибрежными племенами индийцев. (7) Отсюда он намеревался совершить обратный поход по суше⁵. Так как говорили, что в средней части пути его ожидают безводные пространства, он приказал вырыть в подходящих местах колодцы⁶, которые оказались очень богаты пресной водой, и возвратился в Вавилон⁷. (8) Там многие покоренные племена принесли ему жалобы на его наместников. Александр приказал казнить их на глазах у послов, не принимая во внимание того, что среди них были его друзья. (9) После этого он женился на дочери Дария Статире (10) и знатным македонянам дал в жены самых знатных девушек⁸, выбранных из всех [покоренных] племен, чтобы проступок царя был как бы смягчен такими проступками его приближенных.

Гл. 11. (1) В это время Александр созвал войско на собрание и обещал воинам зап-

¹ Согласно А р р и а н у (Anab., VI, 17,3), не Полиперхонт, а Кратер был послан на запад в Карманию во главе части войск, после того, как Александр отправился вниз по реке Инду.

² Ср. рассказ Д и о д о р а (XVII, 103) о жителях Гармателии, в битве с которыми Птолемей был ранен, а затем спасен травами Александра.

³ У впадения реки Аксены (Ацезин) в Инд, согласно А р р и а н у (Anab., VI, 15, 2), Александр основал город и построил верфи. Несколько ниже по течению Инда он «укрепил другой город» (столицу согдов — А г г., Anab., VI, 15,4), построил верфи и назначил македонянина Пейфона сатрапом района по нижнему течению Инда.

⁴ В этой главе (см. выше, §§ 1 и 4) прибытие Александра к месту впадения р. Ацезина в Инд, повидимому, спутано с приездом его к устью Инда. О последнем факте см. А г г., Anab., VI, 19; D i o d., XVII, 104.

⁵ Александр начал свой обратный путь на запад от города Паталы, расположенного в дельте Инда (летом 325 г. до н. э.).

⁶ Эти колодцы предназначались для войска Неарха (А г г., Anab., VI, 20, 4; 21,3).

⁷ Свой обратный поход из Индии Александр закончил в Сузах (весной 324 г. до н. э.). По пути на запад, в Кармании, Персиде, и по прибытии в Сузы он строго расправлялся с сатрапами, злоупотреблявшими своей властью, и другими лицами. См. А г г., Anab., VI, 27; 29; VII, 4, 1—3; ср. D i o d., XVII, 108, 6; P l u t., Alex., 68.

⁸ О браках македонян и греков с персиянками см. А г г., Anab., VII, 4, 4—8; D i o d., XVII, 107, 6; P l u t., Alex., 70.

латить все их долги из личных средств, чтобы они могли увезти свою добычу и награды домой целиком. (2) Эта щедрость была исключительной не только по сумме, которую следовало уплатить, но также и тем, что она была почетным подарком, принятым кредиторами с не меньшей благодарностью, чем должниками. Ибо и тем и другим было бы трудно — одним взыскивать, а другим выплачивать долги. (3) На это дело было израсходовано двадцать тысяч талантов¹. (4) Освободив от военной службы ветеранов, Александр пополнил войско воинами более молодого возраста. (5) Но те, которые не получили отставки, были недовольны отставкой ветеранов и сами требовали увольнения. Они требовали, чтобы принимали в расчет не их годы, а их военную службу. Их взяли на службу одновременно с ветеранами, поэтому они считали справедливым, чтобы их освободили от присяги тоже одновременно с ними. (6) Далее они от просьб перешли к оскорблениям, требуя, чтобы Александр вел войны с помощью только своего отца Аммона, раз он так мучает своих солдат. (7) Александр то резко, то ласково уговаривал их не позорить славы своих боевых заслуг мятежами. (8) В конце концов видя, что речи ни к чему не ведут, Александр, чтобы захватить зачинщиков, прыгнул с трибуны безоружный в вооруженную толпу и без чьего-либо сопротивления сам отвел тринадцать [человек], захваченных им лично, на место казни. (9) Так покорно пошли они на смерть из страха перед царем и так решительно повел он их на смерть — и все это сделала привычка к военной дисциплине².

Гл. 12. (1) Затем на особом собрании Александр обратился с речью к персидским вспомогательным отрядам. (2) Он хвалил их за их непоколебимую верность прежним своим царям, а затем и ему самому. Он напоминал о милостях, которые он оказывал персам, о том, что он смотрел на персов не как на побежденных, а как на своих соратников, о том, что он сам перенял их нравы, а не принудил их принять нравы македонского народа, и путем браков смешал побежденных с победителями. (3) А теперь, [сказал он], и охрану своей особы он намереваетсяверить не только македонянам, но и персам. (4) С этой целью он отобрал себе тысячу молодых персов в телохранители. Также часть персидских вспомогательных отрядов, обучив по образцу македонского войска, он ввел в состав своего войска³. (5) Македоняне негодовали на это, говоря, что царь врагам передал ту службу, которая до сих пор принадлежала им. (6) Все они со слезами обступили царя и просили его утолить свой гнев против них наказаниями, а не оскорблениями. (7) Этим изъявлением покорности они добились того, что Александр уволил со службы еще одиннадцать тысяч ветеранов. (8) Из друзей Александра получили увольнение старики: Полиперхонт, Клит, Горгий, Полидам, Аммад, Антиген. (9) Во главе уволенных был поставлен Кратер, которому было приказано управлять македонянами вместо Антипатра, а Антипатра Александр вызвал к себе на место Кратера с пополнением из новобранцев⁴. (10) Возвращающимся на родину было положено такое же жалованье, как находящимся в действующей армии. (11) Пока все это происходило, умер один из друзей Александра — Гефестион⁵. Сначала он был дорог царю юношеской своей красотой, а потом своими заслугами. (12) Александр оплакивал его

¹ Ср. А г р., *Anab.*, VII, 5, 1—3; D i o d., XVII, 109; P l u t., *Alex.*, 70; C u r t., X, 2, 8—11.

² С изложением Юстина в этой и следующей главе ср. различные версии у А г р., *Anab.*, VII, 8—11; D i o d., XVII, 109; P l u t., *Alex.*, 71. Бунт македонских войск произошел летом 324 г. до н. э. в гор. Описе на Тигре. В объяснении причины возмущения македонян (см. выше — § 5) Трог стоит ближе к Диодору, чем к Арриану или Плутарху.

³ Ср. А г р., VII, 8,2; 11, 3; D i o d., XVII, 110, 1—2.

⁴ А р р и а н (*Anab.*, VII, 12,4 слл.) упоминает о распространившихся слухах, что Антипатр был отозван из Македонии Александром из-за недоверия к нему царя. См. ниже, гл. 14 и ср. C u r t.; X, 10, 14—19.

⁵ Гефестион умер в Экбатане. Ср. А г р., *Anab.*, VII, 14; D i o d., XVII, 110, 8; 114 сл.; P l u t., *Alex.*, 72.

так долго, как не подобало царю, поставив ему памятник в двенадцать тысяч талантов, и приказал почитать его после смерти, как бога.

Гл. 13. (1) Когда Александр возвращался с отдаленных берегов Океана в Вавилон¹, ему сообщили, что в Вавилоне ожидают его возвращения посольства из Карфагена и других африканских государств, а также из Испании, Галлии, Сицилии, Сардинии и некоторых италийских государств. (2) До такой степени весь мир испытывал страх перед его именем, что все народы заискивали перед ним, [как будто считая его] предназначенным себе в цари. (3) В то время как Александр по этой причине спешил в Вавилон, как бы намереваясь собрать там весь мир, некий маг предупредил его, чтобы он не въезжал в этот город, утверждая, что это место для него будет гибельным². (4) Поэтому Александр, оставив Вавилон в стороне, вступил в город Борсиону, по ту сторону Евфрата, давно уже покинутый жителями. (5) Здесь под влиянием философа Анаксарха Александр стал относиться к предсказаниям магов как к ложным и недоверенным, ибо если они совпадают с велениями рока, они сокрыты от смертных, а если они отражают естественный ход вещей, то они неотвратимы. (6) Поэтому, вернувшись в Вавилон, он много дней отдыхал и торжественно возобновил прерванные [вследствие походов] пиры. (7) Он весь предался развлечениям, и однажды, когда, пропировав целый день и присоединив к нему ночь, он уже собрался уходить с пира, его самого с его сотоварищами по пиру фессалиец Медий пригласил [к себе] возобновить пирушку. (8) Александр принял кубок и, когда выпил его до половины, то внезапно, точно пронзенный копьем, застонал, (9) был унесен с пира полумертвым и так жестоко страдал от боли, что умолял дать ему оружие вместо лекарства; даже легкое прикосновение причиняло ему такую же боль, как рана. (10) Друзья Александра распространяли слух, что болезнь царя произошла от неумеренного пьянства. На самом же деле это было коварное убийство (*insidiae*), гнусность которого мощным приемникам Александра удалось скрыть³.

Гл. 14. (1) Заговор задумал Антипатр⁴, видевший что казнены лучшие друзья царя, что убит его зять Александр Линкест; (2) да и сам Антипатр, несмотря на совершенные им в Греции подвиги, заслужил у Александра не столько благодарность, сколько ненависть. (3) Мать Александра, Олимпиада, тоже оскорбляла Антипатра разными клеветами⁵. (4) К этому добавилось еще и то обстоятельство, что совсем недавно подверглись страшной казни наместники завоеванных областей. (5) Поэтому Антипатр полагал, что и его вызвали из Македонии не для участия в военных походах, а для расправы. (6) Он подготовил сына своего Кассандра, который обычно прислуживал царю с братьями, Филиппом и Иоллой, к покушению на царя. Антипатр дал Кассандру яд. (7) Сила этого яда была такова, что его нельзя было хранить ни в медных, ни в железных, ни в глиняных сосудах, а переносить его можно было только в посуде из конского копыта. Антипатр предупредил сына, чтобы он не доверял никому, кроме как фессалийцу⁶ и братьям. (8) По этой-то причине у фессалийца [все] было заранее подготовлено для пира, и у него же было продолжено пиршество (9) Филипп и Иолла должны

¹ К началу 323 г. до н. э. Александр отправился в Вавилон из Экбатаны. Ср. А г г., *Anab.*, VII, 15,4—6; D i o d., XVII, 112, 4—5; 113.

² Ср. А г г., *Anab.*, VII, 16, 5 слл.; D i o d., XVII, 112, 2—5; P l u t., *Alex.*, 73.

³ О последнем заболевании Александра см. у А р р и а н а, следовавшего официальной версии (*Anab.*, VII, 24 слл.). Ср. P l u t., *Alex.*, 74 слл.; D i o d., XVII, 117.

⁴ Трог следует весьма распространенной версии о насильственной смерти Александра, павшего жертвой заговора. А р р и а н (*Anab.*, VII, 27) и П л у т а р х (*Alex.*, 77) отвергают эту версию. Ср. С у р т., X, 10, 14—19; D i o d., XVII, 118 и выше, прим. к XII, 12, 9.

⁵ Об интригах Олимпиады см. также А г г., *Anab.*, VII, 12, 5—7; P l u t., *Alex.*, 68; ср. 74; D i o d., XVII, 118, 1.

⁶ Речь идет об упомянутом выше. XII, 13, 7, Медии, который был фаворитом царя (А г г., *Anab.*, VII, 24, 4).

были заранее пробовать и разбавлять водой питье для царя; яд у них был влит в холодную воду; ею они и разбавили питье, которое перед этим испробовали.

Гл. 15. (1) Когда на четвертый день Александр почувствовал несомненный конец, он сказал, что видит в этом рок, [тяготеющий] над его родом, ибо большинство Эакидов умирало в возрасте до тридцати лет. (2) Затем он сам успокоил солдат, волновавшихся и подозревавших, что царь пал жертвой заговора. Александра перенесли на самое высокое место в городе; он позволил всем воинам лицедрезать себя и давал им, плачущим, для поцелуя свою правую руку. (3) В то время, как все вокруг него плакали, он не только не проронил ни одной слезы, но даже не обнаружил никаких признаков скорби, а некоторых, особенно сильно горевавших, утешал, некоторым давал поручения к их родителям, — (4) до такой степени дух его был непоколебим не только перед врагом, но и перед самой смертью. (5) Отпустив солдат, он спросил друзей, стоявших вокруг него: как им кажется, найдут ли они царя подобного ему? (6) Все молчали. Тогда он сказал им, что этого он и сам не знает, однако только он знает и предсказывает, почти видит своими глазами, как много крови прольет Македония в распрях, сколько убийств, сколько крови принесут ему, как погребальную жертву¹. (7) В конце концов он приказал похоронить свое тело в храме Аммона. (8) Когда друзья заметили, что он кончается, они спросили: кого он назначает наследником своей державы? Он ответил: достойнейшего (*dignissimum*)². (9) Столь велика была мощь его духа, что, хотя он оставлял после себя сына Геркулеса, брата Арридея и беременную жену Роксану³, он, забывая об узах родства, своим преемником объявил «достойнейшего». (10) И поистине не подобало бы наследовать престол такого могучего мужа кому-либо иному, кроме столь же могучего, и столь могущественной державе достаться кому-либо другому, а не испытанным людям. (11) Этим словом он как бы подал своим друзьям сигнал к бою и бросил им его как яблоко раздора; [с этой минуты] все стали соперниками друг другу, стремились подольститься к толпе, начали тайно добиваться поддержки у войска. (12) На шестой день, когда Александр уже не мог говорить, он передал Пердикке перстень, сняв с пальца⁴. Это приостановило разгоревшуюся было распрю между его друзьями. (13) Хотя и не словами был назначен наследник, однако было видно, что он избран по воле [умирающего].

Гл. 16. (1) Скончался Александр тридцати трех лет и одного месяца от роду⁵. Это был человек, стоявший выше человеческой природы благодаря могуществу своего духа. (2) В ночь, когда мать Александра, Олимпиада, зачала его, она увидела себя во сне обвитой громадным змеем. Сон ее не обманул, ибо, конечно, дитя, которое она носила в своем чреве, не могло быть порождением смертного. (3) Олимпиада, происходившая из рода Эакидов, прославленного с древнейших времен, от славнейших предков, была дочерью, сестрой и женой царей, но никем так не прославилась, как сыном. (4) При самом рождении Александра явились некие знамения его величия. (5) Ибо в тот самый день, как он родился, целый день на коньке кровли над дворцом его отца сидели два орла, предвещавшие двойную власть — в Европе и в Азии. (6) В тот же день отец его получил весть о двух победах — в Иллирийской войне и на Олимпийских играх, куда Филипп послал [на состязания]⁶ квадриги. Это знамение предвещало новорожденному

¹ Ср. А г р., Anab., VII, 26,3; D i o d., XVIII, 1,4 (Loeb); C u r t., X, 5,5.

² Ср. D i o d., XVIII, 1,4 — τῷ ἀρίστῳ; А г р., Anab., VII, 26,3 и D i o d., XVII, 117,3 — τῷ κρατίστῳ.

³ Роксана, дочь Оксирта, вождя Бактрии, попала в плен к Александру и стала его женой в 327 г. до н. э. (А г р., Anab., IV, 19, 5; VII, 4,4; D i o d., XVIII, 3,3; [Loeb]; C u r t., VIII, 21 слл.). О дальнейшей ее судьбе см. ниже—XIII, 2, 5; XV, 2,5.

⁴ Ср. D i o d., XVII, 117, 3; C u r t., X, 5,4; Арриан об этом не упоминает.

⁵ Mense uno et annos tres et XXX. Место испорченное. Конъектура Jerr'a — mense lunio, annos и т. д. Александр скончался, повидимому, 13 июня 323 г. до н. э. (P l u t., Alex., 76). А р р и а н (Anab., VII, 28,4) сообщает, что Александр умер в возрасте 32 лет и 8 месяцев.

⁶ Ср. P l u t., Alex., 3.

победу над всеми странами. (7) Мальчик с большим рвением учился наукам. (8) Подростком Александр имел в течение пяти лет наставником Аристотеля, славнейшего из всех философов. (9) Затем, получив власть, Александр приказал именовать себя царем всех стран мира (10) и внушил воинам своим такую веру в себя, что в его присутствии они, даже безоружные, не боялись никакого вооруженного врага. (11) Поэтому не было ни одного врага, которого он бы не победил, не было ни одного города, которого бы он не взял, ни одного народа, которого бы он не покорил. (12) В конце концов он был сломлен не вражеской доблестью, но коварством приближенных и предательством подданных.

КНИГА XIII

Гл. 1. (1) Когда Александр Великий скончался во цвете лет на вершине славы, во всем Вавилоне воцарилось скорбное молчание. (2) А племена, побежденные им, не поверили этой вести, так как считали царя не только непобедимым, но и бессмертным, (3) вспоминая, сколько раз он вырывался прямо-таки из объятий смерти, как часто, когда его уже считали погибшим, появлялся перед своими [войсками] не только невредимым, но и победителем. (4) Когда же наконец поверили тому, что он умер, все варварские народы, недавно им побежденные, оплакивали его не как врага, но как отца. (5) И мать царя Дария, которая, потеряв сына и сменив царственное величие на положение пленницы, тем не менее до этого дня не жаловалась на свою жизнь, — настолько милостив был к ней победитель, — когда услышала о его смерти, наложила на себя руки¹. (6) не потому, чтобы она врага предпочла сыну, но потому, что в том, кого она боялась как врага, она встретила сыновнюю почтительность. (7) Напротив, македоняне радовались, как будто потеряли не согражданина своего, столь великого царя, но врага, проклятая и его чрезмерную строгость и постоянные военные опасности. (8) Кроме того, вожди [войска] домогались царства и власти, а рядовые воины — сокровищ и несметных запасов золота, считая их неожиданной своей добычей; одни намеревались стать преемниками высшей власти, другие — наследниками огромных богатств, (9) ибо в казнохранилищах было пятьдесят тысяч талантов и податные сборы давали ежегодно по тридцать тысяч талантов. (10) Надо сказать, что друзья Александра не без основания рассчитывали добиться царской власти². Ибо они были столь доблестны и такое внушали к себе почтение, что каждого из них можно было принять за царя: (11) все они были так красивы и статны, столько в них всех было мощи и ума, что тот, кто их не знал, мог подумать, будто здесь собран лучший цвет не одного народа, а всего мира. (12) И никогда до того времени Македония, да никакой другой народ не производили подобного соцветия столь славных мужей; (13) сначала Филипп, а затем Александр подбирали их с таким тщанием, что, казалось, они избраны не только как соратники, но скорее как [возможные] преемники их власти. (14) Кто же станет дивиться тому, что с такими сподвижниками был побежден весь мир, раз македонским войском командовали не просто полководцы, а цари? (15) Никогда и нигде не нашлось бы равных им, если бы они не вступили в борьбу друг с другом, и Македония имела бы много Александров вместо одного, если бы судьба не побудила их к соперничеству в доблести на их всеобщую погибель.

Гл. 2. (1) Впрочем, все они после убийства Александра, хотя и испытывали радость, однако в полной безопасности себя не чувствовали, ибо ведь все они добивались одного и того же³. (2) Не менее, чем друг друга, опасались они и солдат, которые стано-

¹ Ср. Curt., X, 19—25; Dio d., XVII, 118, 3.

² «Nec amici Alexandri frustra regnum spectabant»; в других рукописях «Sed amici...» («Но напрасно друзья Александра рассчитывали добиться царской власти»). Смысл сохраняется и в этом последнем варианте: друзья Александра были равны в доблестях и потому мешали друг другу (см. след. главу).

³ С изложением Юстина в гл. 2—4 ср. Agr. (FGH, 156, 1, 1—8); Curt., X, 6—8; Dio d., XVIII, 2 сл.; Plut., Eum., 3, 1—3.

вились все разнужданнее и на благосклонность которых положиться было нельзя. (3) Даже то, что все они были равны друг другу, еще усиливало их вражду, так как ни один из них не превосходил других настолько, чтобы остальные подчинились ему. (4) И вот они в полном вооружении сходятся во дворец, чтобы установить какой-то определенный порядок [при данном положении вещей]. (5) Пердикка полагает, что нужно ждать родов Роксаны, которая уже на девятом месяце беременности и вот-вот должна родить от Александра; если она родит мальчика, его следует поставить в наследники отцу. (6) Мелеагр¹ возражает, [говоря], что не следует оттягивать решение и дожидаться гадательного исхода родов Роксаны; нечего ждать, что родятся какие-то царя, надо использовать уже родившихся. (7) Хотят они мальчика, — так в Пергаме уже имеется сын Александра, по имени Геркулес, рожденный Барсиной; (8) если же они предпочитают юношу, то в лагере находится Арридей, брат Александра, человек добродушный, которого весьма охотно примут все не только за его собственные качества, но и за то, что он сын Филиппа. (9) Кроме того, Роксана по происхождению персианка, и не подобает, чтобы македоняне брали себе царей, у которых в жилах течет кровь тех, чьи царства они разрушили. (10) Этого и сам Александр не хотел. Да, наконец, и умирая, он даже не упомянул о Роксане. (11) Птолемей отказался признать царем Арридея, не только из-за постыдного занятия его матери — ведь Арридей был рожден от блудницы из Лариссы, — но также из-за серьезной болезни, которой он страдал²; как бы не случилось так, что он будет только называться царем, а править будет другой. (12) Лучше уж выбрать царя из тех, кто благодаря своим высоким достоинствам стоял ближе всего к царю, кто правит областями, кому поручается ведение войн, а не подчиняться власти не достойных [ее], которые будут править от имени царя. (13) Победило мнение Пердикки, и к нему присоединились все остальные. (14) Итак, было решено ждать родов Роксаны и, если родится мальчик, дать ему в опекуны Леоната, Пердикку, Кратера и Антипатра; немедленно все дали клятву повиноваться этим опекунам.

Гл. 3. (1) Между тем как всадники присоединились к этому решению, пехотинцы вознегодовали, что им не предложили участвовать в совещании; они провозглашают царем Арридея, брата Александра, выбирают ему из своей среды телохранителей и приказывают ему именоваться по отцу Филиппом. (2) Когда об этом было сообщено всадникам, они послали к пехотинцам, чтобы их успокоить, двух командиров — Мелеагра и Аттала. Они же, стремясь усилить свое влияние путем лести рядовой солдатчине, не выполнили своего поручения и присоединились к пехотинцам. (3) Мятеж тотчас же разросся, как только приобрел главарей и советников. (4) Вооруженные пехотинцы врываются во дворец, чтобы уничтожить конницу. (5) Узнав об этом, всадники в страхе выступают из города, располагаются лагерем и в свою очередь начинают запугивать пехоту. (6) Но и взаимная вражда между главными [полководцами] не прекращалась. (7) Аттал³ подсылает убийц к главе противоположной партии — Пердикке. (8) [Однако] убийцы не осмеливались на него напасть, он был вооружен, держал себя вызывающе и выказал такую твердость духа, что по собственной воле вышел к пехотинцам, созвал их на сходку и разъяснил им, какое преступное дело они затеяли. (9) Пусть они подумают, [говорил он], против кого они подняли оружие; ведь это не персы, а македоняне, не враги, а сограждане, многие из них даже их родственники, и во всяком случае их соратники, сотоварищи по лагерю и опасностям. (10) Какое восхитительное зрелище для их врагов! Как они будут радоваться тому, что те, чье оружие нанесло им горестное поражение, теперь убивают друг друга и своей кровью совершают надгробные жертвоприношения теням ими же убитых врагов!

Гл. 4. (1) Когда Пердикка произнес эту речь с исключительным своим красноречием, он до такой степени тронул пехотинцев, что они, одобрив его предложения, единогласно избрали его в вожди. (2) Затем со всадниками было достигнуто соглашение.

¹ Сын Неоптолема, полководец Александра.

² Ср. P l u t., Alex., 77.

³ По К у р ц и ю (X, 8, 1), убийц подсылал Мелеагр.

и они пошли на то, чтобы признать царем Арридея. (3) Часть державы была предназначена и сыну Александра, если он родится. (4) Все эти переговоры проводились вокруг тела Александра, помещенного в середине зала, чтобы он в своем царственном величии как бы явился свидетелем этих распоряжений. (5) Когда все эти постановления были утверждены, во главе Македонии и Греции был поставлен Антипатр; управление царской казной предоставляется Кратеру, заботы о лагерях, войске и царях¹ поручаются Мелеагру и Пердикке². (6) Царю Арридею дается поручение отвезти тело Александра в храм Аммона³. (7) И вот теперь-то Пердикка, таивший злобу против зачинщиков мятежа, внезапно, без ведома своего соправителя, назначил в лагерях на предстоящий день очистительные жертвоприношения по случаю смерти Александра. (8) После того как Пердикка выстраивает в поле войско в полном вооружении, он обходит [фронт] и, вызвав с согласия всех из разных манипул наиболее беспокоящих, тайно приказывает их казнить⁴. (9) Затем, возвратившись, он делит между главными полководцами (principes) управление областями (provincias) с тем, чтобы удалить своих соперников и чтобы они в то же время считали этот дар благодеянием с его стороны. (10) Египет с частью Африки и Аравии⁵ первым получил Птолемей, некогда за доблесть назначенный Александром в полководцы из рядовых. (11) В помощники⁶ для управления⁷ провинцией ему дают Клеомена, построившего Александрию. (12) Соседнюю с этой областью Сирию получает Лаомедонт из Митилены, Киликию — Филота. (13) Илириец Пифон ставится во главе Великой Мидии, Атропат⁸, тесть Пердикки, во главе Малой Мидии. (14) Цэну (Соено) предназначается Сузиана, а Великая Фригия Антигону, сыну Филиппа⁹. (15) Ликию и Памфилию получает по жребию Непарх, Карию — Кассандр¹⁰, Лидию — Менандр. (16) Леонату достается Малая Фригия; Фракия и области у Понтийского моря — Лисимаху; Каппадокия с Пафлагонией — Евмену. (17) Верховным начальником над лагерями становится Селевк, сын Антиоха¹¹. (18) Во главе царских телохранителей ставят Кассандра, сына Антипатра. (19) Во главе [дальней] Бактрианы и индийских областей были оставлены прежние наместники. (20) Таксил¹² получает в управление земли между реками Гдаспом и Индом. (21) В ко-

¹ regum, в других рукописях — regum.

² По Диодору (XVIII, 2, 4: 3,4), Пердикке была предоставлена верховная власть, как регенту при больном царе Арридесе. С версией Юстина ср. А г г., FGH, 156, 1, 1—3; Дексирр., FGH, 100, 8, 4.

³ Это было поручено не царю Арридею, а одному из полководцев Александра того же имени. См. Диод., XVIII, 36,7. По настоянию Птолемея, тело Александра было похоронено не в храме Аммона, а в Александрии (Диод., XVIII, 28, 3). По Павсанию (I, 6, 3), оно было похоронено в Мемфисе.

⁴ Ср. Сурт., X, 9; Диод., XVIII, 4, 7.

⁵ В других рукописях Africae, Asiae Libiaequae. Со списками сатрапий и наместников у Юстина в §§ 10—23 ср. Диод., XVIII, 3; Дексирр. (FGH, 100, 8); А г г. (FGH, 156, 1,5—8); Сурт., X, 10, 1—6.

⁶ Adiutor — добавление Koehler'a.

⁷ ad traetandam, в других рукописях ad tradendam.

⁸ Атропат был персидским сатрапом всей Мидии; теперь он получил северо-западную часть ее, позже названную «Мидия Атропатена». Он был тестем Пердикки (А г г., IV, 18, 3; VII, 4,5).

⁹ Согласно другим источникам, Антигон получил также Памфилию и Ликию. См. Диод., XVIII, 3, 1; ср. 39,6.

¹⁰ В рукописях Диод., XVIII, 3,1, сатрап Карии (см. прим. Геег в изд. Loeb'a стр. 17) назван Кассандром. Арриан и Дексиппи называют его Асандром.

¹¹ По Диодору (XVIII, 3, 4), Селевк был назначен начальником конницы гетайров.

¹² И Таксилу и Пору были оставлены Александром, а затем Пердиккой, их царства. См. А г г., Anab. V, 20, 4; Диод., XVII, 86,7; 89,6; XVIII, 3, 2.

лонии, выведенные в индийские пределы, посылают Пифона¹, сына Агенора. Парпа-мес, область, граничащую с горами Кавказа, получил Оксиарт. (22) Арахозия и кедросия передаются Сибиртию; драгги и арей — Стасанору. (23) Аминта получает по жребию бактрианов, солиец Стаганор — согдианов, парфян — Филипп, гирканов — Фратаферн², карманов — Тлептолем, персов — Певкест, вавилонян — Архонт из Пеллы, Месопотамию — Аркесилай. (24) В результате этого дележа каждый получил как бы дар судьбы, ибо для многих это было началом возвышения. (25) А именно, спустя немного времени, так, как если бы они поделили между собой не наместничества, а царства, они, став на деле не наместниками, а царями, не только для себя приобрели огромное могущество, но также и потомкам его оставили в наследство.

Гл. 5. (1) Пока все это происходило на востоке, в Греции афиняне и этоляне с величайшим напряжением готовились вести войну, которую они затеяли еще при жизни Александра. (2) Причиной войны³ было то, что Александр, возвратившись из Индии, отправил в Грецию послания, в которых предписывал, чтобы были возвращены обратно на родину из всех государств изгнанники, кроме тех, которые были осуждены за убийство. (3) Когда эти послания были оглашены в присутствии [представителей] всей Греции на Олимпийском торге, то они вызвали большое волнение, (4) так как большинство изгнанников было выслано не на законном основании, но вследствие происков видных лиц (*principum*). Теперь эти самые лица стали опасаться, как бы изгнанники, возвратившись, не приобрели в государстве большего влияния, чем они. (5) Поэтому еще тогда во многих государствах стали кричать, что надо войной [добиться] восстановления свободы. (6) Но главными зачинщиками были афиняне и этоляне⁴. (7) Когда сообщили об этом Александру, он приказал потребовать от союзников тысячу военных кораблей для войны на западе и собирался с помощью мощного войска разрушить Афины⁵. (8) И вот теперь афиняне, собрав тридцатитысячное войско⁶ и двести кораблей, начинают военные действия против Антипатра, которому досталась по жребию Греция. Антипатр уклоняется от сражения⁷ и укрывается за стенами города Гераклеи,

¹ Ср. А г г., *Anab.*, VI, 15,4.

² Возможно, у Юстина в этом месте спутан раздел при Пердикке с разделом при Антипатре в 321 г. до н. э., согласно которому Парфия была отдана Филиппу и солиец Стаганор получил Согдиану и Бактриану — см. *D i o d.*, XVIII, 39,6. Пердикка же в 323 г. до н. э. передал Бактриану и Согдиану Филиппу, Парфию и Гирканию — Фратаферну (*D i o d.*, XVIII, 3,3). Путанице в тексте Юстина, повидимому, способствовало и то обстоятельство, что участниками раздела при Антипатре были два киприйца с очень близкими именами — Стасандр и Стасанор (*D i o d.*, XVIII, 39, 6).

³ Ламийская война (323—322 гг. до н. э.). Ср. *D i o d.*, XVIII, 8—18; *P l u t.*, *Phoc.*, 23 слл; *Demosth.*, 27; *H u r e r e i d.*, *Epitaph.*, 10—20. Приказ Александра об изгнанниках был оглашен в Олимпии в 324 г. до н. э. *Д и о д о р* (XVIII, 8,4) приводит его содержание. ⁴ Ср. *D i o d.*, XVIII, 8, 6—7; *C u r t.*, X, 2,6.

⁵ Согласно *Д и о д о р у* (XVIII, 8, 7), афиняне и этоляне ничего открыто не предпринимали до смерти Александра. Только *Ю с т и н и К у р ц и й Р у ф* (X, 2,2) упоминают о намерении Александра послать корабли против афинян; согласно последнему автору, причиной этого решения явилось известие о приезде Гарпала в Афины. В сообщении *Ю с т и н а* о «тысяче военных кораблей для войны на западе» — планы Александра в Греции, возможно, спутаны Юстином с более широкими замыслами, о которых упоминают другие источники (см. *D i o d.*, XVIII, 4, 4; ср. А г г., *Anab.*, VII, 19,4—5; *C u r t.*, X, 1, 17—18; *P l u t.*, *Alex.*, 68, 1).

⁶ Согласно *Д и о д о р у* (XVIII, 12, 4), при первом столкновении с врагами греческое войско численностью превосходило македонское, но самих афинян было только 5500 (*D i o d.*, XVIII, 11,3).

⁷ По другим источникам, Антипатр не уклонялся от сражения, а был поражен в битве около Фермопил и затем укрылся в Ламии (см. *H u r e r e i d.*, *Epitaph.*, 12, 18; *D i o d.*, XVIII, 12,4).

а афиняне осаждают [этот город]. (9) В это время Демосфен, афинский оратор, жил как изгнанник в Мегарах¹. Он был некогда изгнан с родины за то, что принял золото от Гарпала; но Гарпал, бежавший от жестокости Александра², дал Демосфену это золото для того, чтобы тот вовлек Афины в войну против того же Александра. (10) Когда Демосфен узнал, что афиняне отправили Гиперида в качестве посла, чтобы вовлечь мелопоннесцев в военный союз, он последовал за ним и своим красноречием добился того, что Сикпон, Аргос, Коринф и другие государства также примкнули к Афинам³. (11). За эту заслугу афиняне вернули Демосфена из изгнания, выслав навстречу ему корабль. (12) Между тем во время осады Гераклеи был убит афинский военачальник Леосфен копьем, брошенным в него со стены, когда он проходил мимо⁴. (13) Это обстоятельство настолько подняло дух Антипатра, что он даже осмелился срыть вал. (14) Затем он просит через послов помощи у Леоната. Когда стало известно, что Леонат приближается со своим войском, афиняне выступили навстречу ему в боевом порядке. Произошла схватка конницы, в которой Леонат был тяжело ранен и скончался⁵. (15) Хотя Антипатр видел, что шедший ему на помощь отряд потерпел поражение, он тем не менее обрадовался смерти Леоната: он избавился от соперника, а войско [Леоната] присоединилось к нему. (16) Поэтому, как только он принял его под свою команду, он счел себя равным врагу даже и в открытом поле и, прорвав осаду, ушел в Македонию. (17) Греческие войска также, изгнав врага из пределов Греции, разошлись по своим городам⁶.

Гл. 6. (1) Между тем Пердикка начал войну с царем Каппадокии Ариаратом⁷, без всякого повода к тому со стороны последнего. Хотя в сражении он оказался победителем, однако эта война не принесла ему ничего, кроме ран и опасностей. (2) Ибо враги, отступив в город с поля битвы, убили своих жен и детей, подожгли свои дома со всем имевшимся в них добром, (3) а затем и сами, вместе со всеми своими рабами, бросились в пламя, чтобы врагу не досталось ничего кроме зрелища пожара. (4) После этого Пердикка, чтобы добавить к своему могуществу царское достоинство, затеял жениться на Клеопатре⁸, сестре Александра Великого, бывшей прежде женой другого Александра⁹; со стороны матери ее, Олимпиады, он не встретил препятствий. (5) Но перед этим он попытался обмануть Антипатра, сделав вид, что хочет породниться с ним. (6) Он притворился, будто ищет брака с его дочерью, чтобы легче получать из Македонии пополнения из новобранцев. (7) Антипатр предугадал эту хитрость, и Пердикка, добываясь одновременно двух жен, не получил ни одной¹⁰. (8) После этого на-

¹ Ср. P l u t., Dem., 25—27.

² См. D i o d., XVII, 108, 4—8.

³ См. D i o d., XVIII, 11, 1—2; P a u s., I, 25, 4.

⁴ См. другую версию у Д и о д о р а, XVIII, 13, 5.

⁵ Ср. D i o d., XVIII, 14, 4; 15, 1—3; 322 г. до н. э.

⁶ В изложении Юстина опущена последняя фаза войны: несколько поражений афинян на море и битва у Кранноне в Фессалии (сентябрь 322 г. до н. э.), в которой победили войска Антипатра и Кратера (см. D i o d., XVIII, 15, 8—9; 17; P l u t., Phoc., 26, 1).

⁷ См. другую версию об этой войне у D i o d., XVIII, 16, 1—3; ср. A p p., Mithr., 8. Рассказ, подобный I u s t., XIII, 6, 2—3, имеется у Диодора в другом месте (XVIII, 22, 2—7 — об исаврах в Писидии). Эпитоматор, повидимому, снова объединил в одно два различных события. После поражения Ариарата Каппадокия была поручена Евмену, в соответствии с делением Пердикки (см. выше, XIII, 4, 16).

⁸ Ср. D i o d., XVIII, 23, 3.

⁹ Александр, царь Эпира, погибший в Италии. См. выше — IX, 6, 1 и XII, 2.

¹⁰ Д и о д о р (XVIII, 23; 25, 3) дает другую версию: Пердикка «временно» (κατά τὸ παρόν) женился на дочери Антипатра, все еще добываясь связи с Клеопатрой; Антигон же, узнав об этом плане, ушел от Пердикки к Антипатру и Кратеру, чтобы воспрепятствовать затее Пердикки достичь царской власти.

чинается война между Антигоном и Пердиккой. (9) Антигону помогали Кратер и Антипатр, которые, заключив мир с афинянами¹, поставили во главе Греции и Македонии Полиперхонта². (10) Пердикка, вызвав в Каппадокию царей Арридея и Александра, сына Александра Великого, которые были под его опекой, созывает военный совет³. (11) Некоторым казалось, что лучше всего перенести войну в Македонию, в самый главный центр (*tons et caput*) державы, (12) где находилась и Олимпиада, мать Александра, немаловажная сила в борьбе партий, вследствие того, что среди граждан великие имена Александра и Филиппа были все еще популярны. (13) Но было решено начать войну с Египта, чтобы, когда они направятся в Македонию, Птолемей не занял Азию⁴. (14) Евмену, кроме полученных им ранее областей, были дополнительно даны Пафлагония, Кария, Ликия и Фригия⁵. (15) Здесь ему было приказано ожидать Кратера и Антипатра. В помощники Евмену были даны брат Пердикки Алкет и Неоптолем с их войсками⁶; (16) Клиту поручают начальство над флотом. Киликию отнимают у Филоты и отдают Филоксену; сам Пердикка с громадным войском движется на Египет. (17) Так, Македония, вследствие того, что ее вожди разбились на две враждующие группы, обратила оружие против собственной своей плоти, обагрила мечи, которыми сражалась против врага, кровью своих же сограждан и, словно лишившись рассудка, сама стала себе рубить руки и калечить себя. (18) Но Птолемей искусно и энергично уже подготавливал в Египте огромные [военные] силы [для отпора]; (19) так, он сумел и египтян привлечь к себе своим исключительно разумным управлением⁷ и соседних царей расположил в свою пользу различными благодеяниями и услугами. (20) В то же время он увеличил свои владения, захватив город Кирену⁸. Он стал так силен, что уже не столько страшился врагов, сколько сам стал для них страшен.

Гл. 7. (1) Основана была Кирена Аристеом⁹, прозвище которому было Батт¹⁰ по причине его немоты. (2) Отец Батта, Грин¹¹, царь острова Феры, отправился в Дельфы к оракулу, чтобы спросить о возможности исцеления физического недостатка своего сына, который, уже будучи подростком, все еще не умел говорить. Грин получил от-

¹ Ср. *D i o d.*, XVIII, 25,4; здесь речь идет о заключении мира с этолианами.

² О Полиперхонте ср. *D i o d.*, XVIII, 38, 6

³ Об этом совете см. также *D i o d.*, XVIII, 25, 6.

⁴ Птолемей уже вступил в союз с Антипатром и Кратером. Ср. *D i o d.*, XVIII, 14, 2; 25, 4.

⁵ При первом разделе монархии Александра Памфилия, Ликия и Великая Фригия были отданы Антигону (*D i o d.*, XVIII, 3, 1; О Карии см. выше, XIII, 4, 15 и прим.), а Пафлагония — Евмену (см. выше XIII, 4, 16). Возможно, что в данном месте у Юстина термин «Пафлагония» стоит вместо «Памфилия».

⁶ Ср. *D i o d.*, XVIII, 29, 1—2; *Plut.*, *Eum.*, 5,1—2.

⁷ Ср. *D i o d.*, XVIII, 28, 5—6.

⁸ О том, как Птолемей овладел Киреной в 322 г. до н. э., см. *D i o d.*, XVIII, 24, 6—9.

⁹ Судя по сокращенной версии эпитоматора, представленной в этой главе, Трог, очевидно, стремился сочетать предание об основании Кирены пришельцами с острова Феры с мифом о похищении девушки Кирены Аполлоном и о сельском полубоге Аристе, сыне нимфы Кирены. С этой целью, можно думать, он именовал основателя города не Аристотелем (*P i n d.*, *Pyth.*, V, 87, изд. Loeb'a), а Аристеом. Город Кирена был основан ок. 630 г. до н. э. См. *F. Chamoux, Cyrène sous la monarchie des Battiates. Paris, 1953.*

¹⁰ С изложением Юстина в §§ 1—5 ср. *Н е р о d.*, IV, 150—158; *P i n d.*, *Pyth.*, IV, 1—8; 59—63. По мнению Геродота (IV, 155), имя «Батт» связано с тем, что слово «батт» по-ливийски означает «царь». В других местах Геродот указывает на тесные связи между местным населением Ливии и греческими пришельцами (см. IV, 161, 170, 186; ср. *P i n d.*, *Pyth.*, IX, 105—125).

¹¹ *Grinus* — конъектура *Bongarsi* (ср. *Н е р.*, IV, 150). В рукописях *Cirnus*, *Cirin-*
aus.

вет, повелевавший его сыну Батту направиться в Африку и основать там город Кирену; там получит он дар речи. (3) Ответ этот оказался насмешкой вследствие малой населенности острова Феры, откуда повелено было отправиться переселенцам для основания города в Африке, столь обширной стране. Поэтому дело это было оставлено. (4) Но спустя некоторое время [на жителей] Феры за их непокорность бог послал чуму, и они были вынуждены покориться ему...¹ переселенцев оказалось так мало, что они едва наполнили собой один корабль. (5) Когда они приплыли в Африку, они прогнали местных жителей и, за красоту местности и обильный водой источник, выбрали себе для поселения гору Киру. (6) Здесь-то у вождя их Батта разрешились узы его языка, и он впервые начал говорить². Это обстоятельство подняло их дух, так как одно из обещаний бога осуществилось. В душе их зажглась надежда, что осуществится и остальная часть предсказания относительно основания города. (7) Они разбили лагерь и узнали, находясь здесь, древнее предание: Кирена, девушка необыкновенной красоты, была похищена Аполлоном с Пелиона, горы в Фессалии, Аполлон перенес ее на тот самый горный кряж, один из отрогов которого они заняли. Здесь Кирена, ошлотоворенная богом, родила четырех сыновей: Номия, Аристея, Аутуха и Агрея³. (8) Отец Кирены, фессалийский царь Гипсей, послал людей на поиски дочери, но посланцы эти, плененные красотой местности, остались жить вместе с девушкой в том же краю. (9) Трое из сыновей Кирены, когда выросли, вернулись в Фессалию и унаследовали царство деда. (10) Аристей же стал царем обширней Аркадии и, как говорят, первый научил людей пчеловодству, употреблению меда и изготовлению сыра из молока, а также и первый открыл, какое созвездие восходит во время летнего солнцестояния⁴. Когда Батт услышал все это и увидел, что в своем ответе бог назвал имя именно этой девушки, то он основал город Кирену.

Гл. 8. (1) Итак Птолемей, получив подкрепление из этого города, готовился к войне на случай нападения Пердикки. (2) Но Пердикке более вредила ненависть, которую он возбуждал своей надменностью, чем вражеские войска: возмущенные ею, союзники толпами перебежали к Антипатру. (3) Даже Неоптолем, старленный в помощь Евмену, не только хотел перебежать [сам], но и передать [врагам] войско своих союзников⁵. (4) Так как Евмен это предвидел, он счел необходимым вступить в бой с предателем. (5) Неоптолем потерпел поражение и бежал к Антипатру и Полиперхонту⁶. Он убеждал их, чтобы они ускоренным наступлением застigli врасплох Евмена, упоенного победой и считавшего себя в безопасности после бегства его, Неоптолема. (6) Но это дело от Евмена не укрылось: коварный замысел обратился против того, кто строил козни. Те, которые считали, что нападут врасплох, сами подверглись нападению во время похода, когда считали себя в безопасности и были утомлены бессонной ночью

¹ Лакуна, на которую указал Rühl.

² См. P a u s., X, 15, 7; ср. P i n d., Pyth., V, 57—59.

³ Ср. P i n d., Pyth., IX, 5—70. Согласно Пипдару (ст. 62—65), Кирена родила только одного сына, но столь прекрасного, что его называли и Зевсом, и Аполлоном, и Агреем, и Номием и, наконец, Аристеем (ср. D i o d., IV, 81, 1—2, изд. Loeb'a). Многочисленность имен сына Кирены дала, повидимому, Трогу основание писать о четырех сыновьях Кирены (добавляя Аутуха, быть может из ливийского предания?) и одного из них, Аристея, отождествлять с Баттом (§ 1).

⁴ Об Аристее, сыне нимфы Кирены, см. V e r g., Georg., I, 14; IV, 283, 317 слл.; ср. D i o d., IV, 81, 2; 82, 1—3.

⁵ О событиях, излагаемых в §§ 3—9, см. также D i o d., XVIII, 29, 3—32; P l u t., Eum., 5—7; N e r o s, Eum., 3—4; A g r., FGH, 156, 9, 26—27. Дело относится к лету 321 г. до н. э.

⁶ Согласно другим известиям (D i o d., XVIII, 38, 6; I u s t., XIII, 6, 9), Полиперхонт остался в Европе. С Антипатром в Азию пошел Кратер. Прибыв в Азию, Антипатр направился за Пердиккой в Киликию (D i o d., XVIII, 29, 6; ср. P l u t., Eum., 6, 4), а Кратер вместе с перебежавшим к нему Неоптолемом сражался против Евмена.

(7) В этом сражении Полиперхонт¹ был убит. Неоптолем и Евмен вступили между собой в поединок, (8) долго бились и нанесли друг другу много ран. В конце концов Неоптолем был побежден и пал. (9) Таким образом, Евмен, победив в двух последовавших друг за другом сражениях, несколько укрепил положение своей партии, ослабленной переходом союзников на сторону врага. (10) Однако после того, как был убит Пердикка, Евмена вместе с Пифоном Иллирийцем и Алкетом, братом Пердикки, войско объявило врагами государства, и ведение войны против них было поручено Антигону².

КНИГА XIV

Гл. 1. (1) Когда Евмен узнал, что Пердикка убит, что его [самого] македоняне объявили врагом [государства], и что Антигону поручено вести против него войну, (2) он лично сообщил это солдатам, чтобы молва не превеличила случившегося и чтобы эта весть, если она дойдет до воинов неожиданно, не напугала их. (3) В то же время он хотел узнать настроение окружающих и принять решение, согласно с тем, как они отнесутся к его сообщению. (4) Однако при этом он в решительном тоне заявил, что если кто боится, то ему дается полная возможность уйти. (5) Этими словами он до такой степени расположил все [войско] в свою пользу, что все стали его ободрять и заверять, что они уничтожат с оружием в руках решение македонян. (6) После этого он велел свое войско в Эолию и требует от городов уплаты крупных денежных сумм, а города, отказавшиеся платить, подвергает разграблению. (7) Отсюда он отправляется в Сарды к Клеопатре, сестре Александра Великого, чтобы ее слова вдохнули мужество в центурионов и высших военачальников, которые наверно будут убеждены, что царская власть достанется той стороне, к которой примкнет сестра Александра. (8) Столь велико было преклонение перед величием Александра, что [все] пытались завоевать благосклонность, используя его священное имя, даже обращаясь к помощи женщин.³ (9) После возвращения Евмена в лагерь, обнаруживают разбросанные по всему лагерю письма⁴, в которых назначалась большая награда тому, кто принесет Антигону голову Евмена. (10) Узнав об этом, Евмен собрал солдат на сходку, прежде всего поблагодарил их за то, что не нашлось никого, кто, надеявшись на награду за пролитую кровь, изменил бы своей присяге в верности, (11) а затем, схитрив, добавил, будто письма эти сочинил он сам, чтобы проверить настроение своих солдат. (12) Ведь его жизнь, сказал он, находится всецело в их руках, а ни Антигон, ни кто-либо другой из полководцев не захочет одержать победу так, чтобы подать сию вреднейший пример, который может обернуться против них самих. (13) Этим поступком Евмен и в настоящий момент удерживал колеблющихся и на будущее предусмотрел, что, если повторится что-либо подобное, солдаты будут думать, будто это не враг пытается их подкупить, а испытывает их собственный вождь.

Гл. 2. (1) Поэтому все наперебой стали предлагать ему свои услуги для охраны его жизни. В это время подошел со своим войском Антигон, разбил лагерь и на следующий же день вступил в бой. (2) Евмен тоже не стал уклоняться от сражения⁵, но был побежден и отступил в одну из крепостей⁶. (3) Увидав, что ему придется подвергнуться [трудностям] осады, Евмен распустил большую часть своего войска, либо опасаясь того, что воины, сговорившись между собой, выдадут его врагам, либо предвидя, что положение

¹ Т. е. Кратер, см. Trog., ProI., 13.

² Ср. Dio d., XVIII, 37, 2; 39, 7; Plut., Eum., 8, 1—4; A g., FGh, 156, 9, 30, 38. О смерти Пердикки в Египте (321 г. до н. э.) см. Dio d., XVIII, 36, 1—5.

³ Ср. Plut., Eum., 8, 6—7.

⁴ Ср. Plut., Eum., 8, 11.

⁵ Битва при Орклиях в Каппадокии в 320 г. до н. э. См. Dio d., XVIII, 40, 5—8; Plut., Eum., 9, 3.

⁶ Крепость Нора в горах Тавр около границы Каппадокии с Ликаонией. Ср. Dio d., XVIII, 41, 1—3; Plut., Eum., 10, 1—2; Nep., Eum., 5, 3; Strabo, XII, 2, 6, стр. 537.

осажденных будет более тяжелым при большом количестве их. (4) Затем он отправил послов с просьбой о помощи к Антипатру, который, повидимому, один только располагал силами, равными силам Антигона. Узнав о том, что Антипатр послал войско на помощь Евмену, Антигон снял осаду¹. (5) Таким образом, Евмен на некоторое время избавился от непосредственной смертельной опасности, но и на спасение, после того как он распустил свое войско², надежда была невелика. (6) Поэтому, приняв в соображение все обстоятельства, он считал за лучшее бежать к аргираспидам³ Александра Великого, непобедимому войску, блиставшему славою стольких побед. (7) Но аргираспиды после Александра презирали всех полководцев и, храня память о великом царе, считали позорным нести военную службу под командой кого-либо другого. (8) Поэтому Евмен начал действовать лестью, униженно ведя разговоры с отдельными воинами⁴, то называя их своими соратниками, то покровителями, то соговариваями по опасности восточной кампании, [говоря, что] они его надежное прибежище, единственная защита; (9) вспоминал, что только благодаря их доблести покорен Восток, что только они превзошли военные деяния отца Либера и достопамятные подвиги Геркулеса. (10) Благодаря им Александр стал велик, благодаря им достиг он божественных почестей и бессмертной славы. (11) Он [Евмен] молит, чтобы аргираспиды считали его не полководцем, а соратником, и зачислили его в свои ряды. (12) Будучи принят на этих условиях, он мало-помалу завладел высшей военной властью [среди аргираспидов], сначала давая советы то тому, то другому, затем в вежливой форме исправляя некоторые неправильные распоряжения. [В конце концов вышло так], что уже ничего не делалось в лагере без его ведома, никаких распоряжений нельзя было дать без его хитроумных указаний.

Гл. 3. (1) Наконец, когда пришла весть, что Антигон приближается со своим войском, Евмен убедил аргираспидов вступить в бой⁵. (2) Но так как они не пожелали считаться с приказаниями своего полководца, то они были побеждены своими храбрыми врагами⁶. (3) В этом бою аргираспиды потеряли не только свою великую славу, [добытую] в стольких войнах, но и свои награды, полученные за долгую службу, а также своих жен и детей. (4) Но Евмен, виновник поражения, не имея никакой другой надежды на спасение, стал увещевать побежденных. (5) Он утверждал, что аргираспиды проявили в бою больше мужества, [чем их противники], ибо они убили пять тысяч⁷ врагов, и, если они продолжат войну, то враги сами будут просить у них мира. (6) Потери, вследствие которых они считают себя побежденными, — две тысячи женщин, немного детей и рабов, — они смогут снова добыть, если будут добиваться победы, а не

¹ См. другую версию у Diod., XVIII, 50, 1, 4; 53, 5; ср. Plut., Eum., 12.

² Согласно Д и о д о р у (XVIII, 53, 7) и П л у т а р х у (Eum., 12, 5—6), Евмен скоро собрал новую армию.

³ Евмен отправился в Киликию к аргираспидам (318 г. до н. э.) в качестве уполномоченного нового регента Полиперхонта, который назначил его главнокомандующим войсками в Азии для борьбы с Антигоном (см. D i o d., XVIII, 57, 3—58; P l u t., Eum., 13, 1—3). Об аргираспидах см. выше, прим. к XII, 7, 5.

⁴ Ср. (другие версии) — P l u t., Eum., 13; D i o d., XVIII, 60—61. Трудность положения Евмена отчасти состояла в том, что, будучи греком из Кардии, в глазах македонян он являлся чужеземцем (см. D i o d., XVIII, 60, 1; XIX, 13, 1; P l u t., Eum., 18, 2).

⁵ В этой и следующих главах речь идет о битве при Габиене (в Сузиане) зимой 317/316 г. до н. э. (см. D i o d., XIX, 40—43; P l u t., Eum., 16—19; P o l y a e n, 1V, 6, 13).

⁶ В действительности аргираспиды не только охотно вступили в бой, но и фактически обеспечили победу для Евмена. Исход битвы был решен захватом лагеря Евмена Антигоном. Когда семьи и имущество аргираспидов оказались в руках неприятеля, они, тайно договорившись с Антигоном, предали ему Евмена в обмен за свой обоз (См. М. R o s t o v t z e f f, SEHW, т. I, стр. 145—146).

⁷ Это число подтверждается Д и о д о р о м (XIX, 43, 1).

откажутся от нее [заранее]. (7) На это аргираспиды ответили, что после того как они потеряли свое имущество и жен, они не сделают попытки бежать, но и вести войну против своих детей¹ они также не будут. (8) Они осыпают Евмена упреками: после того как они давно уже отслужили свой срок и готовились за участие в стольких войнах с наградами возвратиться домой, он сейчас же после их увольнения опять заманил их на военную службу [и втянул] в бесконечную войну; (9) пустыми обещаниями он обманно увел их, так сказать, от домашних очагов и от самой границы отечества; (10) а теперь, когда они потеряли все, что добыли удачной своей военной службой, он даже после поражения не хочет оставить в покое их, несчастных и состарившихся. (11) Затем без ведома военачальников аргираспиды немедленно отправляют послов к Антигону с просьбой, чтобы он приказал вернуть им все, что им принадлежит. Антигон обещает вернуть им все, если они выдадут ему Евмена. (12) Евмен, узнав об этом, с немногими другими пытается бежать. Его хватают; со всех сторон сбегается толпа и, находясь в отчаянном положении, он просит, чтобы ему позволили в последний раз обратиться к войску с речью.

Гл. 4. (1) Ему дали слово, и установилось молчание; когда же его оковы немного ослабили, то он, скованный, поднял руку и сказал² [следующее]: (2) «Смотрите, воины, на одежду и на украшения, которые носит ваш вождь; их возложили на меня не враги; если бы это было так, то это было бы для меня утешением. (3) Это вы сделали меня из победителя побежденным, из полководца пленником, вы, которые в течение этого года трижды связали себя со мной присягой. (4) Но об этом я не буду говорить, несчастным не подобает упрекать [кого бы то ни было]. (5) Только об одном прошу я: если главным условием мира с Антигоном является моя жизнь, разрешите мне умереть среди вас. (6) Для него ведь безразлично, где и каким образом я погибну, я же буду избавлен от позорной смерти. (7) Если добьюсь от вас [исполнения этой моей просьбы], я освобождаю вас от торжественной клятвы в верности, которую вы столько раз приносили мне. (8) Или—если вы стыдитесь совершить насилие над человеком, молящим об этом, дайте мне меч и позвольте, чтобы полководец, не клявшийся вам в верности, сделал ради вас то, что вы клялись сделать ради него». (9) Когда Евмен и этого не добился, он перешел от просьб к проклятиям: (10) «Пусть,— сказал он,— вас, проклятые злодеи, накажут боги, мстящие за клятвопреступление, пусть они покоччат с вами так же, как вы покончили с вашими полководцами. (11) Вы ведь те самые, кто еще обрызган свежей кровью Пердикки, такой же конец вы готовили и Антипатру. (12) Вы убили бы и самого Александра, если бы судьба допустила, чтобы он погиб от руки смертного; ведь вы постоянно поднимали против него мятежи. (13) И я, пока последняя жертва вашего вероломства, призываю на вас такие предсмертные заклания: (14) да будет вам суждено в нищете провести изгнанниками всю жизнь в этих лагерях, вдали от родины. Да пожрет вас ваше же оружие, которым вы уничтожили больше своих собственных полководцев, нежели вражеских»³. (15) Затем он, пылая гневом, пошел впереди своей стражи в лагерь Антигона. (16) За своим, выданным врагу полководцем, шло в лагерь победителя войско, тоже в качестве пленников, словно праздную триумф над самим собой, (17) чтобы передать победителю вместе с собой все знаки власти царя Александра, все пальмы и лавры, добытые в стольких войнах. (18) Чтобы великолепие этой процессии не потерпело никакого ущерба, за войском следовали слоны и восточные вспомогательные отряды. (19) Антигону эта одна победа, [казалось], принесла больше славы, чем Александру все его победы: Александр покорила Восток,

¹ Возможно, это намек не на захваченный врагом обоз, а на упрек, высказанный аргираспидами вражеским войскам до начала битвы, в том, что эти последние воюют против «отцов». В отряде аргираспидов все были ветеранами, никому из них не было меньше 60 лет (D i o d., XIX, 41,1—2; P l u t., Eum., 16, 7—8).

² Ср. речь Евмена согласно версии П л у т а р х а (Eum., 17, 6—11).

³ П л у т а р х сообщает (Eum., 19), что сам Антигон наказал аргираспидов, как худших предателей, вечной ссылкой в далекую восточную сатрапию Арахозию.

а Антигон восторжествовал над теми, которыми был покорен Восток. (20) Этих победителей мира Антигон распределил по разным отрядам своего войска, возвратив им все, что отнял у них при победе. (21) Евмена же из уважения к прежней дружбе с ним не велел приводить к себе, а приказал содержать под стражей¹.

Гл. 5. (1) Между тем Эвридика, жена царя Арридея, узнала, что Полиперхонт возвращается из Греции в Македонию и что он вызвал к себе Олимпиаду². (2) Поэтому Эвридика, из честолюбия и ревности, свойственных женщинам, пользуясь плохим состоянием здоровья своего мужа, власть которого она присвоила себе, (3) пишет от имени царя Полиперхонту, чтобы тот передал войско Кассандру, которому царь поручил управление государством³. О том же она сообщает письмом Антигону в Азию. (4) Кассандр, чувствуя себя за это обязанным ей, все стал делать по указке этой дерзкой женщины. (5) Он предпринял поход в Грецию и напал на многие государства. (6) Поражения, которые они потерпели, испугали спартанцев как пожар, влывшийся по соседству; некогда они защищали свой город не стенами, а оружием, теперь же, несмотря на предсказания оракулов, и забыв о бывшей славе своих предков, они, не полагаясь более на оружие, обнесли свой город стенами⁴. (7) До такой степени выродились они по сравнению со своими предками, что, после того как в течение столетий храбрость жителей Спарты заменяла ей стены, теперь спартанцы не считали себя в безопасности, если они не спрячутся за стенами! (8) Пока все это происходило, тревожное положение в Македонии заставило Кассандра вернуться из Греции на родину. (9) Дело было в том, что, когда мать царя Александра, Олимпиада, отправилась в Македонию из Эпира в сопровождении Эакида, царя молоссов⁵, то Эвридика и царь Арридей попытались не допустить ее в пределы Македонии. (10) Однако македоняне перешли на ее сторону, то ли из уважения к памяти ее мужа и величию ее сына, то ли возмущенные недостойным поступком [Эвридики и Арридея]; тогда по приказанию Олимпиады и Эвридика и сам царь, который царил после Александра в течение шести лет, были убиты⁶.

Гл. 6. (1) Но и Олимпиада царствовала недолго. Ибо она, поступая не как [разумная] правительница, а как [мстительная] женщина, казнила всех первых людей в государстве⁷, одного за другим, и этим превратила расположение к себе в ненависть. (2) Поэтому, услышав о приходе Кассандра, она, не доверяя македонянам, вместе с своей невесткой Роксаной и внуком Геркулесом⁸ удалилась в город Пидну. (3) Когда она отправилась в путь, ей сопутствовали Деидамия⁹, дочь царя Эакида, и падчерица Фессалоника, пользовавшаяся известностью благодаря имени отца своего Филиппа, а также много жен знатных людей — свита более блестящая, чем полезная. (4) Когда весть об этом дошла до Кассандра, он тотчас же поспешил к Пидне и осадил этот город¹⁰. (5) Страдая от голода и вражеских нападений, утомленная долгой осадой, Олимпиада сдалась победителю, выговорив себе жизнь. (6) Но Кассандр созвал народное

¹ О казни Евмена см. D i o d., XIX, 44,2; P l u t., Eum., 18, 4—19, 1.

² Из Эпира, куда Олимпиада удалилась после смерти Александра. См. D i o d., XVIII, 49, 4; 57,2; ср. 58,4.

³ 317 г. до н. э. Ср. D i o d., XIX, 11 1.

⁴ Ср. P a u s., VII, 8,5.

⁵ См. D i o d., XIX, 11, 1—2.

⁶ 317 г. до н. э. — см. D i o d., XIX, 11, 4—7.

⁷ По Д и о д о р у (XIX, 11, 8), преследованиям и казням подверглись главным образом сторонники Кассандра.

⁸ Имеется в виду, несомненно, Александр, сын Роксаны. Геркулесом же звали другого внука Олимпиады, сына Барсины (о нем см. выше, XI, 10, 3 и прим.).

⁹ Деидамия, сестра Пирра Эпирского, жена Деметрия Полиоркета. В §§ 2—3 изложение Юстина весьма напоминает рассказ Д и о д о р а (XIX, 35, 4—5). Источником у обоих писателей был, повидимому, один и тот же.

¹⁰ Об осаде Пидны и смерти Олимпиады (весной 316 г. до н. э.) ср. более подробный, но в основном сходный рассказ Д и о д о р а (XIX, 49—51); ср. P a u s., IX, 7,2.

собрание, чтобы выведать, какое решение оно склонно принять относительно Олимпиады, а сам подучил родственников тех, кто был ею казнен, надеть траурные одежды и принести жалобу на ее жестокость. (7) Македоняне, возмущенные, забыв об уважении к ее бывшему величию, осудили ее на смерть. (8) Угасла в них память о том, что благодаря сыну и мужу ее они не только жили в полной безопасности от соседей, но добыли себе величайшие богатства и власть над всем миром. (9) Когда Олимпиада увидела, что на нее упорным шагом надвигаются вооруженные воины, она сама пошла им навстречу в царской одежде, опираясь на двух служанок. (10) При взгляде на нее убийцы остановились, пораженные воспоминанием об ее былом царственном величии и об именах стольких царей своих, пришедших им на ум при виде ее. (11) Тогда Кассандр послал других [убийц], которые ее и закололи. Она же не уклонилась от меча [и ран], не вскрикнула, как это обычно делают женщины, но умерла, как умирают храбрые мужи, достойно блюдя славу своего древнего рода, так что, казалось, самого Александра можно было видеть в лице его умирающей матери. (12) Кроме того, уже испуская дух, она, говорят, привела в порядок волосы и прикрыла ноги одеждой, чтобы даже ее [мертвое] тело имело вполне подобающий вид. (13) После этого Кассандр взял себе в жены дочь царя Арридея, Фессалонику¹, а сына Александра вместе с его матерью отправил в амфиполитанскую крепость для содержания под стражей.

КНИГА XV

Гл. 1. (1) После того как были убиты Пердикка², и его брат³, Евмен⁴ и Полиперхонт⁵, а также другие вожди противоположной партии, казалось, что борьба между преемниками Александра Великого закончилась. Однако неожиданно возникли раздоры между самими победителями. (2) Ибо, когда Птолемей, Кассандр и Лисимах стали требовать, чтобы деньги из захваченной добычи, а также и провинции были распределены [между победителями], Антигон отказался разделить с союзниками выгоды, полученные от войны, все опасности которой он один принял на себя⁶. (3) Чтобы казалось, будто он начинает справедливую войну против [бывших] своих союзников, Антигон повсюду распространяет слух, что хочет отомстить за смерть Олимпиады, убитой Кассандром, и освободить из амфиполитанского плена сына царя своего, Александра, и его мать⁷. (4) Когда Птолемей и Кассандр узнали об этом, они, заключив союз с Лисимахом и Селевком⁸, стали ревностно готовиться к войне на суше и на море.

¹ Фессалоника была дочерью Филиппа II, а не Арридея (см. D i o d., XIX, 52, 4; P a u s., IX, 7,3 и выше, §3).

² В 321 г. до н. э. См. XIII, 8, 10 и прим.

³ Алкет — см. XIII, 8, 10. Преследуемый Антигоном после смерти Пердикки, Алкет укрепился в Писидии, но, потерпев поражение, покончил самоубийством (349 г. до н. э.). См. D i o d., XVIII, 44—46.

⁴ В 316 г. до н. э. См. прим. к XIV, 4, 21.

⁵ После смерти Олимпиады и упрочения Кассандра в Македонии Полиперхонт удалился в Грецию. В 315 г. до н. э., когда образовалась новая коалиция (Кассандр, Птолемей с Селевком, Лисимах), направленная против Антигона, последний уговорил Полиперхонта присоединиться к нему и назначил его стратегом Пелопоннеса (D i o d., XIX, 60, 1). В 309 г. до н. э. Полиперхонт перешел к Кассандру (D i o d., XX, 28).

⁶ Ср. D i o d., XIX, 57, 1—2; A p p., Syr., 53.

⁷ Ср. D i o d., XIX, 61, 1—4. Антигон также провозгласил «свободу» и «автономию» греческих городов, в чем Птолемей позднее подражал ему (см. D i o d., XIX, 62, 1).

⁸ Согласно D o d o r y (XIX, 56; ср. A p p., Syr., 53), Селевк еще в 316 г. до н. э. бежал к Птолемею и уговорил последнего заключить союз с Кассандром и Лисимахом для войны против Антигона.

(5) Птолемей владел Египтом с большей частью Африки, Кипром и Финикией¹. В подчинении у Кассандра были Македония с Грецией. (6) Азию и часть Востока захватил Антигон. В первой же военной схватке при Газе² сын Антигона Деметрий³ терпит поражение от Птолемея. (7) После этой битвы Птолемею больше славы принесло его великодушие, чем сама победа: (8) он не только отпустил на свободу друзей Деметрия со всем их добром, но и вдобавок наделил их дарами. Самому Деметрию он возвратил все его личное имущество и его домочадцев и вдобавок удостоил его разъяснения, (9) что ведь начал войну отнюдь не ради добычи, но для охраны своего достоинства, так как был возмущен тем, что Антигон после победы над вождями противоположной партии один присвоил себе плоды общей победы.

Гл. 2. (1) Пока происходили эти события, Кассандр на обратном пути от Аполлонии неожиданно встретил [племя] авдариатов⁴, которые искали новых мест для поселения, покинув свои родные земли, где развелось множество лягушек и мышей. (2) Опасаясь, как бы авдариаты не захватили Македонию, Кассандр, заключив с ними договор, принимает их в число союзников и отводит им для жительства самые отдаленные части Македонского государства⁵. (3) Затем Кассандр, чтобы на царский престол Македонии не возвели из уважения к имени отца сына Александра—Геркулеса⁶, которому было уже больше четырнадцати лет, отдает приказание тайно убить его вместе с матерью Барсиной, а тела их забросать землей, чтобы совершение погребального обряда не вызвало подозрения в том, что они убиты. (4) И как будто ему мало уже совершенных преступлений — сперва по отношению к самому царю⁷, вскоре затем к его матери Олимпиаде и к его сыну Геркулесу — (5) он также коварно убивает и второго сына с его матерью Роксаной, — как будто он не мог достичь македонского царского престола, к которому он страстно стремился, иначе как преступлениями. (6) Между тем Птолемей вторично вступает в морской бой⁸ с Деметрием и, потеряв флот и уступив врагу победу, бежит в Египет; (7) Деметрий же отпускает в Египет Леонтиска; сына Птолемея, [Птолемея] брата Менелая и друзей [Птолемея] и возвращает им их личное имущество, памятью о подобной же услуге, оказанной ему Птолемеем (8) Чтобы все видели, что они воспламенены не ненавистью, а стремлением сохранить свое достоинство, они во время самой войны состязались в оказании взаимных услуг. (9) Насколько больше благородства проявлялось в те времена даже на войне, чем теперь между друзьями! (10) Торжествуя по поводу этой победы, Антигон приказал, чтобы народ отныне называл его с сыном Деметрием царями. (11) Также и Птолемея, чтобы он мог пользоваться у своих не меньшим

¹ В это время в Африке Птолемей владел, кроме Египта, только Киреной.

² Конъектура Bongars'a; в большинстве рукописей: gamalam. Битва при Газе (312 г. до н. э.) была не первой военной схваткой, а первой крупной битвой, в которой Деметрий был главнокомандующим (см. Plut., Demetr., 5; Dio d., XIX, 81—85; App., Syr., 54).

³ Деметрий Полиоркет.

⁴ Конъектура Ruehl'я — audariates; в рукописях auderiates, aureriates, abderites.

⁵ Взятие Аполлонии Кассандром и поселение им иллирийского племени авдариатов на македонско-фракийской границе относятся Д и о д о р о м (XIX, 67, 6; XX, 19, 1) к различным временам (314 и 310 гг. до н. э.). О нашествии лягушек ср. Dio d., III, 30, 3; App., III., 4.

⁶ Юстин снова путает Александра, сына Александра и Роксаны, с Геркулесом, сыном Александра и Барсины. О приказе Кассандра убить Александра вместе с матерью и спрятать их тела—см. Dio d., XIX, 105. О Геркулесе см. выше, XI, 10, 3, прим.

⁷ Юстин, очевидно, имеет в виду заговор Антипатра против царя Александра, в котором Кассандр якобы был замешан (см. выше — XII, 14).

⁸ У Саламина на Кипре в 306 г. до н. э. Ср. Dio d., XX, 47—53; Plut., Demetr., 15—17; Polyae n., IV, 7, 7.

авторитетом, его войско провозглашает царем. (12) Услышав об этом, Кассандр и Лисимах тоже присваивают себе царский титул (*regiam maiestatem*)¹. (13) Они воздерживались от присвоения себе внешних знаков этого достоинства, пока еще могли быть в живых сыновья их царя. (14) Так велико было у них уважение к памяти Александра, что, хотя они обладали царской властью, они из чувства справедливости обходились без царского титула, пока у Александра оставался законный наследник. (15) Но Кассандр и прочие вожди противной партии увидели, что Антигон будет одерживать победы над каждым из них поодиночке, пока они ведут войну каждый в отдельности и не хотят помогать друг другу, как будто победа является частным делом каждого а не их общим делом. (16) Обменявшись письмами, они назначают место, время и условия встречи и общими силами готовятся к войне. (17) Так как Кассандр не мог принять в ней участия вследствие того, что был занят войной с соседями², он послал на помощь союзникам Лисимаха с огромным войском.

Гл. 3. (1) Происходил этот Лисимах из знатной македонской семьи, но был более прославлен своими доблестными подвигами, чем знатностью. (2) Были они столь велики, что по величию своего духа он, [казалось], стоял выше всякой философии, а славою своей мощи превосходил всех покорителей Востока. (3) [Например], за то, что философ Каллисфен воспротивился приказанию приветствовать царя по персидскому обычаю, Александр Великий разгневался на него, ложно обвинил его в соучастии в заговоре, который якобы готовился против царя, (4) и [отдал] жестокое [приказание] искалечить Каллисфена, отрезать ему уши, нос и губы и превратить его таким образом в бесформенное и жалости достойное подобие [человека]. (5) Кроме того, Александр велел запереть Каллисфена в клетку вместе с собакой и носить ее повсюду для устрашения других. (6) Тогда Лисимах, который имел обыкновение слушать беседы Каллисфена и получать от него наставления в добродетели, исполнился жалости к столь великому человеку, терпящему наказание не за вину, а за свободолюбие, и дал ему яд, чтобы избавить его от мучений. (7) Александр был этим настолько взбешен, что приказал бросить Лисимаха на растерзание свирепейшему льву. (8) Когда, увидя Лисимаха, разъяренный лев бросился на него, Лисимах обмотал руку плащом, сунул ее в львиную пасть и, вырвав у зверя язык, умертвил его. (9) Когда об этом доложили царю, он был изумлен и восхищен и стал особенно ценить Лисимаха за его непоколебимое мужество³. (10) Лисимах, со своей стороны, великодушно простил царю обиду, как отцу. (11) Впоследствии, когда это событие совсем изгладилось из памяти, однажды в Индии Александр преследовал рассеявшихся врагов и, благодаря резвости своего коня, далеко оставил за собой отряд телохранителей⁴; тогда один только Лисимах во время скачки по беспредельным песчаным пустыням остался его спутником. (12) Филипп, брат его, ранее попытавшийся сделать то же самое, скончался на руках у царя. (13) Но Александр, спрыгивая с коня, так сильно ранил Лисимаха в лоб острием копья, что кровотечение остановилось лишь тогда, когда царь надел на голову Лисимаха свою диадему, чтобы заткнуть рану. (14) Это было первым предсказанием Лисимаху о [предначертанном] ему царском величии⁵. (15) После же смерти Александра, когда его преемники делили между собой области, Лисимаху, как храбрейшему из всех, было поручено управле-

¹ Ср. *D i o d.*, XX, 53, 2—4; *P l u t.*, *Demetr.*, 18; *A p p.*, *Syr.*, 54.

² Ср. *D i o d.*, XX, 107, 1; 112, 1.

³ О Каллисфене см. выше — XII, 7, 1—3 и прим. История о Лисимахе и льве, без упоминания о Каллисфене, встречается у Плуларха (*Demetr.*, 27) и Павсания (I, 9,5). Ср. также *V a l. M a x.*, IX, 3, ext. 1; *P l i n.*, N. H., VIII, 54. К данному тексту Юстина (§ 6 особ.) см. комментарий С. И. Ковалева (*ВДИ*, 1948, № 1, стр. 40, прим. 1).

⁴ Ср. *A p p.*, *Syr.*, 64.

⁵ Ср. сходный рассказ о Селевке — *A г г.*, *Анаб.*, VII, 22,5; *A p p.*, *Syr.*, 56. Подобными легендами эллинистические династы, очевидно, стремились подкрепить в глазах народа свои притязания на царскую власть.

ние самыми дикими народами¹. (16) Так, Лисимах с общего согласия получил за свою доблесть пальму первенства.

Гл. 4. (1) Прежде чем началась война Птолея и его союзников против Антигона, у последнего прибавился еще новый враг в лице Селевка, который неожиданно двинулся из Великой Азии². (2) Он также и доблестью своей был знаменит и обстоятельности его рождения были достойны удивления. (3) Ибо мать его Лаодика, когда вышла замуж за Антиоха, одного из славнейших полководцев Филиппа, увидела во сне, что зачала, совокупившись с Аполлоном³, (4) что, став беременной, она получила от него в дар за то, что отдалась ему, перстень, на котором было вырезано [изображение] якоря, и что бог повелел ей отдать этот дар сыну, который у нее родится. (5) Особенно удивительным показалось видение Лаодики, когда на следующий день на ее ложе были найдены перстень с таким точно изображением, и еще более, когда на бедре новорожденного ребенка оказалось родимое пятно в форме якоря. (6) Поэтому Лаодика, когда Селевк отправлялся в персидский поход с Александром Великим, рассказала сыну о его происхождении и отдала ему этот перстень. (7) Когда после смерти Александра Селевк захватил царство на востоке и основал там город, он посвятил его памяти о своем двойственном происхождении. (8) А именно — сам город он назвал Антиохией⁴ по имени своего отца Антиоха, а окрестности [города] посвятил Аполлону. (9) Доказательство его божественного происхождения сохранилось и у его потомков, так как и его сыновья и внуки носили на бедре изображение якоря, как природный отличительный признак своего происхождения⁵. (10) После разделения Македонского царства между союзниками Селевк вел на востоке много войн. (11) Сначала он захватил Вавилон, а затем, с возросшими после победы силами, завоевал Бактриану⁶. (12) После этого он перешел границы Индии⁷, которая после смерти Александра как бы сбросила ярмо рабства со своей шеи и где были убиты поставленные царем наместники. (13) Руководителем борьбы за свободу был здесь Сандрокотт⁸, но после победы он, злоупотребив именем свободы, превратил ее в рабство: (14) захватив в свои руки власть, он стал угнетать народ, освобожденный им от иноземного владычества. (15) Сандрокотт был низкого происхождения, но к захвату царской власти его побудила воля богов (maiestate numinis impulsus). (16) Ибо, когда он оскорбил своей дерзостью царя Нандра⁹, тот приказал его убить, и Сандрокотт спасся только благодаря быстроте своих ног. (17) Когда же он, утомленный бегством, лежал, погрузившись в сон, к нему подошел громадный лев, слизал с Сандрокотта пот, который лил с него, а когда беглец проснулся, лев спокойно ушел. (18) После этого знамения Сандрокотт впервые стал думать о царской власти и, набрав отовсюду разбойников, склонил индийцев к смене правления. (19) Когда затем Сандрокотт начал войну с наместниками Александра, к нему навстречу вышел огромный дикий слон и, словно ручной, посадил Сандрокотта к себе на спину. На войне этот слон оказался и вождем и замечательным бойцом. (20) Так Сандрокотт, захватив царскую власть, в то время, когда Селевк закладывал основы своего будущего величия, владел Индией. (21) Селевк заключил с Сандрокот-

¹ См. выше, XIII, 4, 16.

² Asia Maior — в противоположность Малой Азии, которую обычно называли просто «Азия».

³ См. выше — прим. к XV, 3, 14 и ср. А р р., Syr., 56.

⁴ Антиохия на Оронте, основанная в 300 г. до н. э. См. S t r a b o, XVI, 2, 4.

⁵ См. изображение якоря на оборотной стороне монет Селевка I (M. Ros-tovtzeff, SENHW, т. I, табл. XXVIII, № 1, 2).

⁶ Ср. D i o d., XIX, 100, 3; А р р., Syr., 54—55.

⁷ Ок. 305 г. до н. э.

⁸ Чандрагупта, основатель династии Маурья. Источником знаний древних греков о нем и его царстве являлось главным образом произведение Мегасфена, служившего послом Селевка I при дворе Чандрагупты (A r r., Anab., V, 6.2; Ind., 5). См. также O r o s., III, 23, 45; А р р., Syr., 55.

⁹ Нандра — царь страны Магадха, на реке Ганге.

том договор¹ и, уладив дела на востоке, двинулся в поход против Антигона. (22) После того как соединились войска всех союзников, было дано сражение². В этом сражении Антигон пал, а сын его Деметрий спасся бегством. (23) Но союзники, покончив с войной против [общего] врага, снова обратили оружие друг против друга и, не придя к соглашению при дележе добычи, вторично разделились на два враждебных союза (*in duas factiones*). (24) Селевк объединяет свои силы с Деметрием, Птолемей с Лисимахом. Умершему Кассандру наследовал его сын Филипп. (25) И вот опять заново возгораются македонские войны.

КНИГА XVI

[Гл. 1. (1) После смерти Кассандра и сына его Филиппа, умерших один вскоре после другого³, супруга Кассандра, царица Фессалоника⁴, спустя немного времени была убита сыном своим Антипатром, хотя и вымалывала у него жизнь, заклиная его грудью матери, [его вскормившей]. (2) Поводом к матереубийству (*parricidii*) послужило то, что после смерти мужа, при разделе царства⁵ между братьями, Фессалоника, как казалось, была более благосклонна к Александру. (3) Преступление Антипатра показалось всем тем более тяжким, что не было никаких признаков вероломства со стороны матери. (4) Впрочем, для убийства родителей не может быть ни при каких условиях никакого оправдания! (5) Именно поэтому Александр, решившись вести войну против брата, чтобы отомстить за убийство матери, обратился за помощью к Деметрию⁶, (6) а Деметрий, надеясь вторгнуться в Македонское царство, не замедлил придти к нему на помощь. (7) Опасаясь прибытия Деметрия, Лисимах стал убеждать Антипатра, который был его зятем, что ему лучше помириться с братом, чем допустить в Македонию врага своего отца. (8) Когда Деметрий заметил, что братья намерены примириться, он коварно убил Александра⁷. (9) Затем он захватил Македонское царство и созвал войско на сходку, намереваясь оправдаться в убийстве Александра. (10) Здесь он сослался на то, что Александр первый стал злоумышлять против него⁸; не он, [Деметрий], строил козни, а козни строились против него. (11) На царский престол в Македонии он может претендовать более всех других как по опытности своей, приобретенной с годами, так и по соображениям правового характера. (12) Ведь его отец был участником всех походов и Филиппа и Александра Великого. (13) Впоследствии же он стал опекуном детей Александра и вождем тех, которые преследовали изменников. (14) Напротив, Антипатр, дед этих юношей, был более суровым правителем государства, чем сами цари. (15) Отец же их, Кассандр, — истребитель всего царского дома, не щадивший ни женщин, ни даже детей, — не остановился до тех пор, пока не уничтожил всех отпрысков царского рода⁹. (16) Если кара за эти преступления не могла свершиться над самим Кассандром, то она должна была пасть на его детей. (17) Уже поэтому, если

¹ Об условиях договора — см. *P l u t., Alex.*, 62; *S t r a b o*, XV, 2, 9.

² Битва при Иссе в 301 г. до н. э. См. *P l u t. Demetr.*, 28—29. Из четырех царей-союзников (Птолемей, Кассандр, Лисимах, Селевк), повидимому, только два последних участвовали лично в этом сражении (см. *A g r., Anab.*, VII, 18,5; *D i o d.*, XX, 112, 1; 113).

³ Оба умерли в 297 г. до н. э.

⁴ См. XIV, 6, 13 и прим.

⁵ Т. е. Македонии. Ср. *P a u s.*, IX, 7,3; *D i o d.*, XXI, 7; *P l u t., Demetr.*, 36; *P u r g h.*, 6.

⁶ Согласно *П л у т а р х у* (*Demetr.*, 36; *P u r g h.*, 6), Александр обратился за помощью к Деметрию и к Пирру Эпирскому, который прибыл к нему первым, примирил братьев и за это присоединил значительную территорию к своему царству.

⁷ 294 г. до н. э. Ср. *P l u t., Demetr.*, 36; *P a u s.*, I, 10, 1.

⁸ См. *P l u t., Demetr.*, 36.

⁹ Ср. *P a u s.*, IX, 7,2.

только тени усопших еще могут чувствовать, то и Филиппы и Александр [несомненно] предпочтут, чтобы Македонским царством владели не убийцы их и их потомства, а мстители за убитых. (18) Всем этим Деметрий примирил с собой народ и был провозглашен царем. (19) Лисимах, который в это время вел тяжелую войну с фракийским царем Дромихетом¹, чтобы ему не пришлось одновременно воевать и с Деметрием, уступил Деметрию ту часть Македонии, которой ранее правил зять его Антипатр, и заключил с Деметрием мир.

Гл. 2. (1) Итак, когда Деметрий, располагая силами всего Македонского государства, решил захватить Азию, Птолемей, Селевк и Лисимах, поняв из опыта предшествовавшей войны, какая [великая] сила заключается в согласии, снова заключили между собой союз, объединили свои военные силы и перенесли войну в Европу. (2) К ним в качестве сотоварища и военного союзника присоединился царь эпирский Пирр, который надеялся на то, что Деметрий так же легко потеряет Македонию, как он ею овладел². (3) И эта надежда не оказалась тщетной: Пирр уничтожил войско Деметрия, самого его заставил бежать, а сам занял Македонское царство³. (4) Пока все это происходило, Лисимах убил своего зятя Антипатра, который обвинял тестя в том, что вследствие его коварства он потерял македонский царский престол; свою дочь Эвридику, которая поддерживала эти обвинения, Лисимах заключил в темницу. (5) Таким образом, Александр Великий был отомщен; то ли за убийство его самого, то ли за истребление его потомства вся семья Кассандра понесла кару: кто был убит, кто казнен, а кто пал от руки ближайших родственников. (6) Деметрий же, имевший в своем распоряжении такое многочисленное войско, вместо того, чтобы с честью умереть, предпочел позорно сдать Селевку⁴. (7) Когда война закончилась, Птолемей умер⁵, прославленный своими великими деяниями. Еще до своей болезни он, вопреки праву, признаваемому всеми народами, передал свое царство младшему из сыновей. (8) Причины своего поступка он объяснил народу, и поэтому народ с такой же благосклонностью принял нового царя, с какой отец передал ему свою власть. (9) Среди других примеров взаимного уважения отца и сына особенно привлек народную любовь к молодому царю тот факт, что отец, всенародно передав царство сыну, нес царскую службу, как частный человек, в рядах царских приближенных, говоря, что быть отцом царя лучше, чем владеть самому любимым царством.

Гл. 3. (1) Но вот между Лисимахом и царем Пирром, выступавшими еще недавно как союзники в войне против Деметрия, началась распря — постоянное бедствие в отношениях между равными [соперниками], и вспыхнула война. (2) Лисимах победил Пирра и захватил Македонию⁶. (3) Затем он напал на Азию⁷, а после того на Гераклею⁸. И начало и дальнейшая судьба этого города достойны удивления. (4) А именно, когда беотийцы страдали от чумы, Дельфийский оракул дал им ответ: пусть создадут колонию в области Понта и посвятят ее Геркулесу. (5) Беотийцы не выполнили указания оракула, так как их страшило долгое опасное плавание, и все они предпочли уме-

¹ Другие источники сообщают, что Дромихет, царь гетов, нанес серьезное поражение Лисимаху (291 г. до н. э.). См. P a u s., I, 9, 6; P l u t., Demetr., 29 (ср. 52); D i o d., XXI, fr. 11; P o l y a e n., VII, 25; S t r a b o, VII, 3, 8, 14.

² Ср. P l u t., Demetr., 44.

³ Согласно П л у т а р х у (P u r r h., 11—12; Demetr., 44), Пирр разделил царство с Лисимахом, совместно с которым он и напал на Деметрия (288 г. до н. э.).

⁴ Деметрий, собрав войско, направился в Малую Азию, а затем в северную Сирию. Там, в 285 г. до н. э., он сдался Селевку и в 283 г. до н. э. умер в плену. См. P l u t., Demetr., 46—52.

⁵ Птолемей I Сотер умер в 283 г.

⁶ В 285 г. до н. э. Ср. P l u t., P u r r h., 12; P a u s., I, 10, 2.

⁷ Asiae; в некоторых рукописях стоит Thraciae.

⁸ Гераклея Понтийская, основана ок. 560 г. до н. э. мегарянами и беотийцами (X e n., Анаб., VI, 2, 1; P a u s., V, 26, 7; D i o d., XIV, 31, 3; ср. S t r a b o, XII, 3, 4, стр. 542). Главным источником по истории Гераклеи является сочинение Мемнона.

реть на родине. (6) Когда же на них пошли войной фокидяне и беотийцы потерпели поражение, они вторично прибегли к оракулу; ответом было: спасительным средством от войны будет то же, что и от чумы. (7) Тогда беотийцы собрали группу переселенцев и отправили ее на берега Понта, где и был основан город Гераклея; а так как именно сюда они были переселены по указанию оракула, то в короткое время накопили большие богатства. (8) Впоследствии этот город вел много войн с соседями, много зла принесли ему и внутренние распри. (9) Среди всего прочего достославного особенно достойно упоминания следующее: когда афиняне стали главенствовать в Греции после победы над персами и распределили между государствами Греции и Азии взносы на содержание флота, то все [государства] с величайшей охотой стали их вносить для охраны своей безопасности и лишь одни гераклеоты, поддерживавшие дружбу с персидскими царями, отказались от уплаты этих взносов. (10) Тогда афиняне послали в Гераклею Ламаха с войском¹, чтобы силой взять то, в чем гераклеоты отказывали. Ламах оставил корабли у берега и стал опустошать земли гераклеотов, но из-за внезапно налетевшей бури потерял весь флот с большей частью войска. (11) Итак, Ламах не мог ни вернуться на родину по морю, так как лишился кораблей, ни отважиться отступить по сухому пути с небольшим отрядом, через земли, населенные многочисленными воинственными народами. Тогда гераклеоты решили, что будет более благородным поступком [с их стороны] использовать этот случай для благоденствия, а не для мести. Они опустошили [афинян] и снабдили их продовольствием и охраной, (12) рассчитав, что опустошение их земель вполне окупится, если они тех, кто был им врагами, превратят в друзей.

Гл. 4. (1) Среди многих других бедствий гераклеотам пришлось перенести также и тиранию. (2) [Дело обстояло так]. Когда плебс² стал неистово требовать отмены долговых обязательств (*novas tabulas*) и раздела земель, принадлежавших богатым (*divisionem agrorum divitum*), и дело это долго обсуждалось в сенате, где никак не могли найти выхода [из этого положения], (3) в конце концов стали просить помощи против плебса, обнаглевшего от слишком длительного благополучия, у афинского полководца Тимофея, а затем у Эпаминонда Фиванского. (4) После того, как от обоих был получен отказ, они обратились к Клеарху³, которого ранее сами же изгнали. (5) Бедственное положение дошло до такой крайности, что они призвали для охраны родины того, кому сами запретили возвращение на родину. (6) Но Клеарха изгнание сделало еще более преступным, и он считал, что раздоры среди народа представляют собой подходящий случай для установления тирании. (7) С этой целью он сперва повел тайные переговоры с Митридатом, врагом своих сограждан, а потом, вступив с ним в соглашение, условился, что когда он будет призван обратно в отечество, он сдаст город Митридату и получит от него назначение на место городского префекта (*praefectus*). (8) Впоследствии же Клеарх обратил против самого Митридата козни, которые готовил против своих сограждан, (9) ибо, когда Клеарх, как бы в качестве посредника в гражданской смуте (*civilis discordiae*), вернулся на родину,

¹ О поездке Ламаха в Гераклею (424 г. до н. э.) сообщают также Фукидид (IV, 75) и Диодор (XII, 72). О том, что Гераклея в это время уже входила в афинский морской союз, свидетельствует фрагмент афинского списка фороса (№ 38), относящийся к 425 г. (см. Т. В. Блаватская, Западнопонтийские города., стр. 68—69). Подтверждением эпиграфического свидетельства является сообщение Фукидиды (ук. место), что десять кораблей Ламаха являлись частью афинской флотилии, специально назначенной для сбора взносов от союзников *αἱ ἀργυρολόγοι νῆες*; ср. Th u s., IV, 50, 1; *αἱ ἐξ ἐπέμφοθησαν πρὸς τοὺς ξυμμαίχους*; см. также II, 69; III, 49, 1).

² Судя по одному замечанию Аристотеля (Pol., V, 5, 3, стр. 1304 b), можно полагать, что первоначально в Гераклею правил демос, позднее к власти пришли олигархи.

³ См. Mem n., 1, 3—5; Dio d., XV, 81, 4; XVI, 36, 3; Poly a e n., II, 30, 1 сл.; S u i d., s. v. Κλέαρχος. Клеарх правил с 364/3 по 353/2 гг. до н. э. Описанные ниже события произошли в 364/3 г. до н. э.

он в тот самый день, который был назначен для сдачи города Митридату, захватил в плен его самого вместе с его друзьями и отпустил его на свободу только после получения огромного выкупа. (10) И так же, как Клеарх сразу нажил себе врага в лице [прежнего] союзника, так он сам из защитника интересов сената внезапно превратился в покровителя плебса. (11) Он не только стал подстрекать плебс против тех, кто дал ему власть, кто вернул его на родину и предоставил в его распоряжение городскую крепость, но и стал применять против них чудовищные меры, как жесточайший тиран. (12) Созвав народное собрание, он сказал, что он не будет больше содействовать сенату, свирепствующему против народа, что он даже стант посредником между ними, [т. е. народом и сенатом], если тот будет упорствовать в прежней своей жестокости; (13) если они считают, что они сами, своими силами, смогут бороться с жестокими сенаторами, то он, Клеарх, уйдет со своими солдатами и не будет вмешиваться в гражданские распри; (14) если же они не уверены в своих силах, то он не откажется защитить их. (15) Поэтому пусть сами решают: либо прикажут ему уходить, если так пожелают, либо останься, чтобы содействовать делу народа. (16) Плебс, возбужденный этими словами, облекает Клеарха высшей властью и, восставая против владычества сената, тем самым предает себя с женами и детьми в рабство правителю тирану. (17) Затем Клеарх заключает в оковы шестьдесят сенаторов, которых удалось схватить, — остальные спаслись бегством. (18) Плебс радовался тому, что сенат уничтожен именно тем вождем, которого избрали сами сенаторы, и что тот, кто должен был стать их опорой, оказался, наоборот, виновником их гибели. (19) Клеарх, угрожая всем [сенаторам] смертью, все увеличивал этим цену их выкупа, и, обещая тайно спасти их от народного гнева, получил от них огромные деньги, но, отняв у них имущество, отнял и жизнь.

Гл. 5. (1) После этого Клеарх узнал, что бежавшими сенаторами готовится против него война и что ряд государств из жалости к ним оказывает им помощь. (2) Тогда Клеарх отпускает на свободу рабов бежавших сенаторов и, чтобы довести до крайнего предела несчастья благороднейшие семейства, принуждает их [этих сенаторов] жен и дочерей выходить замуж за своих бывших рабов, чтобы эти рабы стали как можно более верны ему и возможно более враждебны своим господам; в случае отказа он угрожает [женщинам] смертью. (3) Но для матрон столь печальный брак был страшнее внезапной смерти. (4) Поэтому многие из них кончают самоубийством — одни еще до свадьбы, другие во время самой свадьбы, убив сперва своих новых мужей, — и избавляются таким образом, движимые благородной стыдливостью, от такого ужасающего несчастья. (5) После этого завязалось сражение, после которого тиран победитель, устроив как бы триумфальное шествие, проводит перед глазами сограждан пленных сенаторов. (6) По возвращении в город он одних заковывает, других подвергает пыткам, третьих казнит; нет ни одного места в городе, где бы не проявила себя жестокость тирана. (7) К его свирепости присоединяется дерзость, к жестокости — высокомерие. (8) Благодаря постоянным удачам Клеарх забыл, что он человек, и стал именовать себя сыном Юпитера. (9) Когда он появлялся перед народом (*res publicum*), перед ним несли золотого орла, как бы в доказательство его происхождения [от Юпитера]. (10) Он стал носить пурпурную мантию, котурны — как цари в трагедиях — и золотой венец. (11) Сыну своему он дал имя Керанн; не только его лживые выдумки [о его происхождении], но и выбор имен был издевательством над богами. (12) Два знатнейших юноши, Хион и Леонид, негодую на Клеарха за эти поступки, решили освободить родину и составили заговор с целью убить тирана. (13) Оба они были учениками философа Платона и, желая на деле послужить отечеству своей доблестью, которой они изо дня в день обучались у своего учителя, устроили засаду из пятидесяти своих родственников или клиентов, (14) а сами под предлогом судебного спора, отправились к тирану в акрополь (*in arcem*), точно к царю. (15) Они были допущены к нему, так как были ему знакомы, и пока тиран внимательно слушал, что говорил ему один из них, он был убит другим. (16) Но и сами они были убиты телохранителями, так как их сообщники слишком поздно пришли им на помощь. (17) Поэтому, хотя тиран и был убит, но родина не получила свободы;

(18) брат убитого Сатир тем же способом присвоил себе власть тирана, и в течение многих лет гераклеоты были под властью тиранов, переходившей по наследству от одного к другому.

КНИГА XVII

Гл. 1. (1) Почти в это самое время¹ в области Геллеспонта и Херсонеса произошло землетрясение. (2) Больше других был разрушен город Лисимахия², основанный за двадцать два года до того царем Лисимахом. (3) Это было зловещим знамением для Лисимаха и его потомства: бедствие, потрясшее страну, предвещало гибель его царства. (4) И знамение себя оправдало: спустя короткое время Лисимах возненавидел сына своего Агафокла³, несмотря на то, что ранее уже назначил его своим наследником и что Агафокл не раз успешно вел для него войны; вопреки не только закону родства, но и всем человеческим законам, он, при содействии мачехи [Агафокла] Арсиной, отравил его. (5) Это было первым позорным злодеянием, первым шагом к предстоящей гибели. (6) Ибо за этим последовали убийства первых лиц в государстве — казни [людей], поплатившихся за то, что они жалели убитого юношу. (7) Поэтому и те, которые избегли казни, и те, которые командовали войсками, (8) один за другим начали переходить на сторону Селевка и стали побуждать его начать войну с Лисимахом, к чему Селевк и без того был склонен, так как завидовал славе Лисимаха. (9) Это было последней схваткой соратников Александра; их как бы сохранила судьба, чтобы на их примере явить свою превратность (*et velut ad exemplum fortunae par reservatum*). (10) Лисимаху было семьдесят четыре года от роду, Селевку — семьдесят семь. (11) Но и в этом возрасте оба они были молоды душой, и оба горели ненасытной жадной властью. (12) Ведь они вдвоем владели всем миром, но им казалось, что они замкнуты в тесные границы и измеряли остаток своей жизни не числом своих лет, а пределами своих государств.

Гл. 2. (1) В этой войне⁴ Лисимах, который еще ранее потерял вследствие разных причин пятнадцать из своих детей, не без славы окончил свою жизнь и завершил своей гибелью гибель своей семьи. (2) Селевк ликовал по поводу такой важной победы, но выше победы ценил то, что теперь только он один остался из когорты соратников Александра и оказался победителем победителей; он хвалился тем, что это не дело рук человеческих, а дар богов, (3) не зная того, что вскоре сам послужит примером хрупкости человеческого счастья. (4) Приблизительно через семь месяцев он был коварно убит Птолемеем⁵, на сестре которого был женат Лисимах. (5) Вместе с жизнью Селевк потерял и отнятое у Лисимаха Македонское царство. (6) Птолемей же старался добиться расположения у народа (*ad populares*) как сын своего отца, Птолемея Великого, — имя которого пользовалось всеобщим уважением, — и как мститель за смерть Лисимаха. Прежде всего он решил привлечь на свою сторону сыновей Лисимаха (7) и стал домогаться брака с их матерью, а своей сестрой, — Арсиной⁶. Детей он обещал усыновить, (8) чтобы, когда он заступит место их отца, они не осмелились ничего предпринять против него из почтения к матери и к названному отцу. (9) Брата своего, египетского царя⁷, он просит письмом о примирении, говоря, что забыл обиду за похи-

¹ Речь идет о 287 г. до н. э. — изложение продолжается с XVI, 3,3.

² Об основании города Лисимахии в 309 г. до н. э. см. *Diod.*, XX, 29,1.

³ Арсиной, дочь Птолемея Лага, хотела устранить Агафокла, чтобы обеспечить трон для своих сыновей, и обвинила Агафокла в том, что он покушался на жизнь отца. *Ср. Метп.*, XIV, 1; *Р а u s.*, I, 10,3.

⁴ 282—281 гг. до н. э. Решающее сражение произошло летом 281 г. до н. э. при Корупедии. См. *Е u s e b.*, I, 234, 235; *ср. А р р.*, *С у г.*, 62.

⁵ Птолемей Керавн, сын Птолемея I и Эвридики, который в это время находился у Селевка и сам стремился захватить македонский престол. *Ср. Метп.*, 12,3; *А р р.*, *С у г.*, 62 сл.; *С т r a b o*, XIII, 4, 1, стр. 623; *Р а u s.*, I, 16,2; X, 19,7.

⁶ См. ниже, XXIV, 2—3.

⁷ Имеется в виду Птолемей II Филадельф. *Ср. XVI*, 2,7.

шенное им у него отцовское царство и не будет в дальнейшем стараться отнять у брата то, что с большей честью он уже получил от врага их отца¹; (10) он всячески льстил брату, чтобы к Антигону², сыну Деметрия, и к Антиоху³, сыну Селевка, с которыми ему предстояло воевать, не прибавился еще третий враг. (11) Не был оставлен Птоломеем без внимания и Пирр, царь Эпира, который мог оказать мощную поддержку той стороне, к которой примкнет; (12) а этот царь, стремясь ограбить любого из них, предлагал себя любому в наем. (13) Так, намереваясь помочь тарентинцам против римлян⁴, он просил у Антигона взаймы кораблей для перевозки войск в Италию, у Антиоха, более богатого казной, чем войсками, он просил денег, у Птолемея — вспомогательных отрядов из македонян. (14) Птоломей, чувствуя свою слабость, не смог отказать Пирру и дал ему пять тысяч пехотинцев, четыре тысячи всадников и пятьдесят слонов⁵ сроком не более, чем на два года. (15) За это Пирр, взяв в жены дочь Птолемея⁶ и заключив мир со всеми пограничными племенами, оставил тестя хранителем своего государства, чтобы оно не стало добычей врагов, так как все мужичьи цветущего возраста были отправлены в Италию.

Гл. 3. (1) Так как пришлось упомянуть об Эпире, следует рассказать кратко о происхождении этого государства. (2) В этой области было сначала царство молоссов⁷. (3) Затем Пирр, сын Ахилла, потеряв отцовское царство из-за своего длительного отсутствия во времена Троянской войны⁸, поселился в этих местах, жители которых получили первоначально имя пирридов, а затем эпиротов. (4) Далее, когда Пирр отправился спросить оракул в храме Юпитера Додонского, он похитил там Ланассу, внучку Геркулеса. От брака с ней он имел восемь детей. (5) Нескольких дочерей он выдал замуж за соседних царей и при помощи этих семейных связей достиг большого могущества. (6) Царство хаонов он передал Гелену, сыну царя Приама, за исключительные его заслуги, а в жены ему отдал Андромаху, вдову Гектора, которая досталась Пирру при дележе троянской добычи и на которой он в то время сам женился. (7) Спустя короткое время Пирр был коварно убит Орестом, сыном Агамемнона, в Дельфах перед алтарями бога. (8) Преемником его был его сын Пиал. (9) Затем в порядке наследования царство перешло к Фарибе⁹. (10) Так как он был малолетним и единственным оставшимся от этого благородного рода, и все были крайне озабочены тем, чтобы сохранить жизнь его и дать ему воспитание, то от имени государства ему были назначены опекуны. (11) Для завершения своего образования он был послан также в Афины. Насколько он был учнее своих предков, настолько же он был более любим народом. (12) Он первый установил [у эпиротов] и законы, и сенат, и годичных магистратов, установив, таким образом, государственный строй, (13) так что от Пирра [эпироты] получили место для поселения, от Фаробы — более благоустроенную жизнь. (14) Сыном его был Неоптолем, от которого родилась Олимпиада, мать Александра Великого,

¹ См. выше — XVI, 2, 7 и А р р., Syr., 62.

² Антигон Гонат. В это время он находился в Греции.

³ Антиох I Сотер, правил с 280 по 261 г. до н. э.

⁴ См. ниже — XVIII, 1.

⁵ П л у т а р х сообщает (Pyrgh., 15), что Пирр привел в Италию 25 500 пехотинцев, 3000 всадников и 20 слонов. Он не упоминает о помощи, оказанной Пирру другими царями, просьбу о которой П а в с а н и й связывает (I, 13, 1) с иными обстоятельствами.

⁶ Женой Пирра была не дочь Птолемея Керавна, а падчерица Птолемея I Сотера (дочь Береники), по имени Антигона (P l u t., Pyrgh., 4). В другом месте Юстин сообщает, что царство свое перед отъездом Пирр поручил не Керавну, а сыну своему Птолемею (ср. ниже, XVIII, 1,3).

⁷ Одно из трех крупнейших племен Эпира.

⁸ С рассказанным у I u s t., XVII, 3, 3—9, ср. P a u s., I, 11, 1—2; P l u t., Pyrgh., 1.

⁹ Ср. P l u t., Pyrgh., 1 (Θαρρύπας); T h u c., II, 80,6 (Θέρυψ).

(15) и Александр, который правил Эпирским царством после Неоптолема и погиб, ведя войну в Италии, в области бруттиев. (16) После смерти Александра на престол вступил его брат Эакид¹, который навлек на себя народный гнев тем, что измучил народ постоянными войнами с македонянами. (17) Вследствие этого он вынужден был уйти в изгнание и оставил на царстве единственного сына, ребенка двух лет, по имени Пирра. (18) Из ненависти к отцу народ и его хотел убить; тогда его тайком увезли в Иллирию (19) и передали на воспитание Берое, супруге царя Главкии, которая и сама была из рода Эакидов. (20) Царь [Главкия], тронутый либо печальной участью ребенка, либо его младенческими ласками, долго охранял его от Кассандра, царя македонского, который требовал выдачи ребенка, угрожая войной; кроме того, Главкия помог Пирру тем, что усыновил его. (21) Тронутые этим, эпироты, перейдя от ненависти к состраданию, призвали Пирра, когда ему минуло одиннадцать лет, обратно на царство и назначили опекунов, чтобы они правили царством до его совершеннолетия. (22) Ставши взрослым, Пирр вел много войн и своими военными успехами так прославился, что, казалось, он один мог защитить тарентинцев против римлян².

КНИГА XVIII

Гл. 1. (1) Пирр, которого осаждали своими просьбами тарентинцы, вторично отправившие к нему посольство, вместе с самнитами и луканами³, тоже нуждавшимися в его помощи против римлян, общал, что придет со [своими] войском [им на помощь]. Побудили его к этому не столько их мольбы о помощи, сколько надежды на захват власти над Италией; (2) а как только он задумал это, его неукротимую душу все больше стало пожирать стремление подражать своим предшественникам: он не хотел казаться ниже дяди своего Александра, который был защитником тех же тарентинцев против бруттиев⁴, или уступить в мужестве великому Александру, который, уйдя так далеко от родины, покорил Восток. (3) Для охраны государства он оставил своего пятнадцатилетнего сына Птолемея⁵; двух младших сыновей, Александра и Гелена, чтобы не тосковать во время [предстоящего] продолжительного похода, взял с собой и высадился со своим войском в тарентинской гавани⁶. (4) Услыхав о прибытии Пирра, римский консул Валерий Левин вывел свои войска для боя, торпясь сразиться с Пирром раньше, чем к Пирру подойдут подкрепления союзников. (5) Да и царь, хотя числом своих воинов уступал [противнику], не стал откладывать сражение⁷. (6) Римляне уже были близки к победе, но до тех пор невиданные ими слоны сперва повергли их в ужас, а потом заставили отступить. Так уже почти победивших победили неведомые им македонские чудовища. (7) Но и для неприятеля победа не была бескровной: сам Пирр был ранен, большая часть его воинов убила, и от своей победы Пирр получил больше славы, чем радости. (8) Из-за исхода этой битвы многие племена перешли на сторону Пирра. (9) Среди других отпали [от римлян] и локры, предав римский гарнизон. (10) Из за-

¹ Эакид был двоюродным братом Александра. Изложение Юстина (XVII, 3, 16—21) ср. с *Plut., Pyrrh.*, 2—3.

² Изложение истории восточных монархий Юстин возобновляет в XXIV книге.

³ *Sr. Dionys. Hal.*, XIX, 13, 14; *Plut., Pyrrh.*, 13.

⁴ См. выше, XII, 2, 1—15.

⁵ Сын Антигоны (см. выше XVII, 2, 15, прим.). Матерью Александра была Ланасса, дочь Агафокла Сиракузского; матерью Гелена — Биркенна, дочь иллирийского царя, *Plut., Pyrrh.*, 9.

⁶ Об экспедиции Пирра в Италию ср. *Plut., Pyrrh.*, 15 слл.; *Paus.*, I, 12, 2—131; *Fior.*, I, 8; *Oros.*, IV, 1; *Liv.*, *Epit.*, XII—XIV; *App.*, *Samn.*, 7, 3—8; 10; 11.

⁷ Битва при Геракле (в Лукании) в 280 г. до н. э. Ср. *Plut., Pyrrh.*, 16—17; *Fior.*, I, 18, 7—8; *Zonaras*, VIII, 3; *Plin.*, N. H., VIII, 6.

хваченной добычи Пир безвозмездно отпустил в Рим двести пленников с тем, чтобы римляне, познав его храбрость, узнали и его великодушие. (11) Спустя несколько дней, когда к Пирру присоединились союзные отряды, он вторично сразился с римлянами, и в этом сражении судьба была к нему столь же благосклонна, как в первом¹.

Гл. 2. (1) Между тем в римский сенат явился карфагенский полководец Магон, посланный со ста двадцатью кораблями на помощь римлянам², и стал заверять их, будто карфагеняне очень огорчены тем, что Италия страдает от войны с парем-чужестранцем; (2) поэтому-то и послали его, чтобы римлянам пришло на помощь иноземное войско, раз уж на них напал иноземный враг. (3) Сенат выразил карфагенянам благодарность, но от их помощи отказался. (4) Магон же с пуническим лукавством спустя короткое время тайно посетил Пирра под видом карфагенского мирного посредника, намереваясь выведать его планы относительно Сицилии, куда, как до него дошел слух, Пирра уже звали. (5) Ибо ведь истинным поводом к отправке подкреплений римлянам было желание карфагенян войной с Римом задержать Пирра в Италии, чтобы он не имел возможности переправиться в Сицилию. (6) Пока все это происходило, отправленный римским сенатом посол Фабриций Лусциан³ договорился с Пирром о мире. (7) Для утверждения этого мира Пирр послал в Рим Кинеаса⁴, с богатейшими дарами, но Кинеас не нашел никого, в чьем доме эти дары захотели бы принять. (8) Почти к тому же времени относится и другой пример этого бескорыстия римлян. (9) Отправленные сенатом в Египет послы отвергли драгоценные дары, присланные им царем Птолемеем⁵, а когда через несколько дней их пригласили на пир, причем им заранее были присланы золотые венки, они приняли их как почетный дар, но на следующий день возложили их на царские статуи. (10) Поэтому-то Кинеас, когда сообщил Пирру, что заключению мира с римлянами воспрепятствовал Аппий Клавдий⁶, на вопрос царя: «А каков же Рим?», — ответил: «Видел город царей!»⁷ (11) После этого к Пирру явились послы от сицилийцев, чтобы передать Пирру власть над всем островом, страдавшим от постоянных войн с карфагенянами. (12) Ввиду этого Пирр, оставив у локров сына своего Александра и обеспечив города союзников сильными гарнизонами, переправил войско в Сицилию⁸.

Гл. 3. (1) Так как мы упомянули о карфагенянах, следует сказать кое-что об их происхождении, предварительно кое-что напомнив о событиях, происшедших у тирян, судьбы которых то же были весьма печальны. (2) Начало тирийскому народу (*gens*) было положено финикийцами, (3) которые, потерпев от землетрясения, покинули родную землю и сначала заселили окрестности Сирийского озера (*ad Syrium stagnum*)⁹, а затем и само морское побережье. (4) Здесь они основали город, который, из-за изобилия рыбы, называли «Сидоном»¹⁰, ибо финикийцы рыбу называют «сидон». (5) Затем, много лет спустя, побежденные царем аскалонцев, сидоняне спаслись на

¹ Битва при Аускуле в Апулии, в 279 г. до н. э., Согласно П л у т а р х у (Pugrh., 21), результаты этой битвы оказались отнюдь не блестящими для Пирра — «пирровой победой».

² Ср. V a l. M a x., III, 7, 10. Источники сообщают, что около этого времени договор между римлянами и карфагенянами был возобновлен в четвертый раз, с дополнениями, касающимися отношений с Пирром (см. L i v., Epit., XIII; P o l y b., III, 25).

³ Консул 278 г. Ср. P l u t., Pugrh., 20, 21.

⁴ Согласно П л у т а р х у (Pugrh., 18—20), посольства Кинеаса и Фабриция имели место до битвы при Аускуле. Ср. L i v., Epit., XIII; D i o d., XXII, 6, 3.

⁵ В 273 г. до н. э. Птолемей II заключил договор с Римом (см. L i v., Epit., XIV).

⁶ Ср. P l u t., Pugrh., 18—19; F l o r., I, 18, 20; L i v., Epit., XIII.

⁷ Ср. P l u t., Pugrh., 19.

⁸ Рассказ о Пирре у Юстина продолжается в XXIII, 3, 1.

⁹ В некоторых рукописях: Assyrium, assirium. По Г е р о д о т у (I, 4; VII, 89), первоначальной родиной финикийцев была местность ок. Персидского залива.

¹⁰ Ср. S t r a b o, I, 2, 33, стр. 40; XVI, 2, 22, стр. 756.

кораблях и за год до падения Трои основали город Тир¹. (6) Подвергаясь в течение долгого времени неоднократным нападениям персов, они выходили [из этих войн] победителями, но так как силы их постепенно ослабевали, то им пришлось претерпеть унижительные мучения от своих рабов, ставших слишком многочисленными. (7) Рабы эти составили заговор и перебили не только своих господ, но и вместе с ними всех свободных. Завладев таким образом городом, они захватывают дома своих господ, овладевают властью, берут себе жен и, сами будучи рабами, производят на свет свободных. (8) Только один из стольких тысяч рабов был, благодаря своему мягкому характеру, тронут судьбой своего господина — старика и его малолетнего сына. Он отнесся к своим господам не с дикой жестокостью, но человечно, с состраданием. (9) Поэтому он спрятал их, так что их считали убитыми. А рабы стали совещаться об устройстве своего государства, и было решено избрать царя из числа самих рабов, а именно того, который первый увидит восходящее солнце — признак, что этот человек наиболее угоден богу. [Раб] рассказал об этом своему скрывавшемуся господину Стратону (таково было его имя). (10) От него раб получил нужные указания, и когда все в полночь собрались на равнине и все остальные стали смотреть на восток, он один обратился лицом к западу. (11) Прочим сначала показалось безумием ждать восхода солнца с запада, (12) но при наступлении дня, когда восток запылал, то прежде всего озарились высокие кровли городских зданий. В то время как остальные ожидали, когда взойдет само солнце, он первый показал на отблеск солнечных лучей на кровлях города. (13) Остроумная догадка показалась всем не рабского ума делом. Стали расспрашивать, кто до этого додумался, и раб признался в спасении своего господина. (14) Тогда поняли, насколько ум свободного человека выше ума раба, поняли, что рабы могут побеждать не мудростью, а лукавством. (15) Поэтому старику и его сыну даровали помилование и, думая, что они спасены каким-либо богом, избрали Стратона в цари. (16) Когда он умер, власть перешла к его сыну, а затем к его внукам. (17) Слух о преступлении [тирийских] рабов распространился повсюду; это был устрашающий пример для всего мира. (18) Оттого-то, когда Александр Великий², спустя много времени, воевал на востоке, он, как бы в отпущение за это преступление против общества, взяв Тир, всех, кто не погиб в сражении, распял на крестах, [как бы] карая их за преступление, совершенное их предками. (19) Он не тронул только потомков Стратона и вернул им царскую власть, дав им в качестве подданных из числа жителей острова людей свободного происхождения и ни в чем не провинившихся, чтобы, истребив рабских отпрысков, положить начало новому населению города.

Гл. 4. (1) Таким образом, обновленный по воле Александра Тир вскоре окреп благодаря бережливости и упорному трудолюбию его жителей. (2) Еще до избения господ, когда жители Тира были богаты и многочисленны, они отправили свою молодежь в Африку и основали Утику³. (3) В это время в Тире скончался царь Муттон; он назначил своими наследниками сына Пигмалиона и дочь Элиссе⁴, девушку необыкновенной

¹ По исчислению Юстина — в 1185 г. до н. э., по исчислению Иосифа Флавия — в 1250 г. до н. э. Ср. Н е г о d., II, 44,3. — ок. 2750 г. до н. э. См. А. Р. В и г н, *Minoans, Philistines and Greeks*, L., 1930.

² См. выше — XI, 10, 10 слл. В других источниках, излагающих поход Александра в Финикию, имя Стратона связано с Тиром (D i o d., XVII, 47), то с Сидоном (C u r t., IV, 1, 16). О расправе Александра с жителями Тира в 332 г. до н. э. см. А г р., *Anab.*, II, 24; C u r t., IV, 4,17; D i o d., XVII, 46, 4.

³ Античное предание относит основание Утики к 1087 г. до н. э. (V e l l. P a t., I,2; [A g r i s t.], *Mir.*, 134).

⁴ Рассказ, приводимый Юстином, об Элиссе (Дидоне) и основании Карфагена можно проследить в греческой историографии вплоть до Тимея (F H G, fr. 23). Римский вариант, связывающий Дидону с Энеем (см. V e r g., *Aen.*, I, 340—370 и кн. IV), возможно, берет свое начало от стихов Невия и Энния. См. М. М. П о к р о в с к и й, *История римской литературы*, М.—Л., 1942, стр. 38. Об изложении Юстина в гл. 4—6 см. G s e l l, *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*², P., 1914—1929, т. I, стр. 380 слл.

красоты. (4) Но народ передал царскую власть Пигмалиону, еще очень молодому. (5) Элисса же вышла замуж за Ахерба¹, дядю своего по матери, жреца Геркулеса², который по своему почетному положению был вторым после царя. (6) У Ахерба были большие богатства, но хранились они втайне, золото же он из страха перед царем хранил не в доме, а в земле. (7) Хотя точно об этом никто ничего не знал, но молва об этом была. (8) Эти слухи разожгли [жадность] Пигмалиона, и он, презрев законы человечности и узы родства, убил своего дядю, который приходился ему в то же время шурином. (9) Элисса из-за этого преступления долго чуждалась брата. В конце концов она затаила в себе ненависть и притворилась примирившейся со своей судьбой, а тайно стала готовиться к бегству, сговорившись с некоторыми из виднейших людей в государстве, которые, как она думала, также ненавидели царя и стремились бежать. (10) Тогда Элисса обращается к брату [с такими] лукавыми [словами]: она хочет переселиться к брату, чтобы дом ее мужа в ней, жаждущей забвенья, не вызывал тяжелой скорби, чтобы глаза ее не видели более перед собой того, что возбуждает в ней горькие воспоминания. (11) Пигмалион с удовольствием выслушал сестру, думая, что вместе с ней к нему перейдет и золото Ахерба. (12) Но Элисса в тот же вечер с помощью слуг, присланных царем, чтобы помочь ей при переезде [к нему], погрузила все свои богатства на корабли и, выйдя в открытое море, приказала сбросить в воду большие мешки, наполненные песком, но имевшие вид мешков с золотом. (13) После этого она рыданиями, скорбными воплями стала взывать к Ахербу, умоляя его благосклонно принять сокровища, которые он оставил ей; пусть послужит ему в качестве погребальной жертвы то, что было причиной его смерти. (14) А затем обратилась она к царским слугам: ей, [сказала она], смерть давно уже стала желанной; но их, похитивших у жадного тирана богатства, ради которых он совершил убийство [родственника], ждут жестокие пытки и суровые наказания. (15) Этими словами она в них вселила страх и приобрела себе спутников в бегстве. К ней присоединяются также многие сенаторы, приготовившиеся к бегству той же ночью. Все они, принеся жертву Геркулесу, жрецом которого был Ахерб, решили искать себе на чужбине место для поселения.

Гл. 5. (1) Первую свою остановку они сделали у острова Кипра. (2) Здесь, по¹ внушению богов, предложил сопутствовать Элиссе и разделить ее судьбу жрец Юпитера вместе с женой и детьми, выговорив для себя и своего потомства на все будущие времена жреческое достоинство. (3) Это условие было принято и сочтено явно благоприятным предзнаменованием. (4) У жителей Кипра был обычай посылать девушек, перед тем как их выдадут замуж, в определенные дни на берег моря, чтобы они добыли себе деньги на приданое и, принеся эту жертву Венере, в дальнейшем хранили целомудрие. (5) Из числа этих девушек Элисса приказала похитить и перевести на корабль около восьмидесяти, чтобы и ее молодежь имела жен, а будущий город — юное поколение. (6) Пока все это происходило, Пигмалион узнал о бегстве сестры. Он был готов, нарушив законы родства, вооруженной силой преследовать бежавшую и лишь с трудом отказался от этого намерения, побежденный просьбами матери и грозными предостережениями богов. (7) Вдохновленные свыше прорицатели вещали, что он не останется безнаказанным, если помешает возникновению города, которому суждено стать счастливейшим городом в мире (*urbis toto orbe auspaticissimae*). (8) Таким образом беглецам была дана передышка, и Элисса, причалив в одном из африканских заливов, добилась дружественного отношения к себе местных жителей, которые обрадовались прибытию чужеземцев и возможности торговать с ними. (9) Затем Элисса купила [у местных жителей] кусок земли такой величины, сколько можно покрыть бычьей шкурой, где бы ее спутники, утомленные долгим плаванием, могли восстановить свои силы, прежде чем отправляться дальше. Однако Элисса приказала разрезать кожу на тончайшие полоски и захватила таким образом больше земли, чем просила, почему впоследствии

¹ В е р г л и й (Aen., I, 343) называет его Сихеем (Sychaeus).

² См. выше, XI, 10, 10 п прим.

это место было названо Бирсой¹. (10) Когда сюда стали сходитья жители из соседних местностей, в надежде на прибыль начали приносить с собой много товаров для продажи вновь прибывшим (11) и стали оседать здесь, то из этого стечения людей образовалось нечто вроде поселка (*instar civitatis*). (12) Жители Утики прислали [к Элиссе и ее спутникам] послов с дарами, как к своим соплеменникам, убеждая их основать город на том месте, где они уже расположились по воле судьбы. (13) Да и у афров появилось желание удержать пришельцев. (14) Так с общего согласия был основан город Карфаген, а за землю, занятую городом, была установлена ежегодная дань. (15) При первой закладке города была найдена бычья голова. Это сочли за предзнаменование того, что, хотя город и будет изобилен, это потребует также и того, чтобы этот город был в вечном порабощении. (16) Поэтому город вторично заложили в другом месте, и там была найдена конская голова; а это означало, что народ будет воинственным и могучим, и послужило благоприятным предзнаменованием для выбора места. (17) При известии о новом городе в него стали стекаться люди, и население стало многочисленно, а государство велико.

Гл. 6. (1) Когда вследствие успеха в делах Карфаген пришел в цветущее состояние, царь макситанов Гиарб призывает к себе десять пунийских старейшин (*principibus*) и требует себе в жены Элиссе, грозя в случае отказа войной. (2) Послы побоялись сообщить об этом Элиссе и повели это дело с пунийской изворотливостью, сообщив ей, что царь требует, чтобы к нему прислали какого-нибудь человека, который научил бы его и афров более [культурному] образу жизни; (3) но можно ли найти кого-нибудь, кто согласился бы уехать от своих соплеменников к варварам, живущим, как дикие звери? (4) Тогда царица стала их укорять: вправе ли они отказываться от более суровых условий жизни ради блага отечества, для которого они должны жертвовать, если потребуются, даже своей жизнью? Тогда они открыли [царице], что именно поручил им [сказать] царь, [добавив], что она сама должна сделать то, чему их учит, если хочет принести своему государству пользу. (5) Попавшись в эту ловушку, она, обливаясь слезами и жалобно рыдая, долгое время зывала к Ахербу, мужу своему, а потом сказала, что пойдет туда, куда призывает ее собственная ее судьба и судьба ее города. (6) Назначив себе трехмесячный срок для исполнения этого решения, она приказала воздвигнуть на окраине города костер, будто для того, чтобы умиловить тень (*virgi mopes*) своего мужа и перед новым браком принести жертвы по умершему. (7) Затем она заклала много жертв, взошла на костер с мечом в руках и, обратив взоры свои к народу, сказала, что, согласно с их советом, собирается идти к мужу, после чего закололась мечом. (8) Пока Карфаген оставался непобедимым, ей поклонялись как богине. (9) Город этот основан был на семьдесят два года раньше Рима². (10) Насколько славной была его военная доблесть, настолько же его внутренняя жизнь была полна раздоров. (11) Когда в числе других бедствий карфагеняне страдали от моровой язвы, они совершали кровавые религиозные обряды и [прибегали] к злодеяниям, как к средству исцеления: (12) они приносили человеческие жертвы и даже детей, возраст которых [обычно] и у врагов вызывает жалость, они возлагали на жертвенники, испрашивая у богов милости за пролитие крови тех, о продлении жизни которых принято молиться.

Гл. 7. (1) Такими злодеяниями они отвратили от себя богов и, после того как они долго и удачно воевали в Сицилии и уже перенесли войну в Сардинию, они потеряли там большую часть войска и потерпели страшное поражение. (2) Вследствие этого они приказали уйти в изгнание с уцелевшей частью войска полководцу своему Мазею³,

¹ «Бирса» — ср. греч. βίρσα — «бычья шкура».

² Юстин дает, таким образом, дату основания Карфагена — 826/5 г. до н. э. Другие авторы расходятся с ним: некоторые относят основание Карфагена к периоду до Троянской войны (A p r., Pun., 1; Ph il i s t., FHG, fr. 50); Т и м е й (FHG, fr. 21) относит его к 814 г. до н. э. S. G s e l l, ук. соч., т. I, стр. 374, останавливается на дате 814/813 гг. до н. э. Об истории Карфагена см. также O. M e l t z e r, Geschichte der Karthager, В., 1879—1913.

³ Разночтения: Maseum, Maleum. Конъектура Vossius a — Malchum.

под руководством которого они некогда покорили большую часть Сицилии¹ и совершали подвиги в войне против афров. (3) Воины, убитые этим приказанием, отправили в Карфаген послов, которые сначала просили о разрешении возвратиться на родину и о прощении, а затем заявили, что оружием добьются того, чего не добились просьбами. (4) Так как карфагеняне презрели их просьбы и угрозы послов, солдаты спустя несколько дней сели на корабли и с оружием подступили к городу. (5) Здесь, призывая в свидетели богов и людей, [они заявили], что пришли не завоевывать город, но вернуть себе родину; они намерены доказать своим согражданам, что в предыдущей войне не доблести им нехватало, а счастья. (6) Осадив город и, перехватывая обозы с продовольствием, они довели карфагенян до полного отчаяния. (7) Между тем сын полководца-изгнанника Мазея Карталон, еще раньше посланный карфагенянами в Тир, чтобы принести Геркулесу десятину от добычи, захваченной его отцом в Сицилии, возвращался оттуда мимо отцовского лагеря. Отец приказал позвать его к себе, но он ответил, что намерен сначала выполнить обязанности, налагаемые на него религией, а не сыновний долг частного лица. (8) Хотя отец был возмущен этим ответом, он не осмелился, однако, применив насилие, оскорбить религию. (9) Но когда Карталон спустя несколько дней явился к отцу просить от имени народа пропустить в город обозы с продовольствием и своей пурпурной одеждой и жреческой повязкой привлечь к себе взоры всех, то отец, отведя его в сторону, сказал [ему]: (10) «Как ты, нечестивейший человек, осмелился украшенный пурпуром и золотом появляться среди такого множества граждан, пораженных несчастьем? Как ты мог войти в лагерь убитых горем людей, одетых в траур, надев на себя символы спокойствия и счастья, словно пришел на какое-то торжество? Не мог бы найти других, перед кем бы почваниться? (11) Не нашел более подходящего места, чем место отцовского позора, [места], где горюет несчастный изгнанник? (12) Почему ты, когда я недавно позвал тебя, надменно пренебрег — уж не говорю — отцом, но вождем твоих сограждан? (13) А ты сам разве носишь этот пурпур и этот венец не благодаря моим победам? (14) И вот — так как ты в отце своем видишь только изгнанника, я сам буду считать себя больше полководцем, чем отцом, [и сделаю тебя устрашающим] примером, чтобы никто впредь не посмел издеваться над горем и несчастьями своего отца». (15) И он приказал притворить сына в его роскошном одеянии к высочайшему кресту, чтобы его было видно из города. (16) Через несколько дней Мазей взял Карфаген и, созвав народное собрание, жаловался на оскорбление, нанесенное ему изгнанием, оправдывал свои военные действия крайней необходимостью и объявил, что он удовлетворен теперь своей победой и, если будут казнены виновники несправедливого изгнания [его и других несчастных сограждан], то он обещает простить остальных. (17) И действительно, казнив десять сенаторов, он вернул городу его законы. (18) Но спустя немного времени он был обвинен в стремлении к царской власти и понес кару за двойное преступление — против сына и против родного города. (19) После него верховным военачальником стал Магон, стараниями которого возросли и богатства Карфагена, и пределы его владений, и военная слава.

КНИГА XIX

Гл. 1. (1) Магон, карфагенский полководец, первым установил в войске военную дисциплину, этим заложил основы господства пунийцев и укрепил мощь государства как военным искусством, так и своей [личной] доблестью. Он умер², (2) оставив двух сыновей, Асдрубала и Гамилькара³; они, идя по стопам отцовской доблести, явились достойными наследниками и рода своего и отцовского величия. (3) Под их предводи-

¹ Походы Мазея (или Малха) в Сицилии отнесены Фриманом на основании O r o s., IV, 6, 9, приблизительно к 540 г. до н. э. См. E. F r e e m a n, History of Sicily from the Earliest Times to the Death of Agathokles, Oxford, 1891—1894, т. I, стр. 297 и прим. 2; ср. O. M e l t z e r, ук. соч., т. I, стр. 158 слл.

² Конец VI в.

³ Деятельность сыновей Магона относится к концу VI — началу V в.

тельством была начата война с Сардинией¹; сражались также с афрами, которые в течение долгих лет требовали дани за землю, на которой стоял город [Карфаген]. (4) Но так как дело афров было более справедливым, то и счастье было на их стороне, (5) и конец войне с ними был положен не оружием, а выплатой им денег. (6) Асдрубал, тяжело раненный в Сардинии, умер, передав команду брату своему Гамилькару. (7) Смерть Асдрубала, который одиннадцать раз был диктатором и четыре раза праздновал триумф, была важным событием, и ее оплакало все государство. (8) Враги также воспрянули духом, как будто вместе с вождем рухнула и мощь пунийцев. (9) Сицилийские племена из-за постоянных обид со стороны карфагенян обратились за помощью к...², брату спартанского царя Леонида. Началась трудная война с Сицилией, тянувшаяся долго и с переменным счастьем. (10) Пока все это происходило, в Карфаген прибыли послы от персидского царя Дария³. Они принесли с собой царский указ которым запрещалось пунийцам приносить человеческие жертвы и есть собачье мясо. (11) Кроме того, царь предписывал сжигать тела умерших, а не зарывать их в землю. (12) В то же время [царские послы] просили помощи против Греции, с которой Дарий собирался воевать. (13) Но карфагеняне отказали в военной помощи из-за непрерывных войн с соседями, в остальном же они с готовностью повиновались [царю], чтобы не показалось, что они во всем оказывают ему противодействие.

Гл. 2. (1) Между тем погиб на войне в Сицилии Гамилькар⁴, оставив трех сыновей: Гимилькона, Ганнона, Гисгона; (2) у Асдрубала было столько же сыновей: Ганнибал, Асдрубал и Сапфон. (3) Все они в то время вершили дела в Карфагене; (4) а именно, они напали на мавров, воевали против нумидийцев, а афры были принуждены освободить⁵ карфагенян от уплаты дани за землю, на которой был основан их город. (5) Так как эта многочисленная семья полководцев стала в тягость свободному государству, ибо они одни всем распоряжались и все решали, то с течением времени из числа сенаторов избрали сто судей⁶, которые, по возвращении полководцев с войны, должны были требовать у них отчета в их действиях, (6) чтобы полководцы из страха перед такой ответственностью пользовались своей властью на войне, не нарушая государственных постановлений и законов. (7) Место Гамилькара в качестве главнокомандующего в Сицилии занял Гимилькон⁷. Он дал ряд удачных сражений на суше и на море, захватил много городов, но неожиданно потерял [свое] войско от моря, вызванного влиянием вредоносного светила. (8) Когда в Карфаген пришла весть об этом, город охватила такая скорбь, словно сам город был захвачен врагами. Всюду разда-

¹ Сардиния была включена в состав карфагенских владений ок. 500 г. до н. э. О трудностях, встреченных карфагенянами при завоевании этого острова, см. *D i o d.*, V, 15,3—4.

² Лакуна, которую, по предложению Paretì, следует заполнить: [Dorieus]. О столкновении Дорея с карфагенянами и эгестянами в Сицилии (510 г. до н. э.) см. *Н е г о д.*, V, 43,46; *D i o d.*, IV, 23,3; *P a u s.*, III, 16,5.

³ Дарий I, сын Гистаспа. *Д и о д о р* (XI, 1, 4—5) и *Э ф о р* (FHG, I, стр. 264) сообщают о посольстве, отправленном Ксерксом карфагенянам, и о согласии последних, одновременно с вторжением Ксеркса в Грецию, напасть на западных греков. Об исторической достоверности рассказа Юстина (§§ 10—13) см. отрицательные мнения: *S. G s e l l* (Ук. соч., т. IV, стр. 444) и *F r e e m a n* (Ук. соч., т. II, стр. 483).

⁴ 480 г. до н. э. (битва при Гимере). См. *Н е г.*, VII, 165—167; *D i o d.*, XI, 20 слл.

⁵ По мнению Гзелля, ок. 475—450 гг. до н. э. См. *S G s e l l*, ук. соч., т. I, стр. 463; ср. *O. M e l t z e r*, ук. соч., т. I, стр. 225; т. II, стр. 85, 92—93.

⁶ См. *iudicum ordo* у *Liv.*, XXXIII, 46; ср. *A r i s t.*, *Pol.*, II, 11, стр. 1272b—1273b.

⁷ Гимилькон занял место не Гамилькара, а его внука Ганнибала после смерти последнего в 406 г. до н. э. См. *D i o d.*, 43, 5; 86, 3. О гибели войск Гимилькона под Сиракузами в 396 г. до н. э.: см. *D i o d.*, XIV, 62—76.

вались горестные вопли, (9) частные жилища и храмы богов были заперты, все общественные жертвоприношения прекращены, все частные дела запрещены. (10) Затем все столпились в гавани и, когда с [вернувшихся] кораблей сошли те немногие, кто спасся от страшной гибели, все стали их расспрашивать о своих родных. (11) И если раньше была еще какая-то слабая надежда, неопределенные опасения и трепет в ожидании сиротства, то теперь гибель родных стала для несчастных несомненной, и по всему берегу раздались стоны убитых горем, вопли несчастных матерей и горестные жалобы.

Гл. 3. (1) В это время сошел со своего корабля и сам главнокомандующий, одетый в грязную рабью тунику, и, увидев его, толпы рыдающих людей его окружают. (2) А он, воздев руки к небу, оплакивает то свой собственный жребий, то горе, постигшее весь народ; (3) он обвиняет богов, отнявших столь великую военную славу, блеск побед, которые они же даровали, богов, которые мором, а не военным оружием, погубили победоносное войско, взявшее столько городов, победившее столько врагов на суше и на море. (4) Однако он может доставить согражданам своим немалое утешение тем, что враги их могут [лишь] радоваться их несчастью, но не гордиться им. (5) Ибо не могут они сказать, что те, которые умерли, убиты ими, а те, которые возвратились, бежали от них. (6) Добыча, которую забрали враги, после того как пунийцы оставили лагерь, не такова, чтобы можно было похвалиться ею, как трофеями, взятыми у побежденных врагов; они захватили ее, как нечто, никому после случайной смерти владельцев не принадлежащее, как имущество выморочное. (7) Если говорить о сражении с врагами, то пунийцы отступили как победители; если — о сражении с моровой язвой, то как побежденные. (8) Для него самого ничто не может быть тягостнее, чем то, что он не смог умереть вместе с храбрейшими мужами, а остался в живых не для наслаждения жизнью, а для того, чтобы быть игралищем злой судьбы. (9) И сейчас, когда он привел сюда в Карфаген хотя бы жалкие остатки своего войска, он намерен последовать за своими соратниками (10) и показать родине, что он остался в живых до этого дня не потому, что ему хотелось жить, но чтобы, умерев, не покинуть среди вражеских войск и не предать тех в руки врагов, кого пощадила проклятая чума. (11) С такими плачевными возгласами Гимилькон шел по городу, а дойдя до порога своего дома, он отпустил следовавшую за ним толпу, обратившись к ней как бы с прощальными словами; (12) потом он запер двери своего дома, никого не допустил к себе, даже своих сыновей, и наложил на себя руки.

